

Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
Kokshetau State University named after Sh. Ualikhanov

A MANUAL FOR LITERARY TRANSLATION

Немченко Н.Ф.
Боргуль Н.М.
Моисеева Е.В.

Кокшетау-2014

УДК 800:20
ББК 81.432.1-7
Н 39

Рекомендовано к печати кафедрой английского языка и МП КГУ им. Ш. Уалиханова, Ученым Советом филологического факультета КГУ им. Ш. Уалиханова, УМС КГУ им. Ш. Уалиханова

Рецензенты:

Анищенко О.А. доктор филологических наук, профессор, руководитель отдела науки КГУ им. Ш. Уалиханова

Каримова Г.О. кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой языков КТИ МЧС РК

Немченко Н.Ф., Боргуль Н.М., Моисеева Е.В.

Н 39 А Manual for literary translation. . Пособия по художественному переводу. Учебное пособие, Изд.: КГУ им. Ш. Уалиханова, 2014, -248 с.

ISBN 978-601-261-185-4

Учебное пособие подготовлено для студентов старших курсов и магистрантов, изучающих английский язык на филологических и языковых факультетах. В пособии раскрываются особенности переводческих трансформаций, характерных для передачи художественного текста на основе универсалий и специфики английского и русского языков. Студентам представлена возможность изучать переводческие приемы и совершенствовать свои собственные филологические и переводческие навыки в рамках такой коммуникативной единицы каким является связный текст. Переводческие и филологические компетенции формируются с точки зрения структурно-семантических, коммуникативных и прагматических особенностей художественного текста.

УДК 800:20
ББК 81.432.1-7

ISBN 978-601-261-185-4

© Немченко Н.Ф., Боргуль Н.М., Моисеева Е.В.

Table of Contents

Part I Comparative Analysis	4
English-Russian translation.....	5
• Jerome K. Jerome. A Ghost Story.....	5
• Virginia Woolf. The String Quartet.....	12
• O. Henry. Memoirs of a Yellow Dog.....	20
• William Young Elliott. Wait in the Night.....	27
• Katherine Mansfield. The Baron.....	34
• Jack Kerouac. On the Sidewalk.....	40
• Jerome K. Jerome. The Statues of Prague (Part 1).....	46
• Jerome K. Jerome. The Statues of Prague (Part 2).....	51
• George Orwell. Shooting an Elephant (Part 1).....	56
• George Orwell. Shooting an Elephant (Part 2).....	63
• C.B. Gilford. Terrified.....	70
• M.R. James. After Dark in the Playing Fields.....	77
• Hector Hugh Munro. Tea.....	84
Russian-English translation.....	91
• Пантелеймон Романов. В темноте.....	91
• Зинаида Гиппиус. Влюбленные.....	98
• Иван Соколов-Микитов. Петька. Заяц.....	105
• Федор Сологуб. Белая собака.....	111
• Александр Шахов. Два случая.....	118
• Евгений Попов. Котелок походный прохудился.....	125
• Михаил Жванецкий. О нас.....	132
• Владимир Хорунжий. Отчий дом.....	140
• Вячеслав Пьецух. Как я ездил за границу.....	147
• Юрий Олеша. Зрелища.....	153
• Николай Лесков. Удивительный случай всеобщего недоумения.....	159
• Антон Чехов. Мошенники поневоле. Новогодняя побрехушка.....	166
• Варлам Шаламов. Выходной день.....	171
Part II Assignments for Self-Training (Exercises for Russian-English translation)	178
• English-Russian translation (tasks 1-5).....	180
• Russian-English translation (tasks 6-24).....	189
Part III Assignments for Individual Work	221
Glossary	240
Literature and Internet Sources	248

PART 1

COMPARATIVE ANALYSIS

Recommendations to follow in the tasks for comparison and translation:

- Always learn as much as possible about the author and literary tradition of the source text.
- Do not start to translate straight off with the first sentence of the text until you have read it at least twice.
- Study semantic, stylistic and rhythmic values of the names in the text so as not to pass over the chance to select the right forms for them in the target language.
- Consider not only the forms but also expressive functions of the words and sentences in the text.
- While making pre-translating analysis, identify all units of the text which may present a translation problem of a certain linguistic status.
- Consider the comparative associative force of the equivalent units.
- Thoroughly measure the rhythmic pattern of the text on all levels of perception, from sounding of names to general compositional structure.
- Do not forget to read aloud what you have written in translation to compare it with the source rhythmic and phonic image.
- Try to find a similar text in the target cultural tradition that will prove useful in your translation efforts.

ENGLISH-RUSSIAN TRANSLATION

1.1 A Ghost Story (by Jerome K. Jerome)

I met a man in the Strand¹ one day that I knew very well, as I thought, though I had not seen him for years. Next morning, I spoke of this meeting to a mutual friend, and then I learnt, for the first time, that the man had died six months before.

As soon as I finished speaking, Jephson², who had been listening thoughtfully, asked me if I believed in spiritualism.

"Do you believe," he went on, "that the spirits of the dead have not only the power of revisiting this earth at their will, but that, when here, they have the power of action, or rather, of exciting to action? Let me put a definite case. A spiritualist friend of mine, a sensible and by no means imaginative man, once told me that a table, through the medium of which the spirit of a friend had been in the habit of communicating with him, came slowly across the room towards him, of its own accord, one night as he sat alone, and pinioned him against the wall. Now can any of you believe that, or can't you?"

"I could," Brown took it upon himself to reply; "but, before doing so, I should wish for an introduction to the friend who told you the story."

"For my part," remarked MacShaughnassy³, "I can believe in the ability of our spirit friends to give the quaint entertainments credited to them much easier than I can in their desire to do so."

"You mean," added Jephson, "that you cannot understand why a spirit, not compelled as we are by the exigencies of society, should care to spend its evenings carrying on a labored and childish conversation with a room full of abnormally uninteresting people."

"That is precisely what I cannot understand," MacShaughnassy agreed.

"Nor I, either," said Jephson. "But I was thinking of something very different altogether. Suppose a man died with the dearest wish of his heart unfulfilled, do you believe that his spirit might have power to return to earth and complete the interrupted work?"

"Well," answered MacShaughnassy, "if one admits the possibility of spirits retaining any interest in the affairs of this world at all, it is certainly more reasonable to imagine them engaged upon a task such as you suggest, than to believe that they occupy themselves with the performance of mere drawing-room tricks. But what are you leading up to?"

"Why, to this," replied Jephson, seating himself straddle-legged across his chair, and leaning his arms upon the back. "I was told a story this morning at the hospital by an old French doctor. The actual facts are few and simple; all that is known can be read in the Paris police records of sixty-two years ago.

"The story begins with a great wrong done by one man unto another man⁴. The man who had done the wrong fled, and the other man followed him. The course was the

whole world, and the stakes were the first man's life.

"Travellers were few and far between⁵ in those days, and this made the trail easy to follow. The first man, never knowing how far or how near the other was behind him, and hoping now and again that he might have baffled him, would rest for a while. The second man, knowing always just how far the first one was before him, never paused, and thus each day the man who was spurred by Hate drew nearer to the man who was spurred by Fear.

"One day the man who was ridden by Fear looked up, and saw before him the open door of a cathedral, and, passing in, knelt down and prayed. He prayed long and fervently, for men, when they are in sore straits⁶, clutch eagerly at the straws of faith⁷. And a few chairs from him, facing him, knelt his enemy, praying also.

"But the second man's prayer, being a thanksgiving merely, was short, so that when the first man raised his eyes, he saw the face of his enemy gazing at him across the chair-tops, with a mocking smile upon it.

"He made no attempt to rise, but remained kneeling, fascinated by the look of joy that shone out of the other man's eyes. And the other man moved the high-backed chairs one by one, and came towards him softly.

"Then, just as the man who had been wronged stood beside the man who had wronged him, full of gladness that his opportunity had come, there burst from the cathedral tower a sudden clash of bells, and the man, whose opportunity had come, broke his heart and fell back dead, with that mocking smile still playing round his mouth.

"Years passed away, and the survivor in the tragedy became a worthy and useful citizen, and a noted man of science.

"In his laboratory were many objects necessary to him in his researches, and, prominent among them, stood in a certain corner a human skeleton. It was a very old and much-mended skeleton, and one day the long-expected end arrived, and it tumbled to pieces.

"Thus it became necessary to purchase another.

"The man of science visited a dealer he well knew--a little parchment-faced old man who kept a dingy shop, where nothing was ever sold, within the shadow of the towers of Notre Dame.

"The little parchment-faced old man had just the very thing that Monsieur wanted⁸--a singularly fine and well-proportioned 'study.' It should be sent round and set up in Monsieur's laboratory that very afternoon.

"The dealer was as good as his word. When Monsieur entered his laboratory that evening, the thing was in its place.

"Monsieur seated himself in his high-backed chair, and tried to collect his thoughts. But Monsieur's thoughts were unruly, and inclined to wander, and to wander always in one direction.

"Monsieur opened a large volume and commenced to read. He read of a man who had wronged another and fled from him, the other man following. Finding himself

reading this, he closed the book angrily, and went and stood by the window and looked out. He saw before him the sun-pierced nave of a great cathedral, and on the stones lay a dead man with a mocking smile upon his face.

"Cursing himself for a fool, he turned away with a laugh. But his laugh was short-lived, for it seemed to him that something else in the room was laughing also. Struck suddenly still, with his feet glued to the ground, he stood listening for a while: then sought with starting eyes the corner from where the sound had seemed to come. But the white thing standing there was only grinning.

"Monsieur wiped the damp sweat from his head and hands, and stole out.

"For a couple of days he did not enter the room again. On the third, telling himself that his fears were those of a hysterical girl, he opened the door and went in.

"He tried to work, but the empty sockets in that grinning head seemed to be drawing him towards them. He rose and battled with his inclination to fly screaming from the room. Then he sat down again to his work. For a while he forced himself to look at the book in front of him, but at last, unable to control himself any longer, he suffered his eyes to follow their own bent.

"It may have been an hallucination. But what he saw was a bony hand coming round the corner of the screen, and, with a cry, he fell to the floor in a swoon.

"The people of the house came running in, and lifting him up, carried him out, and laid him upon his bed. As soon as he recovered, his first question was, where had they found the thing-- where was it when they entered the room? and when they told him they had seen it standing where it always stood, and had gone down into the room to look again, because of his frenzied entreaties, and returned trying to hide their smiles, he listened to their talk about overwork, and the necessity for change and rest, and said they might do with him as they would.

"So for many months the laboratory door remained locked. Then there came a chill autumn evening when the man of science opened it again, and closed it behind him.

"He lighted his lamp, and gathered his instruments and books around him, and sat down before them in his high-backed chair. And the old terror returned to him.

"But this time he meant to conquer himself. He crossed to the door and locked himself in, and flung the key to the other end of the room, where it fell among jars and bottles with an echoing clatter.

"Later on, his old housekeeper, going her final round, tapped at his door and wished him good-night, as was her custom. She received no response, at first, and, growing nervous, tapped louder and called again; and at length an answering 'good-night' came back to her.

"She thought little about it at the time, but afterwards she remembered that the voice that had replied to her had been strangely grating and mechanical.

"Next morning his door remained still locked, it was no unusual thing for him to work all night and far into the next day. When, however, evening came, and yet he did not appear, his servants gathered outside the room and whispered, remembering what had happened once before.

"They listened, but could hear no sound. Becoming alarmed, they decided to burst open the door, and, after many blows, it gave way, and they crowded in.

He sat bolt upright in his high-backed chair. They thought at first he had died in his sleep. But when they drew nearer and the light fell upon him, they saw the livid marks of bony fingers round his throat; and in his eyes there was a terror such as is not often seen in human eyes."

Brown was the first to break the silence that followed. He asked me if I had any brandy on board. He said he felt he should like just a nip of brandy before going to bed. That is one of the chief charms of Jephson's stories: they always make you feel you want a little brandy.

Commentary on the English:

- *I met a man in the Strand*: the Strand is a famous street and a small area in central London among whose notable features are several theaters, the Savoy Hotel, the Victorian Gothic building of the Law Courts, the BBC's Bush House, and some magnificent churches, one of them the Church of St. Clement Danes by Christopher Wren, now the official church of the Royal Air Force (it is the St. Clement's of the "Oranges and Lemons" nursery rhyme every British child grows up with – "*Oranges and lemons*" / *say the bells of St. Clement's*; / "*You owe me five farthings*" / *say bells of St. Martin's*; / "*When will you pay me?*" / *say bells of Old Bailey*; / "*When I grow rich*" / *say the bells of Shoreditch*; / "*When will that be?*" / *say the bells of Stepney*; / "*I do not know*" / *says the great bell at Bow*).

- *Jephson*: a cross between traditional E. names, such as Jephcott and Jefferson, for example.

- *MacShaughnassy*: strictly speaking, "Mac" ("son of") can also precede Irish names, but is usu. thought of as a typically Scottish tag, so this looks like a parody of the venerable Irish name of O'Shaughnessy or Shaughnessy.

- *Unto another man*: "unto" is the archaic version of "to" especially abundant in the Bible; here used to sustain the mock-solemn style of the narrative parodying "old writing."

- *Travellers were few and far between*: a more expressive way of saying "rare" or "scarce" one comes across quite frequently both in written and is spoken E. (often aiming at a humorous effect).

- *When they are in sore straits*: "straits" means "an extremely desperate situation" and is usu. reinforced with an attribute; "sore" now sounds somewhat old fashioned? For E. seems to have firmly settled for "dire".

- *Clutch eagerly at the straws of faith*: just like in R. the "straw" phrases of this kind have their origin in the saying "a drowning man will clutch at a straw", but unlike R. , they take a variety of verbs, so that one can also say "grab, snatch, catch or seize at a straw/straws".

- *The very thing that Monsieur wanted...*: this, and the rest of the paragraph, is an example of represented speech (the dealer's words disguised as part of the narrator's discourse), while the numerous subsequent mentions of "Monsieur" are a mocking echo of the former.

Джером К. Джером

История с привидениями

Как-то раз на Стрэнде я встретил человека, которого, как я думал, я прекрасно знал, хотя и не видел много лет. На следующее утро я рассказал о встрече нашему общему знакомому. Тут-то и выяснилось, что человек этот умер за полгода до того.

Как только я замолчал, внимательно слушавший мой рассказ Джефсон спросил меня, верю ли я в спиритизм.

- Вы верите, - продолжал он, - что духи умерших способны не только возвращаться на землю, но и, вернувшись, могут действовать, или вернее, побуждать действовать других? Позвольте, я приведу конкретный пример. Я знаком с одним спиритом, человеком благоразумным и отнюдь не фантазёром. Он мне рассказывал, что стол, посредством которого он обычно общался с духом своего друга, совершенно сам собою двинулся через комнату, когда он был там один вечером, и прижал его к стене. Ну что, можете вы такому поверить?

- Я могу, - вызвался ответить Браун, - только сначала я хотел бы сам поговорить с тем вашим приятелем.

- Что до меня, - заметил МакШонесси, - я готов поверить, что наши бесплотные друзья способны на причудливые развлечения, которые им приписывают, но с трудом представляю себе, чтобы им хотелось это делать.

- То есть, - прибавил Джефсон, - вы не можете понять, зачем духу, не связанному, в отличие от нас, светскими условностями, проводить вечера в натужной ребяческой болтовне с полной комнатой редкостных зануд.

- Именно, - подтвердил МакШонесси.

- И меня то же удивляет, - сказал Джефсон. – Но я-то другое имел в виду. Допустим, человек умирает, не успев исполнить свое заветное желание. Вы верите, что его дух мог бы вернуться на землю и закончить дело?

- Ну, если допустить, что духам все еще интересно, что у нас тут делается, - ответил МакШонесси, - то конечно более разумно представить себе, что они занимаются чем-то в этом роде, чем верить, что они дурака валяют в гостиных. Но куда это вы клоните?

- А вот куда, - ответил Джефсон, усаживаясь верхом на стул. – Мне сегодня утром француз доктор рассказал одну историю. Факты очень простые, да их и не

много; всё, что об этом известно, можно прочесть в отчетах парижской полиции сорокадвухлетней давности.

Началось все с того, что один человек сильно обидел другого. Обидчик бежал, а второй стал его преследовать. Полем для гонки был весь мир, а призом – жизнь первого человека.

В то время мало кто путешествовал, так что идти по следу труда не составляло. Первый человек не мог знать, далеко или близко от него второй и, надеясь, что он сумел обмануть того, временами позволял себе передышку. Второй же, точно зная, насколько первый его опережал, не останавливался не на минуту, и тот, которого гнала Ненависть, постепенно настигал того, кого гнал Страх.

Однажды гонимый Страхом поднял глаза и увидел перед собой двери собора. Он вошёл, стал на колени и начал молиться. Молился он долго и горячо, ибо люди в беде охотно хватаются за соломинку веры. А через несколько стульев от него стоял на коленях его враг и тоже молился.

Но молитва этого второго, в которой он просто благодарил Бога, была короткой, так что, когда первый поднял голову, он увидел, что его враг с усмешкой смотрит на него через спинки стульев.

Он не сделал попытки подняться и продолжал стоять на коленях, замороженный злорадным блеском в глазах другого человека. А тот, отодвигая стул за стулом, потихоньку приближался к нему.

И тут, как раз когда обиженный добрался до своего обидчика, радуясь, что дождался своего часа, вдруг ударили соборные колокола, и тот, что дождался своего часа, упал замертво от разрыва сердца, а губы его всё кривила усмешка.

Прошли годы, и оставшийся в живых стал достойным и полезным членом общества, известным учёным.

В его лаборатории, полной разных нужных ему предметов, стоял в углу на видном месте человеческий скелет. Скелет был очень старый, чиненный-перечиненный, и однажды случилось то, что должно было случиться – скелет развалился.

Нужно было покупать новый.

Ученый наведаясь к торговцу, которого хорошо знал – старичку с пергаментным лицом. Его грязная лавчонка, где и покупателей-то не бывало, ютилась под сенью башен Собора Парижской Богоматери.

У старичка с пергаментным лицом было как раз то, что мсье нужно – превосходный, исключительно благородных пропорций экземпляр. Сегодня же покупка будет доставлена и установлена в лаборатории мсье.

Торговец не обманул. Когда вечером мсье вошёл в лабораторию, скелет стоял на месте.

Мсье уселся в свое кресло с высокой спинкой и попробовал собраться с мыслями. Но мысли мсье путались, отказывались собираться и всё норовили свернуть в одну сторону.

Мсье раскрыл толстый фолиант и начал читать. Он читал о человеке, который причинил другому зло и сбежал, а тот другой пустился в погоню. Поняв, что он читает, он сердито захлопнул книгу, подошел к окну и выглянул наружу. Прямо перед собой он увидел пронизанный солнечным светом неф огромного собора, а на каменном полу – мёртвого человека с насмешливой ухмылкой на лице.

Выругав себя дураком, он отвернулся со смешком. Но смех тут же замер у него на губах, так как ему показалось, что в комнате ещё что-то рассмеялось. Замерев от ужаса, он словно прирос к полу и стоял, прислушиваясь; потом перевёл взгляд вытаращенных глаз в угол, откуда, казалось, раздавался этот звук. Но то, что там белело, всего лишь ухмылялось молча.

Мсье вытер испарину со лба и рук и крадучись вышел из комнаты.

Пару дней он избегал туда ходить. На третий день, сказав себе, что он не истеричная девица, он открыл дверь и вошел.

Он пытался работать, но пустые глазницы ухмыляющегося черепа словно притягивали его. Он встал, изо всех сил стараясь побороть в себе желание бежать прочь, вопя от ужаса. Затем сел и снова принялся за работу. Какое-то время он заставлял себя смотреть в книгу перед собой, но, в конце концов, не в силах более сдерживаться, дал глазам взглянуть туда, куда их давно тянуло.

Возможно, то была галлюцинация, но он увидел медленно поднимающуюся костлявую руку, и, вскрикнув, рухнул на пол без чувств.

Люди в доме сбежались на крик, подняли его, вынесли из комнаты и положили на постель. Как только он пришёл в себя, он тут же спросил, где они нашли тот предмет – где он был, когда они вошли? И когда ему сказали, что он стоял, где всегда, и вернулись в комнату проверить, потому что он умолял их пойти посмотреть еще раз, и пришли назад, пряча улыбки, он выслушал уговоры не работать так много, отдохнуть и переменить обстановку и сказал: пусть делают с ним, что считают нужным.

Итак, дверь в лабораторию оставалась запертой много месяцев. И вот однажды наступил холодный осенний вечер, когда ученный снова отпер ее и закрыл за собой.

Он зажёл лампу, собрал в кучу инструменты и книги и уселся перед всем этим в своё кресло с высокой спинкой. И прежнее чувство ужаса охватило его.

Но на этот раз он твердо решил справиться с собой. Он подошел к двери и запер ее изнутри, а ключ швырнул в дальний угол с колбами и ретортами, и звон эхом отдался по комнате.

Позже его экономка, обходя на ночь дом, постучала в дверь и, как всегда, пожелала ему спокойной ночи. Сначала ответа не было, и, встревожившись, она постучала громче и повторила свои слова. И наконец услышала ответ: “спокойной ночи”.

Тогда она не обратила на это внимание, но позднее вспоминала, что голос, который ей ответил, был какой-то скрипучий и механический.

На следующее утро дверь так и не открылась, но он частенько работал по ночам, да еще и добрую половину следующего дня прихватывал. Однако, когда настал вечер, а он все не появлялся, слуги собрались у двери и стали шептаться, вспомнив, что случилось однажды.

Они прислушивались, но из комнаты не доносилось ни звука. Встревоженные слуги решили выломать дверь, и после многих ударов она поддалась и распахнулась, и тогда они все кинулись внутрь.

Он сидел очень прямо, в своем кресле с высокой спинкой. Сначала они подумали, что он умер во сне.

Но подойдя поближе и осветив его, они увидели темные следы костлявых пальцев на его горле, а в глазах нечеловеческий ужас.

Браун первым нарушил паузу. Он спросил, нет ли у меня бренди. Он сказал, что ему не помешал бы глоточек перед сном. Вот в этом и есть главная прелесть джефсоновых рассказов: от них всегда хочется выпить бренди.

1.2 The String Quartet (By Virginia Woolf)

Well, here we are, and if you cast your eye over the room you will see that Tubes¹ and trams and omnibuses, private carriages not a few, even, I venture to believe, landaus with bays in them, have been busy at it², weaving threads from one end of London to the other. Yet I begin to have my doubts—

If indeed it's true, as they're saying, that Regent Street³ is up, and the Treaty signed⁴, and the weather not cold for the time of year, and even at that rent not a flat to be had, and the worst of influenza its after effects; if I bethink me⁵ of having forgotten to write about the leak in the larder, and left my glove in the train; if the ties of blood require me, leaning forward, to accept cordially the hand which is perhaps offered hesitatingly—

"Seven years since we met!"

"The last time in Venice."

"And where are you living now?"

"Well, the late afternoon suits me the best, though, if it weren't asking too much—"

"But I knew you at once!"

"Still, the war made a break—"

If the mind's shot through by such little arrows, and—for human society compels it—no sooner is one launched than another presses forward; if this engenders heat and in addition they've turned on the electric light; if saying one thing does, in so many cases, leave behind it a need to improve and revise, stirring besides regrets, pleasures, vanities, and desires—if it's all the facts I mean, and the hats, the fur boas, the gentlemen's swallow-tail coats, and pearl tie-pins that come to the surface—what chance is there?

Of what? It becomes every minute more difficult to say why, in spite of

everything, I sit here believing I can't now say what, or even remember the last time it happened.

"Did you see the procession?"

"The King looked cold."⁶

"No, no, no. But what was it?"

"She's bought a house at Malmesbury."⁷

"How lucky to find one!"

On the contrary, it seems to me pretty sure that she, whoever she may be, is damned, since it's all a matter of flats and hats and sea gulls, or so it seems to be for a hundred people sitting here well dressed, walled in, furred, replete. Not that I can boast, since I too sit passive on a gilt chair, only turning the earth above a buried memory, as we all do, for there are signs, if I'm not mistaken, that we're all recalling something, furtively seeking something. Why fidget? Why so anxious about the sit of cloaks; and gloves—whether to button or unbutton? Then watch that elderly face against the dark canvas, a moment ago urbane and flushed; now taciturn and sad, as if in shadow. Was it the sound of the second violin tuning in the ante-room? Here they come; four black figures, carrying instruments, and seat themselves facing the white squares under the downpour of light; rest the tips of their bows on the music stand; with a simultaneous movement lift them; lightly poise them, and, looking across at the player opposite, the first violin counts one, two, three—

Flourish, spring, burgeon, burst! The pear tree on the top of the mountain. Fountains jet; drops descend. But the waters of the Rhone flow swift and deep, race under the arches, and sweep the trailing water leaves, washing shadows over the silver fish, the spotted fish rushed down by the swift waters, now swept into an eddy where—it's difficult this—conglomeration of fish all in a pool; leaping, splashing, scraping sharp fins; and such a boil of current that the yellow pebbles are churned round and round, round and round—free now, rushing downwards, or even somehow ascending in exquisite spirals into the air; curled like thin shavings from under a plane, up and up....How lovely goodness is in those who, stepping lightly, go smiling through the world! Also in jolly old fishwives⁸, squatted under arches, obscene old women, how deeply they laugh and shake and rollick⁹, when they walk, from side to side, hum, hah!

"That's an early Mozart, of course—"

"But the tune, like all his tunes, makes one despair—I mean hope. What do I mean? That's the worst of music! I want to dance, laugh, eat pink cakes, yellow cakes, drink thin, sharp wine. Or an indecent story, now—I could relish that. The older one grows the more one likes indecency. Hah, hah! I'm laughing. What at? You said nothing, nor did the old gentleman opposite....But suppose—suppose—Hush!"

The melancholy river bears us on. When the moon comes through the trailing willow boughs, I see your face, I hear your voice and the bird singing as we pass the osier bed. What are you whispering? Sorrow, sorrow. Joy, joy. Woven together, like reeds in moonlight. Woven together, inextricably commingled, bound in pain and strewn in sorrow—crash!

The boat sinks. Rising, the figures ascend, but now leaf thin, tapering to a dusky wraith, which, fiery tipped, draws its twofold passion from my heart. For me it sings, unseals my sorrow, thaws compassion, floods with love the sunless world, nor, ceasing, abates its tenderness but deftly, subtly, weaves in and out until in this pattern, this consummation, the cleft ones unify; soar, sob, sink to rest, sorrow and joy.

Why then grieve? Ask what? Remain unsatisfied? I say all's been settled; yes; laid to rest under a coverlet of rose leaves, falling. Falling. Ah, but they cease. One rose leaf, falling from an enormous height, like a little parachute dropped from an invisible balloon, turns, flutters waveringly. It won't reach us.

"No, no. I noticed nothing. That's the worst of music—these silly dreams. The second violin was late, you say?"

"There's old Mrs. Munro, feeling her way out—blinder each year, poor woman—on this slippery floor."

Eyeless old age, grey-headed Sphinx¹⁰....There she stands on the pavement, beckoning, so sternly, the red omnibus¹¹.

"How lovely! How well they play! How—how—how!"

The tongue is but a clapper¹². Simplicity itself. The feathers in the hat next me are bright and pleasing as a child's rattle. The leaf on the plane-tree flashes green through the chink in the curtain. Very strange, very exciting.

"How—how—how!" Hush!

These are the lovers on the grass.

"If, madam, you will take my hand—"

"Sir, I would trust you with my heart. Moreover, we have left our bodies in the banqueting hall. Those on the turf are the shadows of our souls."

"Then these are the embraces of our souls." The lemons nod assent. The swan pushes from the bank and floats dreaming into midstream.

"But to return. He followed me down the corridor, and, as we turned the corner, trod on the lace of my petticoat. What could I do but cry 'Ah!' and stop to finger it? At which he drew his sword, made passes as if he were stabbing something to death, and cried, 'Mad! Mad! Mad!' Whereupon I screamed, and the Prince, who was writing in the large vellum book in the oriel window¹³, came out in his velvet skull-cap and furred slippers, snatched a rapier from the wall—the King of Spain's gift, you know—on which I escaped, flinging on this cloak to hide the ravages to my skirt—to hide...But listen! The horns!"

The gentleman replies so fast to the lady, and she runs up the scale with such witty exchange of compliment now culminating in a sob of passion, that the words are indistinguishable though the meaning is plain enough—love, laughter, flight, pursuit, celestial bliss—all floated out on the gayest ripple of tender endearment—until the sound of the silver horns, at first far distant, gradually sounds more and more distinctly¹⁴, as if seneschals were saluting the dawn or proclaiming ominously the escape of the lovers....The green garden, moonlit pool, lemons, lovers, and fish are all dissolved in the opal sky, across which, as the horns are joined by trumpets and supported by clarions

there rise white arches firmly planted on marble pillars....Tramp and trumpeting. Clang and clangour. Firm establishment. Fast foundations. March of myriads. Confusion and chaos trod to earth. But this city to which we travel has neither stone nor marble; hangs enduring; stands unshakable; nor does a face, nor does a flag greet or welcome. Leave then to perish your hope; droop in the desert my joy; naked advance. Bare are the pillars; auspicious to none; casting no shade; resplendent; severe. Back then I fall, eager no more, desiring only to go, find the street, mark the buildings, greet the applewoman, say to the maid who opens the door: A starry night.

"Good night, good night. You go this way?"

"Alas. I go that."

Commentary on the English:

- *Tubes*: now only in the singular ("the tube"); the colloquial name for the London Underground.

- *have been busy at it*: "to be at sth" is a verbal phrase generally suggesting vigor and perseverance ("I see the men are still hard at it – when do you think the digging will be finished?"); it can also mean "to touch sth that is not yours" ("Who's been at my things again?"), "to scold" ("She's always at the children for one thing or another"), or "to misbehave" ("Those brats are at it again!").

- *Regent Street*: a shopping street in London's fashionable West End, running between Oxford Circus and Piccadilly Circus.

- *the Treaty signed*: the Treaty of Versailles signed in June 1919 between the Allies and Germany, which ended the First World War and formed the League of Nations

- *if I bethink me*: an even more archaic version of "bethink oneself" ("to recall", "to consider"), itself highly literary and largely obsolete (cf. "You should bethink yourself of your duty, my lord")

- *The King looked cold*: an ambiguous sentence, which may equally well suggest that the monarch was feeling the chill and that he seemed aloof and unfriendly

- *a house in Malmesbury*: Malmesbury is a town in north-west Wiltshire in Southern England, set on a rocky hill between the River Avon and its tributary, the Inglebourne; the air of quaint charm and unspoilt rusticity the place has would appear rather more attractive now than in the early 20th century

- *jolly old fishwives*: originally a designation of any female selling fish, "fishwife" has ended up meaning a woman who is rude, loud-mouthed and cantankerous, thanks no doubt to the sales manner employed by those ladies in the past ("Stop shrieking like an old fishwife and listen to me!")

- *rollick*: "to frolic, romp in a joyous, careless fashion, or to move in this manner", it is hardly ever used as a verb now, its surviving derivatives being the adjective "rollicking" ("boisterous", "noisy and merry") and the latter's nominal replica

used in BrE informally to mean “an act of expressing angry disapproval” (“He arrived several hours late and got a right rollicking from the boss”)

- *grey-headed Sphinx*: the sphinx of Greek mythology, quite distinct from the Egyptian figure, was a monster with the woman’s head and breasts, dog’s body, bird’s wings and serpent’s tail. The creature inhabited the vicinity of Thebes, setting the locals riddles and devouring those unable to find solutions. The Thebans were told by the oracle that she would kill herself if the following riddle was solved: “What goes on four feet, on two feet, and three, but the more feet it goes on the weaker it be?” I was at length solved by Oedipus with the answer that it was man, who as an infant crawls on all fours, in manhood goes erect on two feet, and in old age supports his tottering legs with a staff. The Egyptian sphinx was a lion, usu. with a pharaoh’s head, symbolizing royal power. Used figuratively, the wd implies something of an inscrutable or mysterious nature

- *the red omnibus*: the famous London double-decker; “omnibus” (Latin “for all”, Dat. plural of *omnis* – “all”) originally meant “a public vehicle” and was eventually replaced by its rump “bus” chopped off for convenience’s sake; used in full, the wd describes a book containing several works, esp. by one writer, which have already been printed separately (“a Dickens omnibus”, “the omnibus edition of the soap opera”=more than one show seen together); attributively, it can also mean “doing providing or dealing with several things at once” (“an omnibus program for teachers, translators and guides”)

- *The tongue is but a clapper*: allusion to Shakespeare’s lines “He hath a heart as sound as a bell, and his tongue is the clapper; for what his heart thinks his tongue speaks” from Act 3, Scene 2 of “much Ado About Nothing.”

- *in the oriel window*: an upper window that is built out from a wall to form a recess inside

- *sounds more distinctly*: “to sound”, as any E. grammar will tell you, should be followed by an adjective, in contrast to its R. counterpart requiring an adverb, which tends to confuse R. learner of E. Here, however, the adverb is legitimate because it describes the action rather than the subject (cf. the more obvious difference between “She looked angry” and “She looked angrily at the man”).

Вирджиния Вульф

Струнный квартет

Ну, вот и приехали. Посмотришь на зал, и видно, что метро, и трамваи, и автобусы, и немалое число частных экипажей, и даже, смею предположить, ландо, запряженных гнедыми, тут потрудились, снуя из конца в конец Лондона. Впрочем, может и не совсем так...

Если и правда, как говорят, на Риджент Стрит цены поднялись, и Договор подписан, и погода не холоднее, чем обычно, и даже втридорога квартиры не снять, и самое страшное в Grippe – осложнения; если я припоминаю, что забыла

написать про протечку в кладовой, и перчатку в поезде потеряла; если кровные узы вынуждают меня податься вперед и сердечно пожать руку, возможно протянутую с сомнением...

- Семь лет не виделись!

- Тогда в Венеции.

- А где вы теперь живете?

- Вечером меня как раз устраивает, только, если позволите...

- Но я вас сразу узнала!

- Все-таки, война внесла разнообразие..

Если сознание пронзают такие крошечные стрелы, и (общество людей того требует) едва одна стрела выпущена, за ней тут же летит следующая; если от этого делается жарко, да еще и электричество выключили; если сказав одно, частенько хочется поправиться, сказать лучше, а тут еще и волна сожалений, удовольствия, тщеславия и желаний поднимается – если это все, и шляпы, и боа, и фраки, и жемчужные булавки для галстука на виду, и только – на что же надеяться?

С каждой минутой я все меньше понимаю, зачем я здесь сижу, несмотря ни на что, сама не знаю, что думаю, и даже припомнить не могу, когда это было в последний раз.

- Вы видели шествие?

- Королю было холодно, мне показалось.

- Нет, нет. Но что же это было?

- Она купила дом в Малмсбери.

- Ей удивительно повезло.

Напротив, по-моему ей, кто бы она ни была, можно только посочувствовать, раз главное – это квартиры, шляпы и чайки, по крайней мере для сотни людей, что сидят здесь, похоже это так, для хорошо одетых, сытых, закутанных в меха, в уютном зале. Не то, чтобы мне было, чем похвалиться – я ведь тоже праздно сижу на золоченом стуле, только землю тревожу над погребенными воспоминаниями, как и все, ибо по некоторым признакам, все мы, кажется, вспоминаем что-то, ищем что-то украдкой. К чему суетиться? Зачем беспокоиться, хорошо ли сидит накидка; и перчатки – застегнуть пуговку? расстегнуть? И поглядите на то немолодое лицо на фоне темного полотна, минуту назад такое любезное и оживленное, а теперь молчаливо-печальное, будто тень набежала. Что это, вторую скрипку настраивали в фойе? А вот они наконец; четыре фигуры в черном с инструментами, рассаживаются перед белыми квадратами в потоках яркого света; касаются пюпитров концами смычков; все разом поднимают их легким взмахом; задерживают их в воздухе и, взглянув на скрипача напротив, первая скрипка отсчитывает раз, два, три...

Раскат, рассвет, взлет, взрыв! Цветущая груша на вершине горы. Бьют фонтаны; летят брызги. Но воды Роны стремительны и глубоки, несутся под арками, подхватывают водоросли, влекут тени над серебряными рыбами, рыбами в радужных пятнышках, которых несет быстрое течение; вот затянуло в

водоворот, где – сейчас будет очень сложный пассаж – просто месиво из рыб в пруду: выпрыгивают, плещут, задевают друг друга острыми плавниками; и такое кипение водных струй, что желтые камушки так и крутит, так и крутит – вот наконец вырвались и понеслись вперед, или как-то даже вверх, поднимаясь в воздух по изящной спирали; изогнувшись как легкая стружка из-под рубанка; все выше и выше... Как же прелестна доброта в тех, кто легким шагом проходит по жизни с улыбкой! И в веселых, языкатых старухах, что присаживаются под арками, непристойных старухах – до чего же они громко хохочут, и трясутся, и переваливаются на ходу, ох-ха-ха!

- Ну, это ведь ранний Моцарт...

- Но музыка, как все его мелодии, просто до отчаяния доводит – я хочу сказать, надежду вселяет. А что я хочу сказать? Вот это в музыке хуже всего! Мне хочется танцевать, смеяться, есть разноцветные пирожные, пить легкое, терпкое вино. Или скабрёзную историю, прямо сейчас – это бы я с удовольствием. Чем старше становишься, тем больше нравится все неприличное. Ха-ха! Я смеюсь. Над чем? Вы ничего не сказали, и тот пожилой человек напротив тоже... но если, допустим... допустим... Тише!

Печальная река несет нас дальше. Когда сквозь ветви ивы в воде проглядывает луна, я вижу твое лицо, слышу твой голос и птичий щебет в зарослях лозняка на берегу. Что ты шепчешь? Горе, горе. Радость, радость. Сплелись вместе, как тростник лунной ночью. Переплелись, перемешались так, что не распутать, связаны болью и развеяны в горе – кр-ррак!

Лодка тонет. Фигуры поднимаются, плывут в воздухе, не толще листка, всё уже, всё тоньше – вытянулись в темный призрак с огненной точкой наверху, который в сердце моем черпает свою двойную страсть. Это мне он поет, мою печаль распечатывает, растапливает сострадание, наполняет любовью мир без солнца, а кончаясь, не гасит нежность, но ловко, изящно снует туда-сюда, пока в узоре, завершении не сольются раздвоенные; и воспарят, рыдая, и опустятся в успокоении – горе и радость.

Так зачем печалиться? Спрашивать: что? Оставаться неудовлетворенным? Все устроилось, говорю я; да, все успокоилось под покровом тихо падающих розовых лепестков. Падающих. Ах, но они больше не падают. Один лепесток, опускаясь с немыслимой высоты, как парашютик, сброшенный с невидимого воздушного шара, поворачивается, как бы порхая в воздухе. Он не достигнет нас.

- Нет, нет, я ничего не заметил. Хуже всего в музыке – эти дурацкие мечтания. Вторая скрипка поздно вступила, говорите?

- Вон старая миссис Мунро пробирается к выходу – все больше слепнет, бедная – по этому скользкому полу.

Безглазая старость, седой сфинкс... Вот она стоит на мостовой, сердито машет рукой красному автобусу, чтобы остановился.

- Прелестно! До чего же они хорошо играют! До чего же... до чего же!

Язык – это помело. Сама простота. Перья на шляпе рядом со мной яркие,

глаз ласкают, как детская погремушка. Платановый лист вспыхивает ярко-зеленым сквозь щель в шторах. Так странно, так волнующе.

- До чего же... до чего же... до чего же! – Тише!

А это влюбленные на траве.

“Если вы примете мою руку, сударыня...”

“Сударь, я бы сердце вам доверила. К тому же наши тела остались в банкетной зале. Там на траве лишь тени наших душ”.

“Тогда это объятия наших душ”. Лимонные деревца кивают согласно. Лебедь соскальзывает с берега и выплывает на середину реки в забыты.

“Так вот. Он шел за мной по коридору и, едва мы завернули за угол, наступил на кружевной край моего подола. Что мне оставалось кроме как вскрикнуть. ‘Ах’ и, остановившись потрогать кружево? И тут он выхватил меч, взмахнул им, будто пронзал что-то насмерть, и крикнул: “Безумие! Безумие! Безумие!” Тогда я закричала, а Принц, который что-то писал на большой пергаментной книге у окна, вышел в своей бархатной шапочке и отороченных мехом туфлях, сорвал со стены шпагу – подарок короля испанского, знаете ли – и тут я убежала, набросив этот плащ, чтобы прикрыть порванную юбку, прикрыть... Слушайте, слушайте! Валторны!”

Господин отвечает даме такой скороговоркой, а она взбегает по октаве с таким остроумным обменом любезностями, увенчанным всхлипом страсти, что слов не разобрать, хотя смысл вполне понятен: любовь, смех, бегство, погоня, неземное блаженство – все вместе выносятся на волне веселой и нежной ласки, пока не зазвучат серебряные валторны, сначала издали, а потом все ближе, все явственнее, словно сенешали приветствуют рассвет или зловеще возвещают о побеге любовников... Зеленый сад, пруд в лунном свете, лимонные деревья, влюбленные и рыбы – все растворяется в бледном мерцающем небе, в котором встают белые своды на прочных мраморных столбах, как только вступают трубы и рожки... Трубит и гремит. Прочно построено. Фундамент крепок. Шагают шеренги. Смятение и хаос надвигаются на землю. Но в городе, куда идем мы, нет ни камня ни мрамора,; он пребудет в веках; стоит непоколебимо; и ни лица ни флага нам на встречу. Так оставь надежду свою, пусть погибает; радость мою брось вянуть в пустыне; наг иди вперед. Столбы голы, никому не добрый знак; не бросают тени; великолепны и суровы. И откидываюсь назад, оживление погасло, хочется только уйти поскорее, найти улицу, узнать дома, поздороваться с торговкой яблоками, сказать горничной, когда откроет дверь: звездная ночь.

“До свидания, до свидания. Вам сюда?”

“Увы. Мне в другую сторону”.

1.3 Memoirs of a Yellow Dog¹ (by *O. Henry*)

I don't suppose it will knock any of you people off your perch to read a contribution from an animal. Mr. Kipling and a good many others have demonstrated the fact that animals can express themselves in remunerative English.

But you needn't look for any stuck-up literature in my piece, such as Bearoo, the bear, and Snakoo, the snake, and Tammanoo, the tiger², talk in the jungle books. A yellow dog that's spent most of his life in a cheap New York flat, sleeping in a corner on an old sateen underskirt (the one she spilled port wine on at the Lady Longshoremen's banquet), mustn't be expected to perform any tricks with the art of speech.

I was born a yellow pup; date, locality, pedigree and weight unknown. The first thing I can recollect, an old woman had me in a basket at Broadway and Twenty-third trying to sell me to a fat lady. Old Mother Hubbard³ was boosting me to beat the band as a genuine Pomeranian-Hambletonian-Red-Irish-Cochin-China-Stoke-Pogis⁴

fox terrier. The fat lady chased a V around among the samples of gros grain flannelette in her shopping bag till she cornered it, and gave up. From that moment I was a pet—a mamma's own wootsey squidlums. Say, gentle reader, did you ever have a 200-pound woman pick you up and wallop her nose all over you, remarking all the time: "Oh, oo's oodlum, doodlum⁵, woodlum, toodlum, bitsy-witsy skoodlums?"

From a pedigreed yellow pup I grew up to be an anonymous yellow cur looking like a cross between an Angora cat and a box of lemons. But my mistress never tumbled. She thought that the two primeval pups that Noah chased into the ark were but a collateral branch of my ancestors.

I'll tell you about that flat. The house was the ordinary thing in New York, paved with Parian marble in the entrance hall and cobblestones above the first floor. Our fiat was three—well, not flights—climbs up. My mistress rented it unfurnished, and put in the regular things—1903 antique upholstered parlour set⁶, oil chromo of geishas in a Harlem tea house, rubber plant and husband.

By Sirius⁷ there was a biped I felt sorry for. He was a little man with sandy hair and whiskers a good deal like mine. Henpecked?—well, toucans and flamingoes and pelicans⁸ all had their bills in him. He wiped the dishes and listened to my mistress tell about the cheap, ragged things the lady with the squirrel-skin coat on the second floor hung out on her line to dry. And every evening while she was getting supper she made him take me out on the end of a string for a walk.

If men knew how women pass the time when they are alone they'd never marry. Laura Lean Jibbey, peanut brittle, a little almond cream on the neck muscles, dishes unwashed, half an hour's talk with the iceman, reading a package of old letters, a couple of pickles and two bottles of malt extract, one hour peering through a hole in the window shade into the flat across the air-shaft—that's about all there is to it. Twenty minutes before time for him to come home from work she straightens up the house, fixes her rat so it won't show, and gets out a lot of sewing for a ten-minute bluff.

I led a dog's life in that flat. 'Most all day I lay there in my corner watching that

fat woman kill time. I slept sometimes and had pipe dreams⁹ about being out chasing cats into basements and growling at old ladies with black mittens, as a dog was intended to do. Then she would pounce upon me with a lot of that drivelling poodle palaver and kiss me on the nose—but what could I do?

I began to feel sorry for Hubby, dog my cats if I didn't.¹⁰ We looked so much alike that people noticed it when we went out; so we shook the streets that Morgan's cab drives down, and took to climbing the piles of last December's snow on the streets where cheap people live.

One evening when we were thus promenading, and I was trying to look like a prize St. Bernard, and the old man was trying to look like he wouldn't have murdered the first organ-grinder he heard play Mendelssohn's wedding-march, I looked up at him and said, in my way:

"What are you looking so sour about, you oakum trimmed lobster? She don't kiss you. You don't have to sit on her lap and listen to talk that would make the book of a musical comedy sound like the maxims of Epictetus¹¹. You ought to be thankful you're not a dog".

The matrimonial mishap looked down at me with almost canine intelligence in his face.

"Why, doggie," says he, "good doggie. You almost look like you could speak. What is it, doggie—Cats?"

Cats! Could speak!

But, of course, he couldn't understand. Humans were denied the speech of animals.

In the flat across the hall from us lived a lady with a black-and-tan terrier. Her husband strung it and took it out every evening, but he always came home cheerful and whistling. One day I touched noses with the black-and-tan in the hall, and I struck him for an elucidation.

"See, here, Wiggle-and-Skip," I says, "you know that it ain't the nature of a real man to play dry nurse to a dog¹² in public. I never saw one leashed to a bow-wow yet that didn't look like he'd like to lick every other man that looked at him. But your boss comes in every day as perky and set up as an amateur prestidigitator doing the egg trick. How does he do it? Don't tell me he likes it."

"Him?" says the black-and-tan. "Why, he uses Nature's Own Remedy. He gets spifflicated. By the time we've been in eight saloons he don't care whether the thing on the end of his line is a dog or a catfish. I've lost two inches of my tail trying to sidestep those swinging doors."

The pointer I got from that terrier—vaudeville please copy—set me to thinking.

One evening about 6 o'clock my mistress ordered him to get busy and do the ozone act for Lovey. I have concealed it until now, but that is what she called me. The black-and-tan was called "Tweetness." I consider that I have the bulge on him¹³ as far as you could chase a rabbit. Still "Lovey" is something of a nomenclatural tin can on the tail of one's self respect.

At a quiet place on a safe street I tightened the line of my custodian in front of an attractive, refined saloon. I made a dead-ahead scramble for the doors, whining like a dog in the press despatches that lets the family know that little Alice is bogged while gathering lilies in the brook.

"Why, darn my eyes," says the old man, with a grin; "darn my eyes if the saffron-coloured son of a seltzer lemonade ain't asking me in to take a drink. Lemme see—how long's it been since I saved shoe leather by keeping one foot on the foot-rest? I believe I'll—"

I knew I had him. Hot Scotches he took, sitting at a table. For an hour he kept the Campbells coming. I sat by his side rapping for the waiter with my tail, and eating free lunch such as mamma in her flat never equalled with her homemade truck bought at a delicatessen store eight minutes before papa comes home.

When the products of Scotland were all exhausted except the rye bread the old man unwound me from the table leg and played me outside like a fisherman plays a salmon. Out there he took off my collar and threw it into the street.

"Poor doggie," says he; "good doggie. She shan't kiss you any more. 'S a darned shame. Good doggie, go away and get run over by a street car and be happy."

I refused to leave. I leaped and frisked around the old man's legs happy as a pug on a rug.¹⁴

"You old flea-headed woodchuck-chaser," I said to him—"you moon-baying, rabbit-pointing, egg-stealing old beagle, can't you see that I don't want to leave you? Can't you see that we're both Pups in the Wood¹⁵ and the missis is the cruel uncle after you with the dish towel and me with the flea liniment and a pink bow to tie on my tail. Why not cut that all out and be pards forever more?"

Maybe you'll say he didn't understand—maybe he didn't. But he kind of got a grip on the Hot Scotches, and stood still for a minute, thinking.

"Doggie," says he, finally, "we don't live more than a dozen lives on this earth, and very few of us live to be more than 300. If I ever see that flat any more I'm a flat, and if you do you're flatter; and that's no flattery. I'm offering 60 to 1 that Westward Ho¹⁶ wins out by the length of a dachshund."

There was no string, but I frolicked along with my master to the Twenty-third street ferry.

On the Jersey side¹⁷ my master said to a stranger who stood eating a currant bun:

"Me and my doggie, we are bound for the Rocky Mountains."

But what pleased me most was when my old man pulled both of my ears until I howled, and said:

"You common, monkey-headed, rat-tailed, sulphur-coloured son of a door mat, do you know what I'm going to call you?"

"I'm going to call you 'Pete,'" says my master; and if I'd had five tails I couldn't have done enough wagging to do justice to the occasion.

Commentary on the English:

- *a yellow dog*: “an inferior or worthless person or thing”; dated American slang, some use since 1900.
- *Tammanoo, the tiger* : a caricature of Tammany Tiger, the symbol of Tammany Hall (the Democratic Party HQ) designed by Thomas Nast.
- *Old Mother Hubbard*: the meek old lady of a popular nursery rhyme who was too fond of her dog and went out of her way to please it.
- *Pomeranian-Hambletonian-Red-Irish-Cochin-China-Stoke-Pogis*: the Pomeranian is a small dog with long silky hair, pointed ears and a bushy tail; Hambletonian Stake is a horse-racing event in US so named after Rydyk’s Hambletonian, a legendary trotter; the red Irish setter is a long-haired pointing dog; the cochin(-china) is short for “cochin-china towel”, a breed of poultry from the area of that name in Vietnam; Stoke-Poges is a British town near Windsor famous as the setting of “The Elegy Written in a Country Churchyard” by Thomas Gray.
- *oo’s codlum, doodlum...*: a hideous parody of “baby talk”; “oo’s stands for “who’s” but could equally well mean “you are” (young children tend to pronounce “you” as “oo” and make no distinction between verb forms).
- *1903 antique set*: the mockery of the phrase may not be immediately apparent to the modern reader, unless they recall that the story was written no later than 1905 and the “antique set” must have been brand new at the time.
- *By Sirius*: a “doggy” version of “By Jove!” Sirius being the Dog Star so called by the Greeks from the adj. *seirios* (“hot and scorching”); the Romans called it *canicula*, dim of *canis* (“a dog”), whence the R. каникулы and the E. “canicular, or dog, days” – days of great heat: The Romans’ theory was that Sirius the Dog Star, rising with the sun, added to its heat, and the Dog Days (about July 3 to July 11) bore the combined heat of both.
- *toucans and flamingoes and pelicans*: three bird species with monstrously large beaks.
- *pipe dream*: the phrase means “hopes, beliefs or plans that will never come true” (from allowing one’s mind to wander in idle reflections on “what might be” while smoking tobacco or opium).
- *dog my cats if I didn’t*: an improbable phrase built on a common “oath” pattern (cf. “dam my eyes” lower down).
- *maxims of Epictetus*: Epictetus (c.50-c.138), a Greek stoic philosopher popularized in Russia by Tolstoyans. Examples of his wise sayings are “Endure and abstain” and “Control your passions, or your passions will control you.”
- *play dry-nurse to a dog*: jocular misuse of the phrase “wet nurse” (“a woman employed to suckle someone else’s baby”).
- *I have the bulge on him*: the American slang meaning of “bulge” is “advantage”.

- *happy as a pug on a rug*: a “doggy” joke inspired by the common idiom “as snug as a bug in a rug” (“very comfortable”).
- *Pups in the Wood*: based on the idiom “babes in the wood” (innocent or inexperienced children or adults, who are victims of circumstances or unscrupulous people), from the old ballad “The Children in the Wood” about a boy and a girl left to die in a wood by a wicked uncle.
- *Westward Ho*: (lit. курс на запад!); pedigree racers, such as horses or greyhounds, are often given this kind of “phrase” name.
- *the Jersey side*: Jersey City in north-eastern New Jersey, across the Hudson River from Lower Manhattan, is a western suburb of New York.

О. Генри

Мемуары несчастного пса

Думаю, никто из вас, людей, не обидится, получив материал от животного. Мистер Киплинг, и много еще кто, убедительно показали, что животные способны изъясняться на неплохо оплачиваемом английском языке.

Ну, у меня тут, конечно, без всяких литературных претензий, я же не Медведь Балун, или Удав Ка, или там Тигр Шуршан из книг джунглей. Жалкий желто-рыжий пес, который чуть не всю жизнь провел в дешевой нью-йоркской квартирке и спал в углу на старой сатиновой нижней юбке (той, которую она облила портвейном на банкете у леди Грузчигс), не больно-то способен на всякую словесную эквилибристику.

Родился я желтым щенком; дата и место рождения, а также родословная и вес не установлены. Первое, что я помню – я лежу в корзинке у старушки, которая пытается продать меня какой-то толстухе на углу Бродвея и Двадцать Третьей. Хорошая старушка знай себе нахваливай: уж такой-то я чистокровный шпиц-сеттер-кохинхин-рысистый-фокстерьер. Толстуха шарила-шарила в сумке среди образчиков полушелковой фланели в уточный рубчик, пока не нашарила пятерку – и сдалась. С тех пор я – домашний любимец, мамулин роднуля и утютютик. Скажи, любезный мой читатель, знаешь ли ты, каково это, когда двенадцатипудовая тетка схватит тебя в охапку и всего извозит носом, приговаривая: «А той-то у нас такие пуцики, куцики, цуцики, масенькие карапуцики?»

Из желтого щенка благородных кровей я вырос в рыжую дворнягу, что-то вроде помеси ангорской кошки с ящиком лимона. Но хозяйке моей хоть бы что. Она была уверена, что та пара доисторических кутят, которых Ной загнал в свой ковчег, были только побочной линией в моей генеалогии.

А теперь послушайте, что это была за квартира. Дом был обычный, нью-йоркский, вестибюль вымощен паросским мрамором, а со второго этажа – простой булыжник. До нашей квартиры было три про... ну, не полета – пробега. Моя

хозяйка сняла ее без мебели и обставила, как все: антикварный гостиный гарнитур 1903 года выпуск, олеография с гейшами в гарлемской чайной, фикус и муж.

Вот уж бедное двуногое то, клянусь Сириусом! Ростом он был небольшого, волосы русые и пара бакенбардов вроде моих. Под башмаком? Не то слово – под ботфортом он был. Под испанским сапогом. Он вытирал посуду и слушал, как моя хозяйка расписывала, что за дешевое тряпье вывешивает на просушку дама со второго этажа – та, у которой беличья шубка. И каждый вечер, как только примется готовить ужин, она его выставляла на улицу, чтобы меня прогулял на веревочке.

Знали бы мужчины, чем женщины занимаются, когда они дома одни – никогда бы не женились. Лаура Лин Трепλου, карамель с арахисом, чуть-чуть миндального крема на шее, посуда не мытая, полчаса болтовни с развозчиком льда, чтение пачки старых писем, пара соленых огурчиков и две бутылки солодового экстракта, час подглядывания в квартиру напротив через дырку в шторе – вот, пожалуй, и все. Минут за двадцать до того, как ему прийти с работы, она кое-как приберет в доме, поправит валик в прическе, чтобы не высывался, и вытащит кучу шитья на десять минут, так, для блезиру.

Жизнь у меня в этой квартире была просто собачья. Целыми днями я лежал у себя в углу и смотрел, как толстуха убивает время. Иногда я дремал, и мне снились дивные сны: то я кошек гоняю на улице, то рычу на старушек в черных варежках, как и положено порядочной собаке. И тут она лезет ко мне со своей слюнявой пуделятиной и чмокает в нос. Но что я мог поделаться?

Благоверного я жалел – чтоб мне кошек не видать, если вру. До того мы были похожи – люди оборачивались; так что мы бросили ходить туда, где морганов экипаж ездит, а стали лазить по прошлогодним сугробам на улицах, где народ подешевле.

Как-то раз прогуливались мы этак вечерком, и я делал вид, что я сенбернар-медалист, а старик мой делал вид, что ему совсем не хочется пристукнуть первого же шарманщика, который заведет свадебный марш. И тут я поднял морду и сказал по-своему:

- Ну, чего ты куксишься, чучело ты в пакле. Тебя она небось не целует. Тебе не надо сидеть у нее на коленях и выслушивать такое, что любая оперетка трактатом покажется. Скажи спасибо, что ты не пес.

А жертва Гименя посмотрел на меня умно так, ну просто, как собака.

- Что, собачка? – говорит. – Хорошая собачка. Прямо еще чуть-чуть – и заговоришь. Кошки, что ли?

Кошки! Заговоришь!

Ну, конечно, он не понял. Людям не надо понимать язык животных.

В квартире напротив нашей жила дама с черно-рыжим терьером. Ее муж привязывал его на веревочку и выводил гулять каждый вечер, но возвращался всегда веселый, посвистывая. Однажды я разговорился с черно-рыжим на лестнице и попросил разъяснений.

- Слышь, Прыг-Скок, - говорю, - сам знаешь, нормальный мужик не станет на людях няньку при собаке изображать. Я еще не видал такого, чтоб шел, привязанный к бобику, и не глядел бы волком на любого, кто на него глянет. А у тебя хозяин, что ни день, приходит радостный, молодец-молодцом, что твой фокусник, который сейчас трюк покажет. С чего бы это? Только не рассказывай мне, что ему это нравится.

- Ему-то? – говорит черно-рыжий. – Э-э, он у нас к Природному Средству прибегает. Заливает, в смысле. Как мы с ним зайдем штук в восемь пивных, ему уж все едино, что там у него привязано – собака или сом. Я половины хвоста лишился, когда попробовал от болтающейся двери увернуться.

Задумался я после того разговора с терьером.

Раз вечером, часов в шесть, хозяйка велела мужу пошевелиться: Детке пора озоном дышать. Эх, проговорился, теперь вы знаете, как она меня называла. Черно-рыжего звали «Сластенный». Так что мне еще повезло, но все равно «Детка»- вроде как жестянка на хвосте собачьего самолюбия.

Выбрав место поспокойнее на тихой улице, я натянул поводок моего опекуна перед очень милой, приличного вида пивной. Рванул к двери и заскулил, как какая-нибудь собака из газетной хроники, которая хочет сообщить семейству, что крошка Алиса увязла в болоте, собирая кувшинки в ручье.

- Ну надо же, - говорит мой старик и ухмыляется; - да ведь наш желтушный лимонадный Джо приглашает меня зайти пропустить стаканчик, не иначе! Ну ка, когда я в последний раз берег подметки, сидя за стойкой в баре? Пожалуй, и верно, можно...

Я понял, что своего добился. Он глотал, да глотал шотландский виски за столом. А я сидел рядом на полу и стучал хвостом, чтоб официант подошел, и такой обед задарма уплетал, что мамуле и не снилось с ее домашним рагу, купленным в кулинарии по соседству, за восемь минут до папулиного прихода.

Когда шотландская продукция вся вышла, кроме ржаного хлеба, старик отвязал меня от ножки стола и повел наружу зигзагами, как рыболов лосося на леске водит. На улице он снял с меня ошейник и выбросил.

- Бедная собачка, - говорит, - хорошая собачка. Больше она не будет тебя целовать. Это ж просто. Бз–зз–бразия. Иди себе, собачка, и пусть тебя трамвай переедет. Будь счастлива.

Но я не ушел. Я резвился и скакал вокруг стариковых ног, довольный, как моська в аваоське.

- Эх ты, блошинные твои мозги, тебе только сурков гонять, - сказал я ему, - не видишь, что-ли, что я не хочу от тебя уходить? Не видишь, что мы оба кутятасиротки, а супружница твоя – твоя мачеха, которая за тобой гоняется с кухонным полотенцем, а за мной с мазью от блох и розовым бантиком, чтобы на хвост повязать? Давай все бросим и будем кореша на век, а?

Скажите, он ничего не понял? Может и не понял. Но он вроде как поднапрягся и затих на минуту, задумался.

- Собачка, - говорит наконец, - человеку дается дюжина жизней на этой земле, не больше, и мало кто переваливает за триста лет. Если я еще хоть раз увижу эту квартиру, я квашня, а если ты ее увидишь – ты квашня в квадрате. Это не комплимент, не думай. Ставлю шестьдесят против одного, что На-Запад всех обойдет, на целую таксу.

Веровочки не было, но я бежал себе, приплясывая, рядом с хозяином, пока мы не дошли до парома у Двадцать Третьей улицы.

На той стороне, где Джерси, хозяин и говорит одному, который стоял ел булку с изюмом:

- Мы с собачкой в Скалистые Горы едем.

Но что мне больше всего понравилось, так это когда старик стал тягать меня за уши, пока я не взвыл, а потом и говорит:

- Ах ты, обезьянья башка, крысохвост, желтяка, сумкин ты сын, знаешь, как я тебя буду звать?

Я подумал про “Детку” и заскулил в тоске.

- Я тебя буду звать “Пит”, - говорит хозяин. И будь у меня пять хвостов, я бы не смог навильяться, как следует по такому случаю.

1.4 Wait in the Night (by William Young Elliott)

In the dingy second-floor office of Byars and Throckmorton, wholesale grocers, two men were sitting. An ancient gas chandelier flooded the room with a yellow, flickering light which poured out through the doorway and partly down the narrow wooden stairs.

The night was warm. One of the occupants, a stout young man with a worried look, was continuously mopping his face with a wilted handkerchief. Suddenly he turned to his gray, angular companion.

“At twelve, you say?”

“For the tenth time – yes. Byars will appear at twelve. It’s as certain as...death”.

“Couldn’t you have misunderstood him?”

“No, his voice was strong, even when he was dying.”

“Well, just what *did* he say? As you know, I was off at school at the time.”

“I’ll repeat it once more,” said the thin man wearily. “He had them prop his great red head with a second pillow. Then he looked straight at me and said, ‘Throckmorton, remember that after my death I will continue to be senior partner and direct the firm just as I have in life. And the first time you depart from one of my established policies, you’ll have me to deal with... that very night at twelve, in the office. And if you know what’s good for you, you’ll be there!’ Well, this morning I violated one of those policies.”

“Why?”

“My wife had been making fun of me for being afraid of a dead man. For the first

time in my life I came to the office angry instead of afraid. And I'm still defiant enough to bring on a showdown. But I'm afraid to. That's why I told you as much as I did this morning and asked you to be there. But I might add that I'm sorry I did – you seem to be more worried than I am.”

“It's for another reason.”

The thin man eyed him narrowly.

“And I think I know what it is.”

The young man did not reply, but in his turn studied the other closely.

“So you really think he'll be here!”

“Why not? Byars always did what he said he'd do.”

“But this is different. He's in another place now: the undiscover'd country from whose bourn no traveler returns.”¹

“Who said that?”

“Hamlet.”

“Hamlet didn't know Byars. After all, why shouldn't it be possible for a person of vigorous personality to override the limitations of death?”

“What is death?”

For a moment the thin man groped for an answer.

“Death is a change in perspective.”

“But this is also so strange!”

“So was Byars. Man, I tell you there was no one else like him in all the world. These 1890 fixtures, for instance, in this day and time². And the bookkeepers still sit on tall stools! And the man himself – great red beard, flowing red hair, piercing black eyes, booming voice – but why should I be telling you all this when you know him as well as I do, since he was your uncle.”

Young Byars looked at him pityingly.

“Throckmorton, maybe I shouldn't be so candid about my uncle, but our family always saw Uncle John in an entirely different light from the way you do. To us he was a big ham-actor³, a blustering bully who would terrorize anybody who would be terrorized, but an empty windbag to anyone who stood his ground – something you never did.”

“Your bread and butter wasn't dependent on him.”

“Uncle John,” continued the young man, “was a paranoiac who did all your thinking for you. Unconsciously you regarded him as a father, and now that you've been a bad boy, you expect him to return and punish you.”

“You and your psychology! That's what comes from running with that college professor,⁴ Pennington.”

“What's more,” young Byars went on, “you have definite paranoiac leanings yourself. You think everybody is out to get you⁵. And on the other hand – and I might as well be frank about it – you are trying to dominate me just as my uncle did you, a sort of revenge. Well, it won't work. When I took over my uncle's holdings, I became a partner in fact as well as in name.”

The thin man sat glowering and speechless. Then the young man said apologetically: "I'm sorry, Throckmorton, my nerves are strained too. Believe me, I have your best interests at heart."

"Yes, I know," sneered the older man. "I guess that's why you visited your psychologist friend this afternoon. I had the office boy trail you."

"You do have a persecution complex!"

"Let's keep the subject on you. You and your psychologist are conniving to destroy my sanity so you can run things. Furthermore, you've rigged up some dirty trick⁶ for tonight."

"You're mistaken."

"Mistaken nothing! I saw you remove that snapshot of Byars from under the glass on the desk he used."

"The one of him standing on a box at the businessmen's outing, bellowing like a bull? Yes, I did. I was afraid it was affecting your mind, you kept looking at it so much."

"Very nice of you! And you brought something up here this evening in a black box and hid it somewhere. Do you dare show me what it is?"

"There isn't time."

"And what was in the note Dr. Pennington's son brought you just before quitting time?"

"There isn't time to tell you."

The thin man came to with a start. "What is the time?"

"Five minutes of twelve."⁷

"You know," said the thin man thoughtfully, "what you said about my seeing Byars as a father may be right. My father was just such a man. Your facts are right although your motives are wrong. And somehow the truth is giving me courage."

"Good," said the young man, "and since I'm not supposed to be in the picture, I'll hide in the background."

"All right. And I'll sit here facing the door, revolver in hand."

"Revolver?"

"Yes, I know it's useless but it somehow helps me."

Young Byars arose and closed the door. "I've always wanted to see a ghost come through a door," he explained humorously. He also snapped off the lights.

"Why did you do that?"

"You'll see," said the young man, making his way to the rear.

From somewhere came the sound of a clock striking the hour. The thin man jumped to his feet and leveled the gun at the door.

"Come on, Byars," he called. "Come on. I'm ready for you this time. You thought you had me, mind, body, and soul. Well, you were never more..."

Suddenly he stopped talking and stared in amazement at the luminous figure before him, then burst into a peal of laughter.

The young man sprang forward and snapped on the lights. When he turned he found himself covered by the revolver.

“Some people would kill you,” the thin man gasped, “but really I can’t. You’ve saved my sanity – you and your silly post-card projector! From your angle, though, it’s a pity you made that silly mistake.”

“Mistake? I made no mistake.”

“Look,” said the thin man, snapping off the lights, “he’s standing on his head – the funniest thing I ever saw!”

“That’s no mistake. That’s the way I meant it,” explained the young man. “I wanted you to see Byars in a funny way for once in your life – just as our family always saw him.”

“I don’t believe it.”

“Still suspicious, even of your friends! Well, here’s the note you asked to see about a moment ago. Read it aloud.”

“ ‘Good luck with the stunt,’ ” read the thin man. “It might help. And remember not to invert the photograph, since you want him standing on his head.’ ”

The older man put out his hand.

“Forgive me, my friend,” he said. “Thank you for what you’ve done for me. You were anxious for fear your little stunt would misfire. Well, it didn’t. Whenever I think of Byars now it will be with him standing on his head, his big mouth open, and big feet high in the air!”

Commentary on the English:

- *the undiscover’d country...*: a line from Hamlet’s famous soliloquy “To be or not to be...” (The dread of something after death//The undiscovered country from whose bourn//No traveller returns, puzzles the will//And makes us rather bear those ills we have//Than fly to others that we know not of?//Thus conscious doth make cowards of us all//And thus the native hue of resolution//Is sicklied o’re with the pale cast of thought); “bourn” is an archaic word meaning “confine,” “region.”

- *in this day and time*: the more commonly used phrase is “in this day and age.”

- *ham-actor*: an informal theater term used to describe an actor who overacts or relies on stock gestures or mannerisms.

- *running with that college professor*: “to run with sb” is to keep company with them, the implication frequently being that the companion in question is considered bad influence.

- *everybody is out to get you*: everybody is set on attacking you or doing you harm.

- *you’ve rigged up some dirty trick*: except in nautical and aviation contexts, where the phrase means simply “to put together the parts of a boat or a plane,” “to rig up” is used colloquially to express the idea of making something for a short time out of materials easily found (e.g. “We seem to have lost our way in this forest, it’s getting dark, try to rig up some shelter”); even more informally and more sinisterly, it describes thinking up a usu. dishonest plan.

- *Five minutes of twelve*: American way of saying “five (minutes) to twelve,” i.e. it will strike twelve in five minutes.

Уильям Янг Элиот

Ночное бдение

В замызганной конторе бакалейных оптовиков Байарс & Трокмортон на втором этаже сидели двое. Допотопная люстра из газовых рожков наполняла комнату желтым дрожащим светом, который через открытую дверь падал и на часть узкой деревянной лестницы.

Ночь была теплая. Один из двоих, плотный молодой человек с встревоженным лицом, все время вытирал пот несвежим платком. Вдруг он повернулся ко второму, седому и костлявому:

- Так вы говорите, в двенадцать?

- В десятый раз вам повторяю: да. Байарс появится в двенадцать. Это так же неотвратимо, как... смерть.

- Может быть, вы его не так поняли?

- Нет, голос у него был твердый, даже когда он умирал.

- Ну и что именно он сказал? Вы же знаете, я тогда был в школе.

- Повторяю, - сказал худой устало. – Он велел подложить ему вторую подушку под голову. Потом посмотрел прямо на меня и говорит: «Запомни, Трокмортон, и после смерти я все равно буду старшим компаньоном и буду управлять фирмой, как управлял при жизни. И чуть только ты нарушишь заведенный мной порядок, будешь иметь дело со мной...в ту же ночь, в двенадцать, в конторе. И если ты себе не враг, ты там будешь!» Ну вот, сегодня утром я кое в чем нарушил заведенный порядок.

- Зачем?

- Жена меня все поддразнивала, мол я какого-то там мертвеца боюсь. И первый раз в жизни я пришел на работу не испуганный, а злой. Я и теперь в боевом настроении и готов с ним объясниться. Но все-таки побаиваюсь. Поэтому я вам и рассказал утром то, что рассказал, и попросил вас присутствовать. Могу добавить, что жалею об этом – похоже, вы волнуетесь больше меня.

- Да, только причина другая.

Худой посмотрел на него, прищурившись.

- И я догадываюсь, какая.

Молодой не ответил, но в свою очередь пристально посмотрел на него.

- Так вы и правда думаете, что он придет!

- А что же! Байарс всегда делал, что обещал.

- Но теперь другое дело. Он теперь не здесь, а в «безвестном краю, откуда нет возврата».

- Это кто сказал?

- Гамлет.

- Гамлет Байарса не знал. В конце концов так ли уж невозможно, чтобы очень сильная и деятельная личность преодолела ограничения смерти?

- Что такое смерть?

Худой помедлил в поисках ответа.

- Смерть – это смена перспективы.

- Странно все это!

- Как и сам Байарс. Говорю же вам, другого такого человека на свете не было. Все эти приспособления 1890 года здесь, в наше-то время! И бухгалтеры по-прежнему сидят на высоких табуретах. И сам он – рыжая борода, рыжие волосы до плеч, пронзительные черные глаза, голос, как труба Иерихонская... Да что я вам рассказываю, вы же сами не хуже меня знаете, он ведь был вам дядя.

Молодой Байарс посмотрел на него с жалостью.

- Может быть, я зря откровенничаю с вами, Трокмортон, но наша семья была совсем другого мнения о дяде Джоне. Для нас он был просто паяц, горлопан и задира; он запугивал тех, кто пугался, а если человек не поддавался – в отличие от вас – то видел, что дядя трепло и только.

- Ваш заработок от него не зависел.

- Дядя Джон, - продолжал молодой, - был параноик и не позволял вам думать самому. Подсознательно вы видели в нем отца, а теперь, когда сынок послушался папу, он думает, что папа вернется и накажет.

- Да ну вас с вашей психологией. Побольше якшайтесь с профессором Пеннингтоном.

- И у вас тоже, - развивал мысль молодой, - явные признаки паранойи. Вам кажется, что кругом враги. С другой стороны – уж буду говорить начистоту – вы пытаетесь подчинить меня своей воле, как дядя подчинял вас себе, вроде как в отместку. Не выйдет. Унаследовав дядины акции, я стал вашим компаньоном на деле, а не только номинально.

Худой смотрел на него с яростью, не находя, чем ответить. Тогда молодой сказал извиняющимся тоном:

- Простите меня, у меня тоже нервы на взводе. Поверьте, я о вас забочусь.

- Еще бы, - усмехнулся старик. – Небось затем и к своему приятелю психологу сегодня забежали. Я велел рассыльному идти за вами.

- Да у вас и впрямь мания преследования!

- Лучше продолжим о вас. Вы со своим психологом сговорились свести меня с ума, чтобы вы здесь все решали. Больше того, вы какую-то пакость задумали сегодня ночью проделать.

- Вы ошибаетесь.

- Ничего я не ошибаюсь! Я видел, как вы вытащили фотографию Байарса из-под стекла на его столе.

- Ту, где он стоит на ящике и орет во время загородной прогулки с коллегами? Да, вытащил. Я боялся, что она на вас плохо действует, вы с нее глаз

не сводили.

- Премного благодарен. А что вы такое принесли сюда вечером в черной коробке и где-то спрятали? Хватит смелости показать?

- Да некогда теперь.

- А что за записку вам передал сын доктора Пеннингтона перед самым концом рабочего дня?

- Нет времени вам рассказывать.

Худой вздрогнул и словно очнулся.

- Который час?

- Без пяти полночь.

- А знаете, - сказал худой задумчиво, - то, что я видел в Байарсе отца, пожалуй, верно. Мой собственный отец был как раз такой. С фактами у нас все в порядке, а вот мотивы негодные. И знание правды придает мне храбрости.

- Вот и славно, сказал молодой, - и раз мое присутствие не предусмотрено, я спрячусь где-нибудь сзади.

- Ладно. Я сяду здесь лицом к двери и возьму револьвер.

- Револьвер?

- Я знаю, что от него толку никакого, но мне так спокойнее.

Молодой Байарс поднялся и закрыл дверь.

- Всегда хотел посмотреть, как привидение проходит сквозь дверь, - объяснил он со смешком. И погасил свет.

- Это еще зачем?

- Увидите, - сказал молодой, пробираясь в заднюю часть комнаты.

Откуда-то раздался бой часов. Полночь. Худой вскочил и навел револьвер на дверь.

- Давай, Байарс, - крикнул он. – Давай, приходи, я тебя не боюсь больше. Ты думал, ты меня целиком подчинил себе. Ну так ты еще никогда так не ...

Он осекся и уставился изумленно на фигуру, высветившуюся перед ним, потом расхохотался.

Молодой бросился вперед и рывком включил свет. Повернувшись, он увидел перед собой дуло пистолета.

- Другой бы вас застрелил, - выдохнул худой, - а я вот не могу. Вы спасли мой рассудок со своим дурацким диаскопом. Хотя с вашей точки зрения наверно обидно было сделать эту маленькую оплошность.

- Я не сделал никакой оплошности.

- Смотрите, - сказал худой, включив свет, - он же стоит на голове, ничего смешнее в жизни не видел.

- Это не оплошность. Так и было задумано, - объяснил молодой. – Я хотел, чтобы вы хоть раз увидели Байарса в смешном свете, каким его всегда видела наша семья.

- Неправда.

- Все подозреваете, даже друзей. Ну, вот вам записка, которую вы только что

хотели посмотреть. Читайте вслух.

«Удачи вам с трюком», прочел худой, «не исключено, что поможет. Только не забудьте оставить карточку неперевернутой, раз он вам нужен вверх ногами».

Старик протянул руку.

- Простите меня, дружище, - сказал он. – Спасибо за все. Вы переживали, что ваш фокус может не сработать. Сработал в лучшем виде. Теперь каждый раз, думая о Байарсе, я буду его представлять стоящим на голове с разинутым ртом и ножищами в воздухе.

1.5 The Baron (by *Katherine Mansfield*)

"Who is he?" I said. "And why does he sit always alone¹, with his back to us, too?"

"Ah!" whispered the Frau Oberregierungsrat², "he is a *Baron*."

She looked at me very solemnly, and yet with the slightest possible contempt - a "fancy-not-recognising-that-at-the-first-glance" expression.³

"But, poor soul, he cannot help it," I said. "Surely that unfortunate fact ought not to debar him from the pleasures of intellectual intercourse."

If it had not been for her fork I think she would have crossed herself.

"Surely you cannot understand. He is one of the First Barons."

More than a little unnerved, she turned and spoke to the Frau Doktor on her left.

"My omelette is empty - *empty*," she protested, "and this is the third I have tried!"

I looked at the First of the Barons. He was eating salad--taking a whole lettuce leaf on his fork and absorbing it slowly, rabbit-wise—a fascinating process to watch.

Small and slight, with scanty black hair and beard and yellow-toned complexion, he invariably wore black serge clothes⁴, a rough linen shirt, black sandals⁵, and the largest black-rimmed spectacles that I had ever seen.

The Herr Oberlehrer⁶, who sat opposite me, smiled benignantly.

"It must be very interesting for you, gnadige Frau⁷, to be able to watch.... of course this is a *very fine house*. There was a lady from the Spanish Court here in the summer; she had a liver. We often spoke together."

I looked gratified and humble.

"Now, in England, in your 'boarding 'ouse', one does not find the First Class, as in Germany."

"No, indeed," I replied, still hypnotised by the Baron, who looked like a little yellow silkworm.

"The Baron comes every year," went on the Herr Oberlehrer, "for his nerves. He has never spoken to any of the guests - *yet!* A smile crossed his face. I seemed to see his visions of some splendid upheaval of that silence—a dazzling exchange of courtesies in a dim future, a splendid sacrifice of a newspaper to this Exalted One, a "danke schon"⁸"

to be handed down to future generations.

At that moment the postman, looking like a German army officer, came in with the mail. He threw my letters into my milk pudding⁹, and then turned to a waitress and whispered. She retired hastily. The manager of the pension came in with a little tray. A picture post card was deposited on it, and reverently bowing his head, the manager of the pension carried it to the Baron.

Myself, I felt disappointed that there was not a salute of twenty-five guns.

At the end of the meal we were served with coffee. I noticed the Baron took three lumps of sugar, putting two in his cup and wrapping up the third in a corner of his pocket-handkerchief. He was always the first to enter the dining-room and the last to leave; and in a vacant chair beside him he placed a little black leather bag.

In the afternoon, leaning from my window, I saw him pass down the street, walking tremulously and carrying the bag. Each time he passed a lamp-post he shrank a little, as though expecting it to strike him, or maybe the sense of plebeian contamination...

I wondered where he was going, and why he carried the bag. Never had I seen him at the Casino or the Bath Establishment. He looked forlorn, his feet slipped in his sandals. I found myself pitying the Baron.

That evening a party of us were gathered in the salon discussing the day's kur¹⁰ with feverish animation. The Frau Oberregierungsrat sat by me knitting a shawl for her youngest of nine daughters, who was in that very interesting, frail condition..."But it is bound to be quite satisfactory," she said to me. "The dear married a banker--the desire of her life."

There must have been eight or ten of us gathered together, we who were married exchanging confidences as to the underclothing and peculiar characteristics of our husbands, the unmarried discussing the over-clothing and peculiar fascinations of Possible Ones.

"I knit them myself," I heard the Frau Lehrer¹¹ cry, "of thick grey wool. He wears one a month, with two soft collars."

"And then," whispered Fraulein Lisa, "he said to me, 'Indeed you please me. I shall, perhaps, write to your mother'."

Small wonder that we were a little violently excited, a little expostulatory.

Suddenly the door opened and admitted the Baron.

Followed a complete and deathlike silence.

He came in slowly, hesitated, took up a toothpick from a dish on the top of the piano, and went out again.

When the door was closed we raised a triumphant cry! It was the first time he had ever been known to enter the salon. Who could tell what the Future held?

Days lengthened into weeks. Still we were together, and still the solitary little figure, head bowed as though under the weight of the spectacles, haunted me. He entered with the black bag, he retired with the black bag - and that was all.

At last the manager of the pension told us the Baron was leaving the next day.

"Oh," I thought, "surely he cannot drift into obscurity - be lost without one word! Surely he will honour the Frau Oberregierungsrat of the Frau Feldleutnantswitwe¹² once before he goes."

In the evening of that day it rained heavily. I went to the post office, and as I stood on the steps, umbrellaless, hesitating before plunging into the slushy road, a little, hesitating voice seemed to come from under my elbow.

I looked down. It was the First of the Barons with the black bag and an umbrella. Was I mad? Was I sane? He was asking me to share the latter. But I was exceedingly nice, a trifle diffident, appropriately reverential. Together we walked through the mud and slush.

Now, there is something peculiarly intimate in sharing an umbrella.

It is apt to put one on the same footing as brushing a man's coat for him.

I longed to know why he sat alone, why he carried the bag, what he did all day. But he himself volunteered some information.

"I fear," he said, "that my luggage will be damp. I invariably carry it with me in this bag - one requires so little - for servants are untrustworthy."

"A wise idea," I answered. And then: "Why have you denied us the pleasure - "

"I sit alone that I may eat more," said the Baron, peering into the dusk; "my stomach requires a great deal of food. I order double portions, and eat them in peace."

Which sounded finely Baronial.

"And what do you do all day?"

"I imbibe nourishment in my room," he replied, in a voice that closed the conversation and almost repented of the umbrella.

When we arrived at the pension there was very nearly an open riot.

I ran half way up the stairs, and thanked the Baron audibly from the landing.

He distinctly replied: "Not at all!"

It was very friendly of the Herr Oberlehrer to have sent me a bouquet that evening, and the Frau Oberregierungsrat asked me for my pattern of a baby's bonnet!

Next day the Baron was gone.

Sic transit gloria Germani mundi.¹³

Commentary on the English:

- *Why does he sit always alone*: patently un-English word order used to parody German syntax (E. requires " why does he always sit alone?"); the author consistently makes fun of the pension guests in this way imitating German wording in direct speech throughout the story.
- *Frau Oberregierungsrat*: (German) "the Superior Privy Councilor's Wife".
- A "*fancy-not-recognizing-that-at-the-first-glance*" expression: an instance of the so-called phrase epithet that provides a good illustration of the peculiar elasticity of English where one can pack almost any number of hyphenated words in front of a noun

to modify it, as Jerome K. Jerome did famously in his description of Montmorency the Dog in “Three Men in a Boat” (“There is a sort of ‘Oh-what-a-wicked-word-this-is-and-how-i-wish-i-could-make-it-bettr-and-nobler’ expression about Montmorency that has been known to bring tears into the eyes of pious old ladies and gentlemen”).

- *black serge clothes*: “serge” is a strong usu. woolen cloth used esp. for suits that is inexpensive, tends to get shiny at the elbows and is not the kind of the material one might associate with upper-class style.

- *sandals*: light shoes made of a flat bottom with usu. leather bands to hold them on the feet, worn esp. in warmer weather; unlike the R. сандалии, the wd covers a variety of footwear items, from ladies’ shoes (cf. босоножки) to open-backed casual flip-flops (cf. шлепанцы). In Britain the wd is sometimes used to suggest the type of over-zealous environmentalist, pacifist and organic food freak jokingly described by the phrase “beards and sandals”.

- *Herr Oberlehrer*: (German) “Mr. Head Teacher”.

- *gnadige Frau*: (German) “my dear lady”.

- *a danke schon*: (German) a “thank you very much”.

- *my milk pudding*: a dish made of rise, tapioca or sago, baked in sweetened milk and eaten by the end of the meal. “Pudding” generally means “desert” of any kind or, more specifically, that traditional British dish usu. hot and sweet, based on pastry, rice, bread, etc., with fat, fruit or other substances added; the latter meaning is readily recognized by the R. learner of English, but the former is typically overlooked.

- *the day’s kur*: the day’s “cure”(German), that is the medical treatment (taking the waters, mud therapy, baths, etc.) offered by the spa.

- *Frau Lehrer*: (German) “the teacher’s wife”.

- *Frau Feldeutnanteswitwe*: (German) “the Field Lieutenant’s Widow”.

- *Sic transit gloria Germani mundi*: a formula used at the ceremony of the Pope’s elections (*sic transit gloria mundi* – “thus earthly glory passes away”) split by an English insertion to state, mockingly, “Thus passes the glory of the German world”.

Кэтрин Мэнсфилд

Барон

- Кто это? – спросила я. – И почему он всегда сидит один, да еще спиной к нам?

- Ах! – прошептала фрау Старшая Тайная Советница, - он *барон*.

Она посмотрела на меня торжественно, но с едва заметной примесью презрения - «неужели так не видно!» читалось в ее глазах.

- Но он же в этом не виноват, бедняга, - сказала я. – Ведь не может же это печальное обстоятельство лишать его удовольствия интеллектуального общения.

Если бы не вилка в руке, она, по-моему, осенила бы себя крестным знаменем.

- Как вы не понимаете! Он один из Первых Баронов!

Явно расстроенная, она повернулась к фрау Докторше слева.

- У меня омлет без начинки – пустой, - пожаловалась она, - а я уже третий пробую!

Я посмотрела на Первого из Баронов. Он ел салат, поддевая целый лист вилок и медленно поглощая его, как кролик – совершенно захватывающее зрелище.

Небольшого роста, щедедушный, с жидкими черными волосами и бородкой, с желтоватым цветом лица, он был одет в неизменный костюм из черного сержа, рубашку из грубого полотна, черные летние туфли и очки вна редкость массивной черной оправе.

Герр старший Преподаватель напротив меня улыбнулся благосклонно.

- Вам, верно, весьма интересно наблюдать, *gnadige Frau*...разумеется, здесь *очень изысканное место*. Прошлым летом тут останавливалась дама испанского двора, у нее была печень. Мы нередко с ней беседовали.

Я изобразила на лице смиренную радость.

- Ведь в Англии, в ваших пансьонах, не увидишь такого общества как в Германии.

- Верно, не увидишь, - поддакнула я, все еще загипнотизированная бароном, похожим на желтого шелковичного червячка.

- Барон приезжает каждый год, - продолжал герр Старший Преподаватель, - с нервами. Он еще ни разу не заговорил ни с кем из постояльцев, - *пока*. – Его лицо расплылось в улыбке. Я так и видела, как он представляет себе некую потрясающую кульминацию этого молчания – ослепительный обмен любезностями в туманном будущем, восхитительное пожертвование газеты Высшему существу, *dankeschon*, о котором будут рассказывать грядущим поколениям.

В эту минуту почтальон, похожий на офицера германской армии, принес почту. Он швырнул мои письма мне в тарелку и, повернувшись к официантке, что-то прошептал. Она поспешно вышла. В комнату вошел управляющий пансионом с небольшим подносом в руках. На поднос была возложена почтовая открытка, и управляющий, с почтительно склоненной головой, поднес ее барону.

Что до меня, я была разочарована, что при этом не раздастся салют из двадцати пяти орудий.

В конце обеда подали кофе. Я заметила, что барон взял три куска сахара – два положил в чашку, а третий завернул в уголок носового платка. Он всегда приходил в столовую первым, а уходил последним; на свободный стул рядом со своим он ставил небольшую черную кожаную сумку.

Вечером, высунувшись из окна, я видела, как он шел по улице неверной походкой, с сумкой в руке. Каждый раз, проходя мимо фонарного столба, он как-то съеживался, будто боялся, что тот его стукнет, или может ощущение плебейской скверны...

Я все думала, куда это он ходит и почему носит с собой сумку. Ни разу я не видела его в казино или в ванном заведении. Он казался несчастным и одиноким, его ноги в туфлях скользили. Я прониклась жалостью к барону.

В тот вечер целая компания постояльцев пансиона собралась в салоне и с лихорадочным оживлением обсуждала дневной *kur*. Фрау Старшая Тайная Советница сидела рядом со мной и вязала шаль для младшей из своих девяти дочерей, которая была в том самом весьма интересном, деликатном положении...

- Все устроится наилучшим образом, - сказала она мне. - Детка вышла замуж за банкира, как и мечтала.

Нас там было человек восемь-десять; мы, замужние дамы, обменивались признаниями о нижнем белье и привычках своих мужей, незамужние обсуждали верхнюю одежду и притягательные черты Возможных Избранников.

-Я их сама вяжу, - воскликнула фрау Учительша, - из плотной серой шерсти. Он носит по одной в месяц, с двумя отложными воротниками.

- И тогда он мне сказал, - прошептала фрейлейн Лиза, - «Вы мне нравитесь. Я, возможно, напишу Вашей матушке».

Надо ли удивляться, что мы были несколько перевозбуждены и ненавязчиво увещательны.

Вдруг дверь открылась и впустила барона.

Наступила полная, совершенно мертвая тишина.

Он медленно вошел, постоял в нерешительности, взял зубочистку с блюда на пианино и вышел.

Когда дверь закрылась, поднялся торжествующий вопль. Никогда еще он не появлялся в салоне! Что-то будет дальше!

Проходили дни, недели. Мы по-прежнему были вместе, и все так же одинокая маленькая фигурка с головой, словно пригнутой тяжестью очков, занимала мое воображение. Он входил с черной сумкой и уходил с черной сумкой – и больше ничего.

Наконец управляющий пансионом сказал нам, что завтра барон уезжает.

«Ну», подумала я, «не может быть, чтобы он вот так взял и исчез с горизонта без единого слова. Уж наверно он хото *что-нибудь* скажет фрау Старшей Тайной Советнице или фрау Лейтенантской Вдове перед отъездом».

Вечером того дня полил дождь. Я отправилась на почту, и, пока я стояла на ступеньках без зонта, не решаясь ступить в раскисшую грязь, нерешительный голос раздался как будто у меня из-под локтя.

Я посмотрела вниз. Это был Первый из Баронов со своей черной сумкой и зонтом. Я не знала что и думать. Может быть я брежу? Он предлагал мне идти под зонтом с ним вместе. Но я не сплеховала; я была чуть застенчива и должным образом почтительна. Мы пошли рядом, шлепая по грязи.

В совместном путешествии под одним зонтом есть что-то на редкость интимное.

Недолго и ровней себя почувствовать, как если бы прошлась щеткой по

пальто человека.

Мне не терпелось выяснить, почему он всегда сидел один, почему он таскал с собой эту сумку, что он делал целыми днями. Но он сам поделился со мной кое-какой информацией.

-Боюсь, мои вещи отсыреют, - сказал он. - Я всегда ношу их с собой в сумке – ведь человеку надо так немного – потому что прислуге нельзя доверять.

-Очень мудрое соображение, - ответила я. И прибавила: - Почему вы лишали нас удовольствия...

- Я сижу отдельно, чтобы есть побольше, - сказал барон, взглядываясь в темноту. – Мой желудок требует большого количества пищи. Я заказываю двойные порции и ем их в тишине и покое.

Что прозвучало очень по-баронски.

- А что вы делаете весь день?

- Усваиваю питательные вещества у себя в комнате, - ответил он тоном, который ясно дал мне понять, что разговор окончен и что о зонтике почти пожалели.

Когда мы добрались до пансиона, началось что-то невообразимое.

Я бегом поднялась до середины лестницы и оттуда громко поблагодарила барона.

Он отчетливо ответил: «Не за что!»

Было очень мило со стороны герра Старшего Преподавателя прислать мне вечером цветы, а фрау Старшая Тайная Советница попросила у меня выкройку детского чепчика!

На следующий день барон уехал.

Sic transit Gloria немецкого mundi.

1.6 On the Sidewalk¹ (by Jack Kerouac)

I was just thinking around in my sad backyard, looking at those little drab careless starshaped clumps of crabgrass² and beautiful chunks of some old bicycle crying out without words of the American Noon and half a newspaper with an ad about a lotion for people with dry skins and dry souls, when my mother opened our frantic banging screendoor and shouted, “Gogi³Himmelman’s here.” She might have shouted the Archangel Gabriel⁴ was here, or Captain Easy⁵ or Baron Charlus in Proust’s great book⁶: Gogi Himmelman of the tattered old greenasgrass knickers and wild teeth and the vastiest, most vortical, most insatiable wonderfilled eyes I have ever known. “Let’s go, Lee,” he sang out, and I could see he looked sadder than ever, his nose all rubbed raw by a cheap handkerchief and a dreary Bandaid unraveling off his thumb. “I know the WAY!” That was Gogi’s inimitable unintellectual method of putting it that he was on fire with the esoteric paradoxical Tao⁷ and there was no holding him when he was in that mood. I said, “I’m going, Mom,” and she said, “O.K.,” and when I looked back at her

hesitant in the pearly mystical United States home light I felt absolutely sad, thinking of all the times she had vacuumed the same carpets.

His scooter was out front, the selfsame, the nonpareil, with its paint scabbing off intricately and its scratched on dirty words and its nuts and bolts chattering with fear, and I got my tricycle out of the garage, and he was off, his left foot kicking with that same insuperable energy or even better. I said, "Hey wait," and wondered if I could keep up and probably couldn't have if my belt buckle hadn't be involved with his rear fender. This was IT. We scuttered down our drive and right over Mrs. Cacciatore's rock garden with the tiny castles made out of plaster that always made me sad when I looked at them alone. With Gogi it was different; he just kept right on going, his foot kicking with that delirious thirty revolutions a second frenzy, right over the top of the biggest, a Blenheim⁸ six feet tall at the turrets; and suddenly I saw it the way he saw it, embracing everything with his unfluctuating generosity, imbecile saint of our fudging age, a mad desperado in our Twentieth Century Northern Hemisphere Nirvana deserts.

We rattled on down through her iris bed and broke into the wide shimmering pavement. "Contemplate those holy hydrants," he shouted back at me through the wind. "Get a load of those petulant operable latches; catch the magic of those pickets standing up proud and sequential like the arguments in Immanuel Kant; boom, boom, bitty-boom BOOM!" and it was true.

"What happens when we're dead?" I asked.

"The infinite never-to-be-defiled subtlety of the late Big Sid Catlett on the hushed trap drums," he continued, mad with his own dreams, imitating the whisks, "Swish, swish, swishy-swish SWOOSH!"

The sun was breaking over the tops of Mr. Linderman's privet hedge, little rows of leaves set in there delicate and justso like mints in a Howard Johnson's roadside eatery. Mitzi Leggett came out of the house, and Gogi stopped the scooter, and put his hands on her. "The virginal starchblue fabric; printed with stylized kittens and puppies," Gogi explained in his curiously beseechingly transcendent accents. "The searing incredible *innocence*! Oh! Oh! Oh!" His eyes poured water down his face like broken blisters.

"Take me along," Mitzi said openly to me, right with Gogi there and hearing every word, alive to every meaning, his nervous essence making his freckles tremble like a field of Iowa wind-blown nochaff barley.

"I want to," I told her, and tried to, but I couldn't, not there. I didn't have the stomach for it. She pretended to care. She was a lovely beauty. I felt my spokes snap under me; Gogi was going again, his eyes tightshut in ecstasy, his foot kicking so the hole in his shoesole showed every time, a tiny chronic rent in the iridescent miasmal veil that Intrinsic Mind tries to hide behind.

Wow! Dr. Fairweather's house came up on the left, delicious stucco like piecrust in the type of joints that attract truckers, and then the place of the beautiful Mrs. Mertz, with her *canny* deeprooted husband bringing up glorious heartbreaking tabourets⁹ and knickknacks from his workshop in the basement, a betooled wood shaving-smelling

fantasy worthy of Bruegel¹⁰ or Hegel or a seagull. Vistas! Old Miss Hooper raced into her yard and made a grab for us, and Gogi Himmelman, the excruciating superbo, shifted to the other foot and laughed at her careworn face. Then the breathless agape green space of the Princeling mansion, with its rich calm and potted Tropic of Cancer¹¹ plants. Then it was over.

Gogi and I went limp at the corner under a sign saying ELM STREET with irony because all the elms had been cut down so they wouldn't get the blight, sad stumps diminishing down the American perspective whisperingly.

"My spoke are gone," I told him.

"Friend-ahem-*zip,zip* – parting a relative concept- Bergson's¹² invaluable marvelchoked work – tch, tch." He stood there, desperately wanting to do the right thing, yet always lacking with an indistinguishable grandeur that petty ability.

"Go," I told him. He was already halfway back, a flurrying spark, to where Mitzi waited with irrepressible woman warmth.

Well. In land send despair I stood there stranded. Across the asphalt that was sufficiently semifluid to receive and embalm millions of starsharp stones and bravely gay candy wrappers a drugstore¹³ twinkled artificial enticement. But I was not allowed to cross the street. I stood on the gray curb thinking. They said I could cross it when I grew up, but what do they mean grown up? I'm thirty-nine now, and felt sad.

Commentary on the English:

- *sidewalk*: the American for "pavement", a hard surface or path at the side of the street for people to walk on. The whole parodies the title of Kerouac's *On the Road*, the one-time cult novel of the beatniks in the 1950s-1960s whose rejection of the social and political systems of the West was expressed through contempt for regular work, possessions, traditional dress and espousal of anarchism, communal living, drugs, etc. Jack Kerouac (real name Jean-Louis Lebris de Kerouac), 1922-1969, was one of the three Beat Generation novelists and poets, along with Allen Ginsberg and William Burroughs, and in fact brought the term into circulation.

- *crabgrass*: any of several grasses with creeping stems that are often pests in turf or cultivated lands.

- *Gogi*: no connection with the familiar Georgian diminutive of Georgi.

- *Archangel Gabriel*: the messenger of good news who informed Mary that she would be the mother of Jesus.

- *Captain Easy*: the dashing superman in a book by Roy Crane.

- *Proust's great book*: actually, seven novels under the general title *Remembrance of Things Past*. Marcel Proust (1871-1922), a French man of letters, started by writing society love stories distinguished by their psychological subtlety; after his health began to fail, he was obliged to lead an extremely retired and careful life, and having unlimited time at his disposal, he embarked upon a long and leisurely work, full

of minute detail, in which was imprisoned, as in a net, his whole experience of life, and the people he had known provided the material for new, fuller and richer characters (M. de Charlus, for example, is a blending of three different people of Proust's acquaintance); this mammoth creation became the favorite reading matter of the 20th – century intellectual.

- *Tao*: in the philosophy of Taoism, that in virtue of which all things happens or exist, or the rational basis of human conduct, or the course of life and its relation to truth. Taoism is the philosophy of Lao Zi that advocates a simple honest life and noninterference with the course of natural events.

- *Blenheim*: the magnificent Blenheim Palace is the seat of the Dukes of Marlborough and the birthplace of Winston Churchill.

- *tabouret*: also spelled “taboret”, a cylindrical seat or stool without arms or back; in contrast to the like-sounding Russian word that denotes a crudely made article of furniture with a square seat, the tabouret has connotations of elegance and fine workmanship.

- *Bruegel*: the three Flemish artists of this name, alternatively spelled Brueghel or Breughel, were Pieter the Elder (1525-1569), and his two sons Pieter the Younger (1564-1637), and Jan (1568-1625). Jan was noted for his detailed still lifes and landscapes; Pieter the Elder, for his allegories and biblical scenes; Pieter the Younger, for his gruesome pictures of hell.

- *Tropic of Cancer*: the novel by Henry Miller (1891-1980) whose explicit eroticism was considered shocking at the time of publication.

- *Bergson*: Henri Bergson (1859-1941) was one of the most influential philosophers of his time. He was not the creator of a great system conceived as a whole in youth and gradually expressed in later life. There is, nevertheless, in his philosophy one outstanding idea which is said to have come to him during a walk at Clermont-Ferrand when he was 25 years old. Whereas, since Plato, philosophy had consisted in eliminating duration, in regarding time as an illusion and finite being and eternity as one. Bergson asked himself whether, on the contrary, the being of which the philosopher took cognizance by reflection might not be one which endured, might not be time itself. As he substituted durational for non-temporal values, so for static values he substituted values of motion and change. This was the Bergsonian revolution, which may be related to the German and English historical and evolutionist philosophies characteristic of the 19th century.

- *drugstore*: the American word for what is known in Britain as chemist's; these establishments may indeed seem attractive to youngsters, as apart from medicines, they also offer a selection of candy, soft drinks, cosmetics, etc.

На тротуаре

Я в раздумье расхаживал по нашему печальному заднему двору, глядя на маленькие, невзрачные, безыскусные звездчатые кустики сорняков и прелестные фрагменты какого-то старого велосипеда, без слов кричавшие об Американском Полдне, и на половинку газетного листа с рекламой лосьона для сухой кожи и черствых душ. И тут мама открыла нашу безумно хлопающую дверь и крикнула: «Гоги Химмельман пришел». Она могла бы крикнуть, что пришел Архангел Гавриил, или Капитан Изи, или Барон де Шарлю из шедевра Пруста – Гоги Химмельман с его потрепанными, травозелеными бриджами, дикими зубами, и самыми огромными, вихревыми, ненасытными, изумленными глазами, какие мне доводилось видеть.

- Поехали, Ли, - сказал он нараспев, и я заметил, что он печальнее обычного, нос стерт до крови дешевым платком, а с большого пальца свисает полоска меланхоличного лейкопластыря. – Я знаю ПУТЬ!

Таков был гогин неподражаемый, неумственный способ сообщить, что он весь пылает непонятым, парадоксальным Дао, и когда он в таком настроении, ему нет удержу.

Я сказал: «Я пошел, мам», - а она сказала: «Ладно», - и когда я оглянулся, она стояла нерешительно, освещенная жемчужным соединенноштатодомашним светом, и мне стало ужасно грустно при мысли о том, сколько раз она пылесосила одни и те же ковры.

Его самокат стоял у крыльца, все та же несравненная машина, замысловато облупленная, с нацарапанными неприличными словами, стучащими от страха болтами-гайками, и я вывел из гаража свой трехколесный велосипед, а он сорвался с места, оттолкнувшись левой ногой все с той же непреодолимой энергией или даже сильнее. Я сказал: «Эй, подожди», - и подумал: интересно, смогу я не отстать, и наверное не смог бы, если бы пряжка моего ремня не связалась с его задним крылом. Это было классно! Мы рванули по дорожке от дома и помчались прямо по альпийскому садику миссис Рыбалли с игрушечными оштукатуренными замками, на которые мне всегда было грустно смотреть, когда я был один. Но с Гоги было другое дело; он летел себе вперед и работал ногой с исступленным тридцать оборотов в секунду бешенством – прямо по самому большому замку Бленхайм, шесть футов с башенками. И вдруг я увидел это так, как видел он, охватывая все с решительной щедростью, безмозглый святой нашего светлого времени, сумасшедший сорвиголова в наших пустынях Нирваны Северного Полушария Двадцатого Века.

Мы промчались через ее клумбу с ирисами и вылетели на широкую блестящую мостовую.

- Гляди на эти священные гидранты, - прокричал он сквозь ветер, обернувшись ко мне. – Насмотришься на эти капризные действующие щеколды;

оцени волшебство этого частокола, гордо стоящего в нужной последовательности, как аргументы у Иммануила Канта; бум, бум, бити-бум, БУМ! – истинно так.

- Что с нами будет после смерти? – спросил я.

- Бесконечная, вовек неоскверняемая утонченность покойного Большого Сида Катлетта на затихших барабанах, - продолжал он, обезумев от собственных грез, изображая метелки ударника, - Шур-шур, шурша-шур, ФРРР!

Солнце вставало над живой изгородью мистера Линдермана; листья бирючины были вделаны в нее аккуратно и тщательно словно мятные леденцы в придорожной забегаловке Джонсона. Митци Ножкинс вышла из дома, и тогда Гоги остановился и положил руки на нее. «Непорочная крахмально-голубая материя с рисунком из стилизованных кошечек и собачек, - пояснил Гоги с удивительно умоляющими трансцендентными нотками в голосе. – Иссушающая, невероятная *невинность!* О! О! О!» - Из его глаз полилась влага, как из лопнувших волдырей.

- Возьми меня с собой, - сказала Митци мне, не таясь, прямо перед Гоги, который слышал каждое слово, понимал все сказанное, а веснушки на лице волновались от его нервной сущности, словно поле айовского безмякинного ячменя, который колыхает ветер.

- Охотно, - сказал я и даже попробовал, но не смог – там не смог. Духу не хватило. Она сделала вид, что ей не все равно. Она была дивно хороша. Я почувствовал, как подо мной лопаются спицы; Гоги покатил дальше, зажмурив глаза в экстазе, работая ногой так, что то и дело мелькала дырка в подметке – крошечный хронический разрыв в радужном миазматическом покрове, за которым пытается укрыться этот Внутренний Разум.

Ух ты! Дом доктора Фэйрвезера показался слева, весь в восхитительной лепнине, словно пирог в забегаловках, которые так любят дальнобойщики, а там и жилище красавицы миссис Мерц, где ее умелый, глубоко укоренившийся муж выносит роскошные до слез скамеечки и всяческие безделушки из своей мастерской в подвале – этой наполненной инструментами, пахнущей стружкой фантазии, достойной Брейгеля или Гегеля или гоголь-моголя. Какие виды! Старушка мисс Хупер вбежала во двор и попыталась схватить нас, но Гоги Химмельман, этот мучительный великолепник, сменил ногу, смеясь над ее изможденным лицом. Потом было безжизненное, зияющее, зеленое пространство особняка Принслинга с его покоем богатства и растениями Тропика Рака в горшках. И на этом все кончилось.

Мы сГоги обмякли на углу под надписью «Улица Вязов» - от смеха, потому что все вязы срубили, чтобы уберечь от болезни, и остались жалкие пеньки, с шепотом уменьшавшиеся в американской перспективе.

- У меня спицы полетели, - сообщил я ему.

- Друг-гм-вжик молнией - разъединяя относительный концепт - бесценное произведение Бергсона, где чудес под завязку – тц, тц. – Он стоял, отчаянно желая поступить правильно, но ему все не хватало – неразлично величественно – этого

невеликого умения.

- Поезжай, - сказал я ему. А он уже летел назад, будоражающая искра, туда, где ждала Митци с неукротимой женотеплотой.

Вот. В краеземельном отчаянии стоял я, не зная, что предпринять. Через дорогу с асфальтом, достаточно размякшим, чтобы забальзамировать сонмы остроконечных камешков и отважно-ярких конфетных оберток, зазывно мерцала аптека. Но мне не разрешали переходить улицу. Я стоял на сером краю тротуара и думал. Мне сказали, что разрешат, когда я вырасту, но что значит вырасту, когда мне уже тридцать девять? Мне стало грустно.

1.7 The Statues of Prague (by Jerome K. Jerome)

Part 1

It was in Prague that Harris and I did a friendly thing to George. We had noticed for some time past that George was getting to fond of Pilsner beer. This German beer¹ is an insidious drink, especially in hot weather; but it does not do to imbibe² too freely of it. It does not get into your head, but after a time it spoils your waist. I always say to myself on entering Germany:

“Now, I will drink no German beer. The white wine of the country, with a little soda-water; perhaps, occasionally a glass of Ems³ or potash. But beer, never – or, at all events, hardly ever”.

It is a good and useful resolution, which I recommend to all travellers. I only wish I could keep to it myself. George, although I urged him, refused to bind himself by any such hard and fast⁴ limit. He said that in moderation German beer was good.

“One glass in the morning”, said George, “one in the evening, or even two. That will do no harm to anyone.”

Maybe he was right. It was his half-dozen glasses that troubled Harris and myself.

“We ought to do something to stop it,” said Harris: “it is becoming serious.”

“It’s heredity, so he has explained to me,” I answered. “It seems his family have always been thirsty.”

“There is Apollinaris water⁵,” replied Harris, “which, I believe, with a little lemon squeezed into it, is practically harmless. What I am thinking about is his figure. He will lose all his natural elegance.”

We talked the matter over, and, Providence aiding us, we fixed upon a plan. For the ornamentation of the town a new statue had just been cast. I forget of whom it was a statue, I only remember that in the essentials it was the usual sort of street statue, representing the usual sort of gentleman, with the usual stiff neck, riding the usual sort of horse – the horse that always walks on its hind legs, keeping in front paws for beating time. But in detail it possessed individuality. Instead of the usual sword or baton, the man was holding, stretched out in his hand, his own plumed hat; and the horse, instead of the usual waterfall for a tail; possessed a somewhat attenuated appendage that

somehow appeared out of keeping with his ostentatious behavior. One felt that a horse with a tail like that would not have pranced so much.

It stood in a small square not far from the farther end of the Karlsbrucke⁶. But it stood there only temporarily. Before deciding finally where to fix it, the town authorities had resolved, very sensibly, to judge by practical test where it would look best. Accordingly, they had made three rough copies of the statue – mere wooden profiles, things that would not bear looking at closely, but which, viewed from a little distance, produced all the effect that was necessary. One of these they had set up at the approach to the Franz-Josefsbrucke, a second stood in the open space behind the theatre, and the third in the center of the Wenzelsplatz.

“If George is not in the secret of this thing,” said Harris – we were walking by ourselves for an hour, he having remained behind in the hotel to write a letter to his aunt – “if he has not observed these statues, then by their aid we will make a better and a thinner man of him, and that this very evening.”

So during the dinner we sounded him, judiciously; and finding him ignorant on the matter, we took him out, and led him by side-streets to the place where stood the real statue. George was for looking at it and passing on, as is his way with statues. But we insisted on his pulling up⁷ and viewing the thing conscientiously. We walked him round that statue four times, and showed it to him from every possible point of view. I think, on the whole, we rather bored him with this thing, but our object was to impress it upon him. We told him the history of the man who rode upon the horse, the name of the artist who made the statue, how much it weighed, how much it measured. We worked that statue into his system. By the time we had done with him he knew more about the statue, for the time being⁸, than he knew about anything else. We soaked him in that statue, and only let him go at last on the condition that he would come again with us in the morning, when we could see it better, and for such purpose we saw to it that he made a note in his pocket-book of the place where the statue stood.

Then we accompanied him to his favorite beer hall, and sat beside him, telling him anecdotes of men who, unaccustomed to German beer, and drinking too much of it, had gone mad and developed homicidal mania; of men who had died young through drinking German beer; of lovers that German beer had been the means of parting for ever from beautiful girls.

At ten o'clock we started to walk back to the hotel. It was a stormy-looking night, with heavy clouds drifting over a light moon. Harris said:

“We won't go back the same way we came, we'll walk back by the river. It is lovely in the moonlight.”

Harris told a sad history, as we walked, about a man he once knew, who is now in a home for harmless imbeciles. He said he recalled the story because it was on just such another night as this that he was walking with that man the very last time he ever saw the poor fellow. They were strolling down the Thames Embankment, Harris said, and the man frightened him then by persisting that he saw the statue of the Duke of Wellington at the corner of Westminster Bridge⁹, when, as everybody knows, it stands in

Piccadilly.

It was at this exact instant that we came in sight of the first of these wooden copies. It occupied the centre of the small, railed-in square a little above us on the opposite side of the way. George suddenly stood still and leant against the wall of the quay.

“What’s the matter?” I said. “Felling giddy?”

He said: “I do, a little. Let’s rest here a moment.”

(To be continued)

Commentary on the English:

- *German beer*: now Czech beer, of course, the staple product of the city of Plzen known to the Germans as Pilsen, that is exported to all parts of the world. Until World War I, Bohemia was a province of the Habsburg monarchy, with a sizeable German community and the German language holding sway in all administrative areas.

- *imbibe*: a very formal synonym of “drink” (esp. alcohol) often used humorously; in its figurative meaning of accepting and being influenced by qualities, ideas, values, etc., the verb is normally used with no intention of smirking (e.g. “imbibing radical political ideas”).

- *a glass of Ems*: Ems is a German spa not far from Wiesbaden known for its mineral water.

- *hard and fast*: hard-and-fast rules, regulations, etc., are fixed and cannot be changed.

- *Apollinaris water*: another type of mineral water from the Apollinaris spring in the valley of the river Ahr in Germany.

- *Karlsbrucke*: the German name of the famous Charles ridge, a magnificent piece of masonry flanked by Baroque statues that joins the Little Town (Mala Strana) to the Old Town (Stare Mesto); other German place names in the text are Franz-Josefbrücke and Wenzelsplatz. i.e. Wenceslas square, the center of the modern town with the National Museum and the statue of Wenceslas (built in 1913 and, therefore, still not there at the time of writing, as *Three Men on the Bummel* whence comes this story was published in 1900).

- *insisted on his pulling up*: it is usually vehicles that pull up, so the verb sounds humorous when applied to a human biped.

- *for the time being*: for a short period of time from now, implying that George will not go on possessing this amount of knowledge for long.

- *Westminster Bridge*: a bridge that spans the Thames next to the Houses of Parliament; Piccadilly is some distance away, northwest of the river, and quite close to Wellington Arch, England’s answer to the Arc de Triomphe; from 1846 it was topped with a huge equestrian statue of the Duke of Wellington, but a major road widening of Piccadilly in 1882, due to the increasing demands of Victorian traffic, was used as an

excuse to remove the oversized statue to Aldershot, southwest of London, where it now stands upon Round Hill near the Royal Garrison Church.

Джером К. Джером

Пражские статуи

Часть 1

Так вышло, что именно в Праге мы с Харрисом сделали для Джорджа доброе дело. Мы уже давно заметили, что Джорджу что-то слишком начинает нравиться пльзенское пиво. Пиво это немецкое – напиток тонкий и приятный, особенно в жару; но поглощать его в больших количествах безусловно не следует. Оно не ударяет в голову, но со временем заметно портит фигуру. Каждый раз, приезжая в Германию, я еще на границе говорю себе:

«Вот немецкого пива я пить не буду. Буду пить местное белое вино с содовой; ну, может, иногда стаканчик минералки или поташа. Но только не пиво – во всяком случае, разве что изредко».

Намерение, конечно, похвальное и в высшей степени полезное, и я бы посоветовал то же самое любому путешественнику. Если бы я еще мог сам следовать своему совету! Джордж, как я его ни убеждал, не соглашался так резко себя ограничивать. Он говорил, что в умеренных количествах немецкое пиво полезно.

- Стаканчик утром, - говорил Джордж, - да еще один вечером, или даже два. Никому не повредит.

Возможно, он был прав. Что нас с Харрисом беспокоило, так это полдюжины стаканчиков, которые он обычно выпивал.

- Надо что-то делать, - сказал Харрис, - дело принимает тревожный оборот.

- Это у него наследственное, как он мне объяснил, - откликнулся я. – Похоже, его родственники всегда страдают от жажды.

- Так есть же аполлинарская вода, - сказал Харрис, - по-моему, если добавить в нее лимонного сока, она практически безвредна. Я беспокоюсь о его фигуре. Он же лишится своей природной грации.

Мы обсудили проблему и, не без помощи providения, выработали план действий. С целью украшения города была отлита новая статуя. Теперь уже не помню, кого она изображала. Помню только, что в своих основных чертах это была обычная уличная статуя, представлявшая обычного господина с негнущейся шеей, как у всех памятников, на обычной лошади – такой, которая всегда ходит на задних ногах, а передние копыта у нее для того, чтобы отбивать такт. Но в некоторых частностях статуя была оригинальна. Вместо обычного меча или жезла, господин держал в вытянутой руке собственную шляпу с пером, а у лошади, вместо обычного пышного ниспадающего хвоста, был довольно скромный обрубок, который плохо сочетался с ее вызывающим поведением. Представлялось, что лошадь с таким хвостом не стала бы так гарцевать.

Памятник стоял на маленькой площади, недалеко от дальнего угла Карлова моста, но стоял он там временно. До того, как утвердить его постоянное местопребывание, городские власти решили, вполне разумно, на практике проверить, где он будет смотреться лучше всего. Соответственно, они изготовили три упрощенные копии статуи – просто силуэты из дерева, которые вблизи лучше было не рассматривать, но которые издали успешно производили нужный эффект. Одну копию поставили на подступах к мосту Франца-Иосифа, вторая стояла на свободном пространстве перед театром, а третья – в центре Вацлавской площади.

- Если Джордж не в курсе, - сказал Харрис (мы в то время прохаживались с ним вдвоем уже час, поскольку Джордж остался в гостинице, чтобы написать письмо тетке), - если он не видел эти статуи, тогда мы с их помощью сделаем его лучше и стройнее, не далее как сегодня вечером.

Сказано – сделано. За обедом мы благоразумно прощупали Джорджа и, удостоверившись, что он ничего об этом не знает, повели его гулять, разными окольными переулками подведя его к тому месту, где стояла настоящая статуя. Джордж не возражал взглянуть на нее и отправиться дальше, как он всегда поступает с памятниками, но мы убедили его задержаться и добросовестно осмотреть скульптуру. Мы обвели его вокруг статуи четыре раза и показали ему ее во всех мыслимых точках зрения. По-моему в общем и целом мы ему порядком наскучили со статуей, но нашей целью было запечатлеть объект в его памяти как можно лучше. Мы рассказали ему историю человека на лошади, назвали фамилию художника, изваявшего монумент, сказали, сколько он весит, а также какого он размера. Мы внедрили ту статую в его организм. Когда мы закончили, он знал о статуе больше, на тот момент, чем о чем-либо еще. Мы его пропитали этой статуей и отпустили только на том условии, что он вернется сюда с нами утром, когда все можно будет получше разглядеть, с какой целью мы проследили, чтобы он сделал пометку в своей записной книжке, где именно статуя стоит.

Затем мы пошли в его любимую пивную и сели с ним рядом. Мы рассказывали ему о разных людях, непривычных к немецкому пиву, которые слишком много его пили и вследствие этого сошли с ума и сделались маньяками-убийцами, а также о людях, которые умерли молодыми из-за того, что пили немецкое пиво, и о влюбленных, которые из-за немецкого пива расстались навсегда с красивыми девушками.

В десять вечера мы пустились в обратный путь. Ночь обещала грозу, луну совсем закрыли тяжелые тучи. Харрис сказал:

- Давайте вернемся в гостиницу другой дорогой, пойдем лучше вдоль реки. Дивный вид при лунном свете.

Харрис рассказал печальную историю, пока мы шли, о человеке, которого он знал когда-то и который теперь был в лечебнице для безобидных слабоумных. Ему это вспомнилось, сказал он, потому что как раз в такую ночь, как сегодня, он шел с тем человеком – тогда он видел беднягу в последний раз. Они неспешно прогуливались вдоль набережной Темзы, сказал Харрис, и человек тот напугал

его, настойчиво повторяя, что видит статую герцога Веллингтонского на углу Вестминстерского моста, тогда как всем известно, что статуя стоит на Пикадилли.

Именно в этот момент перед нами предстала первая из деревянных копий. Она занимала середину маленькой огороженной площади немного впереди того места, где мы находились, на противоположной стороне улицы. Джордж вдруг остановился и прислонился к стене набережной.

- Что случилось? – спросил я. – Голова кружится?

Он сказал: - Кружится немного. Давайте отдохнем здесь минутку.

1.8 The Statues of Prague (*By Jerome K. Jerome*)

Part 2

He stood there with his eyes glued to the thing. He said, speaking huskily:

“Talking of statues, what always strikes me is how very much one statue is like another statue.”

Harris said:

“I cannot agree with you there – pictures, if you like. Some pictures are very like other pictures, but with a statue there is always something distinctive. The statue we saw early in the evening,” continued Harris, “before we went into the concert hall. It represents a man sitting on a horse. In Prague you will see other statues of men on horses, but nothing at all like that one.”

“Yes, they are,” said George; “they are all like. It’s always the same horse, and it’s always the same man. They are all exactly alike. It’s idiotic nonsense to say they are not.”

He appeared to be angry with Harris.

“What makes you think so?” I asked.

“What makes me think so?” retorted George, now turning upon me. “Why, look at the damned thing over there!”

I said: “What damned thing?”

“Why, that thing,” said George: “look at it! There is the same horse with half a tail, standing on its hind legs; the same man without his hat; the same - ”

Harris said: “You are talking now about the statue we saw in the Ringplatz.”

“No, I’m not,” replied George: “I’m talking about the statue over there.”

“What statue?” said Harris.

George looked at Harris; but Harris is a man who might, with care, have been a fair amateur actor. His face merely expressed friendly sorrow, mingled with alarm. Next, George turned his gaze on me. I endeavoured, so far as lay with me¹, to copy Harris’s expression, adding to it on my own account a touch of reproof.

“Will you have a cab?”² I said as kindly as I could to George. “I’ll run and get one.”

“What the devil do I want with a cab?”³ he answered ungraciously. “Can’t you

fellows understand a joke? It's like being out with a couple of confounded old women," saying which, he started off across the bridge, leaving us to follow.

"I'm so glad that was only a joke of yours," said Harris, on our overtaking him. "I knew a case of softening of the brain that began -"

"Oh, you're a silly ass!" said George, cutting him short. "You know everything." He was really most unpleasant in his manner.

We took him round by the river side of the theatre. We told him it was the shortest way, and, as a matter of fact, it was. In the open space behind the theatre stood the second of these wooden apparitions. George looked at it, and again stood still.

"What's the matter?" said Harris kindly. "You're not ill, are you?"

"I don't believe this is the shortest way," said George.

"I assure you it is," persisted Harris.

"Well, I'm going the other," said George; and he turned and went; we, as before, following him.

Along the Ferdinand Strasse Harris and I talked about private lunatic asylums, which, Harris said, were not well managed in England. He said a friend of his, a patient in a lunatic asylum -"

George said, interrupting:

"You appear to have a large number of friends in lunatic asylums."

He said it in the most insulting tone, as though to imply that is where one would look for the majority of Harris's friends. But Harris did not get angry; he merely replied, quite mildly:

"Well, it really is extraordinary, when one comes to think of it⁴, how many of them have gone that way sooner or later. I get quite nervous sometimes, now."

At the corner of the Wenzelplatz, Harris, who was a few steps ahead of us, paused.

"It's a fine street, isn't it?" he said sticking his hands in his pockets, and gazing up at it admiringly.

George and I followed suit. Two hundred yards away from us, in its very center, was the third of these ghostly statues. I think it was the best of the three – the most like, the most deceptive. It stood boldly outlined against the wild sky: the horse on its hind legs, with its curiously attenuated tail; the man bare-headed, pointing with his plumed hat to the now entirely visible moon.

"I think, if you don't mind," said George – he spoke with almost a pathetic ring in his voice, his aggressiveness had completely fallen from him – "that I will have that cab, if there's one handy."

"I thought you were looking queer⁵," said Harris kindly. "It's your head, isn't it?"

"Perhaps it is," answered George.

"I have noticed it coming on⁶," said Harris; "but I didn't like to say anything to you. You fancy you see things, don't you?"

"No, no; it isn't that," replied George, rather quickly. "I don't know what it is."

"I do," said Harris solemnly, "and I'll tell you. It's this German beer that you are

drinking. I have known a case where a man - ”

“Don’t tell me about him just now,” said George. “I dare say¹⁰it’s true, but somehow I don’t feel I want to hear about him.”

“You are not used to it,” said Harris.

“I shall give it up from tonight,” said George. “I think you must be right; it doesn’t seem to agree with me.”⁷

We took him home, and saw him to bed⁸. He was very gentle and quite grateful.

One evening later on, after a long day’s ride, followed by most satisfactory dinner, we started him on a big cigar, and, removing things from his reach, told him of this stratagem that for his good we had planned.

“How many copies of that statue did you say we saw?” asked George, after we had finished.

“There,” replied Harris.

“Only three?” said George. “Are you quite sure?”

“Positive⁹,” replied Harris. “Way?”

“Oh, nothing!” answered George.

But I don’t think he quite believed Harris.

Commentary on the English:

- *so far as lay with me*: also, “to lie in me”; old-fashioned – “to depend on me”, “to be within my power.”
- *Will you have a cab*: actually, in modern parlance a cab is a taxi, but given that the book was published in 1900, it is far more natural to assume that the cab referred to was a horse-drawn carriage.
- *What do I want with a cab*: always interrogative, used to ask what someone needs something for (e.g., “What do you want with a tool kit?”).
- *when one comes to think of it*: more often, “now one comes to think of it” or “come to think of it” – “now that the person, event, etc. just mentioned or just about to be mentioned has been thought of or recalled” (e.g., “They don’t like undertakers in Russia. Come to think of it, they don’t like them anywhere”; “He could never, now he came to think of it, remember having seen a professional window-cleaner at work in a college”).
- *I thought you were looking queer*: in the meaning of “strange” the word “queer” is hardly ever used anymore; in British English it is still all right to use it to imply “ill or sick” (e.g. “I’m feeling a little queer, I think I’ll go and lie down”), but being predominantly used as an informal synonym of “homosexual” has made it a word most people try to avoid for fear of sounding ambiguous.
- *I have noticed it coming on*: “come on” is the usual phrasal verb to suggest that someone is starting a fit, headache, fever, and various other kinds of diseases (e.g., “I’ve got a cold coming on”); normally in progressive tenses.

- *it doesn't seem to agree with me*: things that agree with you suit your digestion, health, temperament or character (typically said about food, climate, conditions, altitude, etc.), e.g. "Does the sea air agree with you?" "Rather! I thrive on it."
- *saw him to bed*: "see" in this context means "accompany", as in "see sb to the door" – "go to the door with someone when they leave your house, to say goodbye to them" or in "see sb across the road" – "help someone to cross the road safely."
- *Positive*: a common emphatic answer to questions beginning with "Are you sure..." meant to imply that there is no doubt at all that something is right or true.

Джером К. Джером

Пражские статуи

Часть 2

Он стоял и смотрел на памятник, не отрываясь. Потом он сказал осипшим голосом:

- Кстати о статуях. Меня всегда удивляло, до чего они все похожи.

Харрис сказал:

- Не могу с тобой согласиться. Картины – пожалуй, если угодно. Некоторые картины прямо на одно лицо, но статуи всегда чем-нибудь да отличаются. Вот хоть тот памятник, что мы сегодня вечером видели, - продолжал Харрис, - до того, как пошли на концерт. Он представляет собой человека, сидящего на лошади. В Праге есть и другие статуи людей на лошадях, но ничего отдаленно похожего на эту.

- А вот и нет, - упорствовал Джордж, - они все похожи. И лошадь всегда одна и та же, и человек один и тот же. Все похожи, как две капли воды. Полная чушь утверждать, что они отличаются.

Он как будто рассердился на Харриса.

- С чего ты взял? – спросил я.

- С чего я взял? – возмутился Джордж, теперь набрасываясь на меня. – Да ты посмотри на эту пакость!

Я сказал: - На какую еще пакость?

- Да вот на эту самую! – сказал Джордж. – Посмотри на нее. Все та же лошадь с обрубок хвоста, и стоит на задних ногах; и все тот же человек без шляпы; и так же...

Харрис сказал: - Ты про статую, которую мы видели там на площади?

- Нет, не про ту, - ответил Джордж, - я говорю об этой статуе, вон там.

- Какой этой статуе? – спросил Харрис.

Джордж взглянул на Харриса; но из Харриса, если постараться, мог бы выйти недурной актер. На его лице отразилась лишь дружеская печаль, смешанная с тревогой. Тогда Джордж обратил взор ко мне. Я попытался, насколько мог, повторить выражение лица Харриса, добавив от себя чуть-чуть упрека.

- Взять тебе извозчика? – спросил я Джорджа со всей возможной

ласковостью. – Я сбегаю.

- На кой черт мне извозчик? – огрызнулся он весьма нелюбезно. – Вы что, шуток не понимаете? Прямо как пара занудных старух, - при этих словах он зашагал через мост, предоставив нам следовать за ним.

- Хорошо, что ты это просто пошутил, - сказал Харрис, когда мы его нагнали. – Я знаю один случай размягчения мозга, который начался с ...

- Болван несчастный, - оборвал его Джордж, - все-то ты знаешь.

Он вел себя на редкость неприятно.

Мы повели его вдоль стены театра, выходявшей на реку. Мы объяснили, что так короче, и так действительно было короче. На свободном пространстве за театром стояло второе из деревянных видений. Джордж посмотрел на него и опять застыл, как вкопанный.

- В чем дело? – спросил Харрис заботливо. – Ты часом не заболел?

- Не похоже, чтобы тут было короче, - сказал Джордж.

- Уверяю тебя – короче, - настаивал Харрис.

- Ну, а я пойду другой дорогой, - сказал Джордж. И действительно, повернулся и пошел, а мы опять пошли за ним.

Пока мы шли по Фердинанд-штрассе, мы с Харрисом обсуждали частные лечебницы для умалишенных: в Англии, сказал Харрис, они плохо содержатся. Один его знакомый, сказал он, лечился в психиатрической клинике...

Тут Джордж прервал его:

- У тебя, я гляжу, масса знакомых в сумасшедших домах.

Он сказал это крайне оскорбительным тоном, как будто намекая, что именно там и следует искать большую часть знакомых Харриса. Но Харрис не рассердился; он просто ответил вполне миролюбиво:

- Да, верно, просто удивительно, если подумать, сколько их туда попадает. Иногда так прямо не по себе становится.

На углу Вацлавской площади, Харрис, шедший немного впереди, остановился.

- До чего красивая улица, да? – сказал он, сунув руки в карманы и восхищенно оглядывая местность.

Мы с Джорджем поравнялись с ним. Метрах в двухстах от нас, в самом центре площади стояла третья из статуй-призраков. По-моему, эта была лучше всех, самая похожая и самая обманчивая. Она четко выделялась на фоне пустынного неба: вздыбленная лошадь с несообразно тощим хвостом, всадник с непокрытой головой, указующий шляпой с пером на вышедшую из-за туч луну.

- Если вам не трудно, - сказал Джордж (теперь в его голосе слышались прямо-таки жалобные нотки, от его агрессивности не осталось и следа), - я бы и правда лучше поехал на извозчике, если попадетсЯ.

- То-то мне казалось, что ты как-то не так выглядишь, - сказал Харрис ласково. – У тебя что-то с головой, а?

- Может быть, - ответил Джордж.

- Я уже давно замечаю, что ты не в себе, - сказал Харрис, - только не хотел тебе говорить. Тебе мерещится всякая всячина, верно?

- Нет-нет, дело не в этом, - ответил Джордж поспешно, - а в чем, я и сам не знаю.

- Зато я знаю, - сказал Харрис внушительно, - и я тебе сейчас объясню. – Это немецкое пиво, которое ты все время пьешь. Я знал человека, который тоже ...

- Не надо про этого человека сейчас, ладно? – сказал Джордж. – Я верю, что так и было, но мне что-то не хочется про него слушать.

- Ты просто не привык к этому пиву, - сказал Харрис.

- С сегодняшнего вечера я его больше не пью, - сказал Джордж. – Наверное, вы правы, оно мне вредит.

Мы отвезли его домой и проводили в спальню. Он был тих, послушен и преисполнен благодарности.

Как-то вечером после этого случая, проехав весь день на велосипедах, а затем отлично пообедав, мы угостили его большой сигарой и, отодвинув от него подальше всякие предметы, рассказали ему о нашей хитрости, которую мы задумали исключительно для его блага.

- Так сколько, говорите, копий статуи мы видели? – спросил Джордж, когда мы замолчали.

- Три, - ответил Харрис.

- Всего три? – сказал Джордж. - Ты точно помнишь?

- Точно, - ответил Харрис. – А что?

- Да так, ничего, - сказал Джордж.

Но, по-моему, он не вполне поверил Харрису.

1.9 Shooting an Elephant (by *George Orwell*)

Part 1

In Moulmein¹, in Lower Burma², I was hated by large numbers of people — the only time in my life that I have been important enough for this to happen to me. I was sub-divisional police officer of the town, and in an aimless, petty kind of way anti-European feeling was very bitter. No one had the guts to raise a riot, but if a European woman went through the bazaars³ alone somebody would probably spit betel juice⁴ over her dress. As a police officer I was an obvious target and was baited⁵ whenever it seemed safe to do so. When a nimble Burman tripped me up on the football field and the referee (another Burman) looked the other way, the crowd yelled with hideous laughter. This happened more than once. In the end the sneering yellow faces of young men that met me everywhere, the insults hooted after me when I was at a safe distance, got badly on my nerves. The young Buddhist priests were the worst of all. There were several thousands of them in the town and none of them seemed to have anything to do except stand on street corners and jeer at Europeans.

All this was perplexing and upsetting. For at that time I had already made up my mind that imperialism was an evil thing and the sooner I chucked up my job and got out of it the better. Theoretically — and secretly, of course — I was all for the Burmese and all against their oppressors, the British. As for the job I was doing, I hated it more bitterly than I can perhaps make clear. In a job like that you see the dirty work⁶ of Empire at close quarters. The wretched prisoners huddling in the stinking cages of the lock-ups, the grey, cowed faces of the long-term convicts, the scarred buttocks of the men who had been flogged with bamboos — all these oppressed me with an intolerable sense of guilt. But I could get nothing into perspective. I was young and ill-educated and I had had to think out my problems in the utter silence that is imposed on every Englishman in the East. I did not even know that the British Empire is dying, still less did I know that it is a great deal better than the younger empires that are going to supplant it. All I knew was that I was stuck between my hatred of the empire I served and my rage against the evil-spirited little beasts who tried to make my job impossible. With one part of my mind I thought of the British Raj⁷ as an unbreakable tyranny, as something clamped down, in saecula saeculorum⁸, upon the will of prostrate peoples; with another part I thought that the greatest joy in the world would be to drive a bayonet into a Buddhist priest's guts. Feelings like these are the normal by-products of imperialism; ask any Anglo-Indian official, if you can catch him off duty.

One day something happened which in a roundabout way was enlightening. It was a tiny incident in itself, but it gave me a better glimpse than I had had before of the real nature of imperialism — the real motives for which despotic governments act. Early one morning the sub-inspector at a police station the other end of the town rang me up on the phone and said that an elephant was ravaging the bazaar. Would I please come and do something about it? I did not know what I could do, but I wanted to see what was happening and I got on to a pony and started out. I took my rifle, an old .44 Winchester and much too small to kill an elephant, but I thought the noise might be useful in terrorem⁹. Various Burmans stopped me on the way and told me about the elephant's doings¹⁰. It was not, of course, a wild elephant, but a tame one which had gone 'must'¹¹. It had been chained up, as tame elephants always are when their attack of 'must' is due, but on the previous night it had broken its chain and escaped. Its mahout¹², the only person who could manage it when it was in that state, had set out in pursuit, but had taken the wrong direction and was now twelve hours' journey away, and in the morning the elephant had suddenly reappeared in the town. The Burmese population had no weapons and were quite helpless against it. It had already destroyed somebody's bamboo hut, killed a cow and raided some fruit-stalls and devoured the stock; also it had met the municipal rubbish van and, when the driver jumped out and took to his heels, had turned the van over and inflicted violences upon it.

The Burmese sub-inspector and some Indian constables¹³ were waiting for me in the quarter where the elephant had been seen. It was a very poor quarter, a labyrinth of squalid bamboo huts, thatched with palmleaf, winding all over a steep hillside. I remember that it was a cloudy, stuffy morning at the beginning of the rains¹⁴. We began

questioning the people as to where the elephant had gone and, as usual, failed to get any definite information. That is invariably the case in the East; a story always sounds clear enough at a distance, but the nearer you get to the scene of events the vaguer it becomes. Some of the people said that the elephant had gone in one direction, some said that he had gone in another, some professed not even to have heard of any elephant. I had almost made up my mind that the whole story was a pack of lies, when we heard yells a little distance away. There was a loud, scandalized cry of 'Go away, child! Go away this instant!' and an old woman with a switch in her hand came round the corner of a hut, violently shooing away a crowd of naked children. Some more women followed, clicking their tongues and exclaiming; evidently there was something that the children ought not to have seen. I rounded the hut and saw a man's dead body sprawling in the mud. He was an Indian, a black Dravidian coolie¹⁵, almost naked, and he could not have been dead many minutes. The people said that the elephant had come suddenly upon him round the corner of the hut, caught him with its trunk, put its foot on his back and ground him into the earth. This was the rainy season and the ground was soft, and his face had scored a trench a foot deep and a couple of yards long. He was lying on his belly with arms crucified and head sharply twisted to one side. His face was coated with mud, the eyes wide open, the teeth bared and grinning with an expression of unendurable agony. (Never tell me, by the way, that the dead look peaceful. Most of the corpses I have seen looked devilish.) The friction of the great beast's foot had stripped the skin from his back as neatly as one skins a rabbit. As soon as I saw the dead man I sent an orderly to a friend's house nearby to borrow an elephant rifle. I had already sent back the pony, not wanting it to go mad with fright and throw me if it smelt the elephant.

The orderly came back in a few minutes with a rifle and five cartridges, and meanwhile some Burmans had arrived and told us that the elephant was in the paddy fields below, only a few hundred yards away. As I started forward practically the whole population of the quarter flocked out of the houses and followed me. They had seen the rifle and were all shouting excitedly that I was going to shoot the elephant. They had not shown much interest in the elephant when he was merely ravaging their homes, but it was different now that he was going to be shot. It was a bit of fun to them, as it would be to an English crowd; besides they wanted the meat. It made me vaguely uneasy. I had no intention of shooting the elephant — I had merely sent for the rifle to defend myself if necessary — and it is always unnerving to have a crowd following you. I marched down the hill, looking and feeling a fool, with the rifle over my shoulder and an ever-growing army of people jostling at my heels. At the bottom, when you got away from the huts, there was a metalled road and beyond that a miry waste of paddy fields a thousand yards across, not yet ploughed but soggy from the first rains and dotted with coarse grass. The elephant was standing eight yards from the road, his left side towards us. He took not the slightest notice of the crowd's approach. He was tearing up bunches of grass, beating them against his knees to clean them and stuffing them into his mouth.

I had halted on the road. As soon as I saw the elephant I knew with perfect certainty that I ought not to shoot him. It is a serious matter to shoot a working elephant

— it is comparable to destroying a huge and costly piece of machinery — and obviously one ought not to do it if it can possibly be avoided. And at that distance, peacefully eating, the elephant looked no more dangerous than a cow. I thought then and I think now that his attack of ‘must’ was already passing off; in which case he would merely wander harmlessly about until the mahout came back and caught him. Moreover, I did not in the least want to shoot him. I decided that I would watch him for a little while to make sure that he did not turn savage again, and then go home.

Commentary on the English:

- *Moulmein*: (Burnese Maulamyang) a seaport in south-east Burma, on the Salween River south-east of Rangoon; currently has a population of over 200,000; capital of the state of Mon.

- *Burma*: until 1989, the name of Myanmar, a country in south-east Asia on the Bay of Bengal; an independent empire under the Pagan dynasty in the 11th-13th century, Burma fell to the Mongols and was generally split into small rival states until unified once again 1757. As a result of the Burmese Wars of 1823-1886 Burma was gradually annexed by the British, remaining under British administration until World War II.

- *bazaars*: colorful and noisy Oriental markets; in Britain and the United States the word also names a type of fair for the sale of miscellaneous articles, esp. for charitable purposes.

- *betel juice*: betel is a climbing pepper whose leaves are chewed together with betel nut (its astringent red seed) and lime, esp. by south-east Asians, for the sake of a mildly narcotic effect; this also stimulates the flow of saliva which turns bright red as a result.

- *was baited*: “to bait” is only slightly less forceful than “the torment (by verbal or physical abuse),” (e.g., “At school the new boy was baited mercilessly because of his strange clothes”); now typically applied to humans, though in the past the verb was most readily associated with animals, since bear baiting was a popular sport in England that attracted huge crowds of spectators; as society learned to be more humane, bear baiting, along with cock fighting, was banned.

- *the dirty work*: unpleasant work that no one wants to do (e.g., “She left me to tell them they were sacked - she always gets me to do her dirty work for her”); in a more informal setting, the phrase can mean “dishonest behavior” (e.g., “There’s been some dirty work with the club accounts, and some money missing”).

- *the British Raj*: not to be confused with “*raja(h)*” – an Indian ruler.” “Raj,” sometimes capitalized, sometimes not, means the period of British colonial rule, esp. in India before 1947 (“life under the Raj”).

- *in saecula saeculorum*: (Lat.) “for ever and ever”; exists in R. as the loan – translation во веки веков.

- *in therorem*: (lat.) “for intimidation”.

- *the elephant's doings*: “doings” is an informal wd favored esp. by BrE; apart from obvious meaning of “action”, “things one does” (with a touch of disparagement), it can also be used as a substitute name for something one can't be bothered to specify (e.g., “Put this little doings on the table”).

- *had gone 'must'*: also “musth”(from Urdu and Persian mast, lit. “intoxicate”), a state of dangerous frenzy to which male elephants and camels are subject at regular intervals, usu. connected with the rutting season; “to go must” (adj) and “to be in must” (noun).

- *mahout*: (Hindi mahawat) a keeper and driver of an elephant.

- *constables*: at one time “constable” was the title of an important official in a royal or noble household but now it merely designates a British always tried to recreate as far as possible the familiar home setting wherever they went, hence the nomenclature and ritual of the law enforcement agencies in their colonies modeled on those in the parent country, down to the utterly incongruous horse-hair wigs worn by judges in India, say, which must be horribly itchy in hot weather.

- *the beginning of the rains*: Burma has a tropical monsoon climate with a rainy season from May to October.

- *Black Dravidian coolie*: “a coolie” is an unskilled worker, esp. in India and some parts of the Far East, who gets paid a pittance (also, used figuratively; e.g., “He treats her like a coolie – she works for next to nothing and never gets a day off”); Dravidians are members of a Dravidian-speaking ethnic group that populate south India and Sri Lanka; the Dravidian language family includes Tamil and Malayalam.

Джордж Оруэлл

Застреленный слон

Часть 1

В Моламьяйне – это в Нижней Бирме – я стал объектом ненависти многих людей; с той поры моя персона уже никогда не имела столь важного значения для окружающих. В городе, где я занимал пост окружного полицейского, сильно ощущались резкие антиевропейские настроения, правда, проявлявшиеся как-то бесцельно и мелочно. Выступить открыто не хватало духу, а вот если белой женщине случалось одной пройти по базару, платье ее часто оказывалось забрызганным соком бетели. Как полицейский офицер, я неизбежно становился мишенью для оскорблений, коим и подвергался всякий раз, когда представлялась возможность сделать это безнаказанно. Если на футбольном поле какой-нибудь шустрый бирманец подставлял мне подножку, а судья, тоже бирманец, демонстративно смотрел в противоположную сторону, толпа раздражалась отвратительным хохотом. Такое происходило не один раз. В конце концов эти повсюду встречавшиеся мне насмешливые желтые физиономии молодых парней, эти оскорбления, летевшие вдогонку, когда я уже успевал удалиться на безопасное

расстояние, начали изрядно действовать мне на нервы. Но невыносимее всего были молодые буддистские проповедники. В городе их насчитывалось несколько тысяч, и возникало впечатление, что у всех у них было одно единственное занятие – устроившись на уличных углах, глумиться над европейцами.

Все это смущало и расстраивало меня. Уже тогда я осознал, что империализм есть зло и чем скорее я покончу со службой и распрощаюсь со всем этим, тем лучше. Теоретически и, разумеется, негласно я безоговорочно вставал на сторону бирманцев в их борьбе против угнетателей-англичан.

Что же касается службы, то к ней я питал столь лютую ненависть, что, наверное, даже выразить не смогу. На такой должности вплотную сталкиваешься со всей грязной работой имперской машины. Скорчившиеся бедолаги в клетках вонючих камер предварительного заключения; посеревшие, запуганные лица приговоренных к длительному сроку; шрамы на ягодицах мужчин, подвергшихся избиению бамбуковыми палками, – все это вызывало во мне нестерпимое, гнетущее чувство вины. Мне никак не удавалось расставить все по своим местам. Я был молод, малообразован, в проблемах своих вынужден был разбираться сам, находясь в том полном одиночестве, которым Восток окружает любого англичанина. Я даже не подозревал, что Британская империя умирает, и тем более не ведал, что она все же много лучше, чем молодые, теснящие ее конкуренты. Зато я знал, что мне, с одной стороны, никуда не уйти от ненависти к Британской империи, чьим солдатом я был, а с другой – от ярости, вызываемой во мне этими маленькими злобными зверьками, стремившимися превратить мою службу в ад. Британское владычество в Индии представлялось мне незыблемой тиранией, *insaeculasaeculorum* подчинившей себе сломленные народы; и тем не менее я бы с величайшей радостью пырнул штыком какого-нибудь буддистского проповедника. Такие чувства естественно возникают как побочный продукт империализма: спросите любого английского чиновника в Индии, если сможете поймать его в неслужебное время.

И вот однажды произошло нечто, косвенным образом прояснившее многое. Внешне то был лишь малозначительный инцидент, но мне он позволил яснее, чем раньше, увидеть сущность империализма, истинные мотивы, движущие деспотичными правительствами. Однажды рано утром, младший полицейский инспектор позвонил мне по телефону из полицейского участка, расположенного на другом конце города, и сообщил, что на базаре бесчинствует слон. Не могу ли я прийти и предпринять что-нибудь? Я не знал, какая от меня может быть польза, но хотелось посмотреть, что там происходит, и, взгромоздившись на пони, я отправился в путь. С собой я прихватил винтовку, старый «винчестер» сорок четвертого калибра – слона из него, конечно, не убьешь, но вдруг пригодится пошуметь *interrorem*.

По дороге меня то и дело останавливали и рассказывали, что натворил слон. Это был вовсе не дикий, а домашний слон, у которого просто начался период полового возбуждения – муста. Перед наступлением муста его, как и всех

домашних слонов, посадили на цепь, но прошлой ночью он сорвался и сбежал. В таком состоянии со слонем, кроме погонщика, никому не справиться, но тот, пустившись за беглецом, выбрал неверное направление и теперь находился в двенадцати часах хода отсюда; слон же неожиданно утром вновь объявился в городе. Не имевшие оружия бирманцы были перед ним совершенно беззащитны. Слон между тем уже снес чью-то бамбуковую хижину, убил корову и совершил налеты на фруктовые ларьки, поглотив все, что там было; вдобавок ко всему он столкнулся с муниципальным мусорным фургоном, который был им опрокинут и изрядно помят, правда, после того как водитель выскочил и пустился наутек.

В квартале, где видели сбежавшего слона, меня ждал младший инспектор-бирманец и несколько констеблей-индусов. То был нищий квартал, где го крутому склону карабкался вверх лабиринт грязных убогих бамбуковых лачуг, крытых пальмовыми листьями. Помню, утро было пасмурное и душное – самое начало сезона дождей. Мы принялись расспрашивать, куда направился слон, и, как обычно, ничего не могли узнать толком. На Востоке всегда так: издалека история представляется вполне ясной, однако чем ближе к месту событий, тем она туманнее. Одни говорили, что слон пошел туда, другие – сюда, третьи уверяли, что и слыхом не слыхали ни про какого слона. Я уже совсем было решил, что в этой истории нет ничего, кроме нагромождения лжи, когда где-то совсем рядом раздались пронзительные крики. С рассерженными возгласами: «Пошли отсюда! Пошли вон, немедленно!» – из-за угла появилась старуха с кнутом в руке, прогонявшая стайку голых ребятишек. За ней следовало несколько причитавших и охавших женщин: очевидно, там произошло — нечто такое, чего детям видеть не полагалось. Обогнув хижину, я увидел распростертое в грязи тело человека. Это был почти обнаженный индус-дравид. По-видимому, смерть настигла смуглого кули лишь несколько минут назад. очевидцы говорили, что слон наткнулся на него, огибая лачугу; обхватив жертву хоботом и надавив ногой на спину, он проволока ее по земле. Был сезон дождей, и тело индуса пропахало в размякшей почве канаву в фут глубиной и пару ярдов длиной. Он лежал на животе, раскинув руки, с головой, вывернутой набок. Покрытое слоем грязи лицо, с широко открытыми глазами и обнажившимися, словно в ухмылке зубами выражало нестерпимую муку. (И не надо мне говорить, что у мертвецов вид умиротворенный. Почти все трупы, которые мне доводилось видеть, оставляли жуткое впечатление.) Нога огромного животного полностью содрала со спины несчастного кожу – так свежуют кроликов. Увидев труп, я отправил ординарца к своему другу, дом которого находился неподалеку, – за винтовкой, годной для охоты на слона. Еще раньше я отослал пони, поскольку мне совсем не хотелось, чтобы, учуяв слона, он ошалел от испуга и сбросил меня.

Через несколько минут вернулся ординарец с винтовкой и пятью патронами, тут же подоспели несколько бирманцев, сообщивших, что слон пасется внизу на рисовых полях, всего в нескольких сотнях ярдов от нас. Стоило мне двинуться вперед, как практически все население квартала высыпало на улицу и устремилось

за мной. Они заметили винтовку и теперь в радостном возбуждении кричали, что я иду убивать слона. Пока тот опустошал их дома, они не проявляли к нему особого интереса, но теперь слона собирались застрелить, и это было совсем другое дело. Они отнеслись к происходящему как к развлечению – толпа англичан, должно быть, реагировала бы точно так же, – помимо всего прочего, они надеялись на дармовое мясо. От этого мне стало как-то не по себе. В мои намерения вовсе не входило убивать слона – винтовка нужна была мне только для самозащиты, так, на всякий случай; и потом – всегда теряешься, если за тобой наблюдает толпа. Как дурак, коим себя и чувствовал, вышагивал я вниз по склону с винтовкой на плече, а следовавшее за мной по пятам скопище напиравших друг на друга людей непрерывно росло. Внизу, оставляя домики далеко в стороне, пролежала посыпанная щебнем дорога, за пей на тысячу ярдов в ширину раскинулись болотистые, размокшие от первых дождей, поросшие дикой травой, еще не вспаханные рисовые поля. Слон стоял в восьми ярдах от дороги, повернувшись к нам левым боком. На подступавшую толпу он не обратил ни малейшего внимания. Он выдергивал пучки травы, ударял ими по колену, стряхивая землю, и засовывал в рот.

На дороге я остановился. Увидев слона, я уже внутренне решил, что не должен стрелять в него. Убийство рабочего слона – дело очень серьезное, сравнимое с уничтожением большого дорогостоящего механизма, и совершенно очевидно, что прибегать к этому следует лишь при крайней необходимости. На таком расстоянии мирно пасшийся слон, казалось, представлял не большую опасность, чем корова. Тогда я подумал – и не изменил своего мнения поныне, – что период муста у него уже кончился и поэтому, наверное, он так и будет бродить вокруг, не причиняя не кому вреда, пока подоспевший погонщик не изловит его. Более того, я не испытывал никакого желания убивать животное. Хотелось немного понаблюдать за слоном, убедиться, что он не расвирепееет вновь, и отправиться восвояси.

1.10 Shooting an Elephant (by George Orwell)

Part 2

But at that moment I glanced round at the crowd that had followed me. It was an immense crowd, two thousand at the least and growing every minute. It blocked the road for a long distance on either side. I looked at the sea of yellow faces above the garish clothes¹-faces all happy and excited over this bit of fun, all certain that the elephant was going to be shot. They were watching me as they would watch a conjurer about to perform a trick. They did not like me, but with the magical rifle in my hands I was momentarily worth watching. And suddenly I realized that I should have to shoot the elephant after all. The people expected it of me and I had got to do it; I could feel their two thousand wills pressing me forward, irresistibly. And it was at this moment, as I stood there with the rifle in my hands, that I first grasped the hollowness, the futility of

the white man's dominion in the East. Here was I, the white man with his gun, standing in front of the unarmed native crowd — seemingly the leading actor of the piece; but in reality I was only an absurd puppet pushed to and fro by the will of those yellow faces behind. I perceived in this moment that when the white man turns tyrant it is his own freedom that he destroys. He becomes a sort of hollow, posing dummy², the conventionalized figure of a sahib³. For it is the condition of his rule that he shall spend his life⁴ in trying to impress the ‘natives’, and so in every crisis he has got to do what the ‘natives’ expect of him. He wears a mask, and his face grows to fit it. I had got to shoot the elephant. I had committed myself to doing it when I sent for the rifle. A sahib has got to act like a sahib; he has got to appear resolute, to know his own mind⁵ and do definite things. To come all that way, rifle in hand, with two thousand people marching at my heels, and then to trail feebly away, having done nothing — no, that was impossible. The crowd would laugh at me. And my whole life, every white man's life in the East, was one long struggle not to be laughed at.

But I did not want to shoot the elephant. I watched him beating his bunch of grass against his knees, with that preoccupied grandmotherly air that elephants have. It seemed to me that it would be murder⁶ to shoot him. At that age I was not squeamish about killing animals, but I had never shot an elephant and never wanted to. (Somehow it always seems worse to kill a *large* animal.) Besides, there was the beast's owner to be considered. Alive, the elephant was worth at least a hundred pounds; dead, he would only be worth the value of his tusks, five pounds, possibly. But I had got to act quickly. I turned to some experienced-looking Burmans who had been there when we arrived, and asked them how the elephant had been behaving. They all said the same thing: he took no notice of you if you left him alone, but he might charge if you went too close to him.

It was perfectly clear to me what I ought to do. I ought to walk up to within, say, twenty-five yards of the elephant and test his behavior. If he charged, I could shoot; if he took no notice of me, it would be safe to leave him until the mahout came back. But also I knew that I was going to do no such thing. I was a poor shot with a rifle and the ground was soft mud into which one would sink at every step. If the elephant charged and I missed him, I should have about as much chance as a toad under a steam-roller⁷. But even then I was not thinking particularly of my own⁸ skin, only of the watchful yellow faces behind. For at that moment, with the crowd watching me, I was not afraid in the ordinary sense, as I would have been if I had been alone. A white man mustn't be frightened in front of ‘natives’; and so, in general, he isn't frightened. The sole thought in my mind was that if anything went wrong those two thousand Burmans would see me pursued, caught, trampled on and reduced to a grinning corpse like that Indian up the hill. And if that happened it was quite probable that some of them would laugh. That would never do. There was only one alternative. I shoved the cartridges into the magazine and lay down on the road to get a better aim.

The crowd grew very still, and a deep, low, happy sigh, as of people who see the theatre curtain go up at last, breathed from innumerable throats. They were going to have their bit of fun after all. The rifle was a beautiful German thing with cross-hair

sights. I did not then know that in shooting an elephant one would shoot to cut an imaginary bar running from ear-hole to ear-hole. I ought, therefore, as the elephant was sideways on, to have aimed straight at his ear-hole; actually I aimed several inches in front of this, thinking the brain would be further forward.

When I pulled the trigger I did not hear the bang or feel the kick — one never does when a shot goes home⁹ — but I heard the devilish roar of glee that went up from the crowd. In that instant, in too short a time, one would have thought, even for the bullet to get there, a mysterious, terrible change had come over the elephant. He neither stirred nor fell, but every line of his body had altered. He looked suddenly stricken, shrunken, immensely old, as though the frightful impact of the bullet had paralysed him without knocking him down. At last, after what seemed a long time — it might have been five seconds, I dare say — he sagged flabbily to his knees. His mouth slobbered. An enormous senility seemed to have settled upon him. One could have imagined him thousands of years old. I fired again into the same spot. At the second shot he did not collapse but climbed with desperate slowness to his feet and stood weakly upright, with legs sagging and head drooping. I fired a third time. That was the shot that did for him¹¹. You could see the agony of it jolt his whole body and knock the last remnant of strength from his legs. But in falling he seemed for a moment to rise, for as his hind legs collapsed beneath him he seemed to tower upward like a huge rock toppling, his trunk reaching skyward like a tree. He trumpeted, for the first and only time. And then down he came, his belly towards me, with a crash that seemed to shake the ground even where I lay.

I got up. The Burmans were already racing past me across the mud. It was obvious that the elephant would never rise again, but he was not dead. He was breathing very rhythmically with long rattling gasps, his great mound of a side painfully rising and falling. His mouth was wide open — I could see far down into caverns of pale pink throat. I waited a long time for him to die, but his breathing did not weaken. Finally I fired my two remaining shots into the spot where I thought his heart must be. The thick blood welled out of him like red velvet, but still he did not die. His body did not even jerk when the shots hit him, the tortured breathing continued without a pause. He was dying, very slowly and in great agony, but in some world remote from me where not even a bullet could damage him further. I felt that I had got to put an end to that dreadful noise. It seemed dreadful to see the great beast Lying there, powerless to move and yet powerless to die, and not even to be able to finish him. I sent back for my small rifle and poured shot after shot into his heart and down his throat. They seemed to make no impression¹². The tortured gasps continued as steadily as the ticking of a clock.

In the end I could not stand it any longer and went away. I heard later that it took him half an hour to die. Burmans were bringing dash and baskets even before I left, and I was told they had stripped his body almost to the bones by the afternoon.

Afterwards, of course, there were endless discussions about the shooting of the elephant. The owner was furious, but he was only an Indian and could do nothing. Besides, legally I had done the right thing, for a mad elephant has to be killed, like a

mad dog, if its owner fails to control it. Among the Europeans opinion was divided. The older men said I was right, the younger men said it was a damn shame¹³ to shoot an elephant for killing a coolie, because an elephant was worth more than any damn Coringhee coolie. And afterwards I was very glad that the coolie had been killed; it put me legally in the right and it gave me a sufficient pretext for shooting the elephant. I often wondered whether any of the others grasped that I had done it solely to avoid looking a fool.

Commentary on the English:

- *above the garish clothes*: “garnish” means “too brightly colored to be tasteful or pleasant to look at,” the general idea being of cheap items in bad taste. Other wds expressing roughly the same idea are “gaudy”, “tawdy,” and, to lesser extent, “flashy.” Something is gaudy when it uses flamboyant colors and conspicuous ornaments lavishly, ostentatiously and tastelessly (“gaudy floral prints”); something is tawdy when it is not just gaudy but cheap and sleazy (“tawdy jewelry and fake furs”); something is flashy when it dazzles for a moments but then reveals itself as shallow or vulgar display, or is too big, bright, or expensive in a way that other people disapprove of (“the flashy rich boy in public school buying toadyism;” “he likes to drive large flashy cars”).

- *dummy*: a wd with a wide range of meanings, none of them exactly complimentary, such as “a non-functional imitation of sth” (“This gun can’t fire, it’s a dummy”); “a human –shaped object used for putting clothes on” (“a tailor’s dummy”); in AmE, “a stupid person;” in BrE, a rubber thingy stuffed into a baby’s mouth to keep it quiet (cf. the American “pacifier”).

- *conventionalized figure of a sahib*: “sahib” (from Urdu use of Arabic cahib, originally “friend”) means “sir”, “master” used esp. among Hindus and Muslims in colonial India when addressing or referring to a European of some social or official status.

- *that he shall spend his life*: “shall” coupled with a third-person pronoun suggests compulsion and obligation rather than simple futurity expressed, moreover, fairly emotionally; this use is increasingly rare except in legal contexts.

- *to know his own mind*: a set phrase meaning “to be very clear about what your opinions and beliefs are and not be influenced by what other people say.”

- *it would be murder*: in its literal sense of “the crime of deliberately killing sb” “murder” can sometimes take the indefinite article, that is one can commit murder or a murder; used figuratively, however, the wd is usually uncountable; e.g. “Sending untrained men into the battle was sheer murder (=unnecessary loss of life caused by stupidity);” “It’s murder trying find somewhere to park in Cambrige these days (=very difficult or unpleasant);” “She lets these kids get away with murder (=never punishes them and allows them to do what they like);” “It’s murder on your feet wearing high-heels all day (=very uncomfortable, painful, etc.);” “to scream blue murder” is “to scream

very loudly,” where “blue” is just an intensifier, probably from its old figurative meanings, through association with such unpleasant things as the Devil, plague, fear, etc.

- *as much chance as a toad under a steam-roller*: the literal translation жаба под паровым катком seems needlessly clumsy; лягушка под колесами looks easier on the Russian eye, while adequately conveying the idea of a small “squashy” creature confronted with sth heavy, mechanical and inexorable.

- *I was not thinking particularly of my own skin*: here the meaning of “skin” is more or less identical to the R. шкура in certain contexts, as an offshoot of the phrase “to save sb’s skin (also, “neck,” “bacon”, etc.)”

- *when a shot goes home*: “to go home,” used figuratively, is a common way of saying “to have an effect” and, more broadly, “to reach the intended destination” often, in reference to sb’s wds (“The chairman’s pointed remark went home, and the committee members fell silent”).

- *I dare say*: a spoken phrase used esp. in BrE, when saying or agreeing that sth may be true, after all: “I dare say things will improve.”

- *the shot that did for him*: one of the more informal meanings of the phrasal verb “to do for” is “to kill” or “destroy”. “The severe storm did for most of the farm buildings;” “I’ll do for that cop when I get out of prison;” hence the more frequently used passive phrase “to be done for” = “to be finished, ruined, worn out, about to die, etc.” (“The nation is done for now that this party is in power”).

- *They seemed to make no impression*: here “making an impression” is semantically midway between its two meanings of influencing opinion and leaving mark.

- *it was a damn shame*: though having its origin in the literal meaning of “shame” as “the feeling of guilt and embarrassment” the phrase has drifted toward a general idea of disapproval or regret, without any implication of “shamefulness” (“It’s a shame you having to leave so soon;” “Oh, it’s raining. What a shame!”).

Джордж Оруэлл

Застреленный слон

Часть 2

Но в это самое мгновение я обернулся и взглянул на сопровождавшую меня толпу. То была огромная масса людей, по меньшей мере тысячи две, которая с каждой минутой все прибывала. Она далеко, по обе стороны, запрудила дорогу. Передо мной расстилалось море пестрых одежд, на фоне которого явственно выделялись радостные и возбужденные в предвкушении развлечения желтые лица людей, уверенных в неминуемой смерти слона. Они следили за мной, как следили бы за иллюзионистом, готовившимся показать фокус. Они не любили меня, но

сейчас, с магической винтовкой в руках, я был объектом, достойным наблюдения. Внезапно я осознал, что рано или поздно слона придется прикончить. От меня этого ждали, и я обязан был это сделать: я почти физически ощущал, как две тысячи волей неудержимо подталкивали меня вперед. Именно тогда, когда я стоял там с винтовкой в руках, мне впервые открылась вся обреченность и бессмысленность владычества белого человека на Востоке. Вот я, европеец, стою с винтовкой перед безоружной толпой туземцев, как будто бы главное действующее лицо спектакля, фактически же – смехотворная марионетка, дергающаяся по воле смуглолицых людей. Мне открылось тогда, что, становясь тираном, белый человек наносит смертельный удар по своей собственной свободе, превращается в претенциозную, насквозь фальшивую куклу, в некоего безликого сагиба – европейского господина. Ибо условие его владычества состоит в том, чтобы непрерывно производить впечатление на туземцев и своими действиями в любой критической ситуации оправдывать их ожидания. Постоянно скрытое маской лицо со временем неотвратимо срывается с него. Я неизбежно должен был застрелить слона. Послав за винтовкой, я приговорил себя к этому. Сагиб обязан вести себя так, как подобает сагибу: он должен быть решительным, точно знать, чего хочет, действовать в соответствии со своей ролью. Прodelать такой путь с винтовкой в руках во главе двухтысячной толпы и, ничего не предприняв, беспомощно заковылять прочь – нет, об этом не может быть и речи. Они станут смеяться. А вся моя жизнь, как и жизнь любого европейца на Востоке, – это борьба за то, чтобы не стать посмешищем. Мне не хотелось убивать слона. Я смотрел, как он со свойственной слонам добродушной озабоченностью ударяет пучками травы по колену. Казалось, что выпустить в него пулю все равно что совершить гнусное и жестокое человекоубийство. В ту пору я еще не проявлял излишней щепетильности в охоте, но мне никогда не приходилось —да и не хотелось – стрелять в слона (почему-то всегда представляется, что убивать больших животных – хуже). К тому же, нужно было принять во внимание интересы владельца животного. Живой слон стоил по крайней мере сто фунтов, цена мертвого определяется ценой его бивней, то есть, возможно, пятью фунтами. Между тем надо было действовать быстро. Я выбрал опытных на вид бирманцев, пришедших раньше нас, и стал расспрашивать их о поведении слонов. Они повторяли одно и то же: пока к нему не пристают, он ни на кого не обращает внимания, но, если подойти слишком близко, может напасть.

Мне было совершенно ясно что делать. Я подойду к слону – ну, скажем, ярдов на двадцать пять – и посмотрю, как он поведет себя. Если бросится на меня, я выстрелю, если не обратит внимания, спокойно оставлю на месте до прибытия хозяина. В то же время я понимал, что ничего подобного не сделаю. Я плохо стреляю из винтовки, земля превратилась в вязкую грязь, в которой нога проваливается при каждом шаге. Если слон бросится на меня, а я промахнусь, шансов на удачу у меня будет не больше, чем у лягушки под дорожным катком. Даже тогда я не особенно тревожился о собственной шкуре, зато ни на миг не

забывал о смуглых лицах у меня за спиной. Чувствуя на себе взгляды толпы, я не испытывал страха в обычном смысле слова – какой испытывал бы, будь я один. Европейец не имеет права проявлять признаков страха на глазах у туземцев, поэтому чаще всего он и не боится. Волновала лишь одна мысль: если я оскандалюсь, две тысячи бирманцев позаботятся о том, чтобы меня догнали, изловили и затоптали ногами, превратив, как индуса на холме, в ухмыляющийся труп. Вполне вероятно, что, произойди такое, многие из них будут смеяться. Нет, так дело не пойдет. Оставался только один путь. Я заправил патроны в магазин и лег на дорогу, чтобы лучше прицелиться.

Толпа замерла, и из неисчислимых глоток вырвался глубокий, низкий, счастливый вздох, как у людей, наконец дождавшихся поднятия занавеса. Значит, все-таки потеха будет. Винтовка была великолепная, немецкая, с оптическим прицелом. Тогда я еще не знал, что, когда стреляешь в слона, нужно целиться в мысленно проведенную между ушными отверстиями линию. Если слон стоял боком, бить следовало прямо в ушное отверстие, я же прицелился на несколько дюймов левее, полагая, что именно там и расположен мозг.

Спустив курок, я не услышал выстрела и не почувствовал отдачи обычное явление, когда пуля попадает в цель, – зато я услышал дьявольский торжествующий рев, взметнувшийся над толпой. И почти тут же казалось, пуля не могла столь быстро достигнуть цели – со слонем произошла таинственная жуткая перемена. Он не пошевельнулся, не упал, но изменилась каждая линия его тела. Он вдруг оказался больным, сморщенным, невероятно старым, как будто страшный, хотя и не повалившийся наземь удар пули парализовал его. Прошло, казалось, бесконечно много времени – пожалуй, секунд пять, – прежде чем он грузно осел на колени. Из рта потекла слюна. Слон как-то неимоверно одряхлел. Нетрудно было бы представить, что ему не одна тысяча лет. Я вновь выстрелил в ту же точку. Он не рухнул и после второго выстрела: напротив, с огромным трудом невероятно медленно поднялся и, ослабевший, с безвольно опущенной головой выпрямился на подгибающихся ногах. Я выстрелил в третий раз. Этот выстрел оказался роковым. Все тело слона содрогнулось от нестерпимой боли, ноги лишились последних остатков сил. Падая, он словно приподнялся: подогнувшиеся под тяжестью тела ноги и устремленный ввысь хобот делали слона похожим на опрокидывающуюся громадную скалу с растущим на вершине деревом. Он протрубил – в первый и последний раз. А потом повалился брюхом ко мне, с глухим стуком, от которого содрогнулась вся земля, казалось, даже там, где лежал я.

Я встал. Бирманцы мчались по грязи мимо меня. Было ясно, что слону уже никогда не подняться, но он еще жил. Он дышал очень ритмично, шумно, с трудом вбирая воздух; его огромный, подобный холму бок болезненно вздымался и опускался. Рот был широко открыт, и я мог заглянуть далеко в глубину бледно-розовой пасти. Я долго медлил в ожидании смерти животного, но дыхание не ослабевало. В конце концов я выпустил два оставшихся у меня патрона туда, где,

по моим представлениям, находилось сердце. Из раны хлынула густая, как красный бархат, кровь, но слон еще жил. Его тело даже не дрогнуло, когда ударили пули; без остановок продолжалось затрудненное дыхание. Он умирал невероятно мучительно и медленно, существуя в каком-то другом, далеком от меня мире, где даже пуля уже бессильна причинить больший вред. Я почувствовал, что должен оборвать этот ужасающий шум. Смотреть на огромного поверженного, не могущего ни шевельнуться, ни умереть зверя, и сознавать, что ты не в состоянии даже прикончить его, было невыносимо. Мне принесли мою малокалиберную винтовку, и я принялся выпускать пулю за пулей в сердце и в горло. Слон вроде бы и не замечал их. Мучительное шумное дыхание проходило все так же ритмично, напоминая работу часового механизма.

Наконец, не в силах больше вынести этого, я ушел. Потом я узнал, что прошло полчаса, прежде чем слон умер. Но еще до моего ухода бирманцы стали приносить корзинки и большие бирманские ножи: рассказывали, что к вечеру от туши не осталось почти ничего, кроме скелета.

Убийство слона стало темой бесконечных споров. Хозяин слона бушевал, но ведь это был всего лишь индус, и сделать он, конечно, ничего не мог. К тому же, юридически я был прав, поскольку разбушевавшийся слон, подобно бешеной собаке, должен быть убит, если владелец почему-либо не в состоянии справиться с ним. Среди европейцев мнения разделились. Люди в возрасте сочли мое поведение правильным, молодые говорили, что чертовски глупо стрелять в слона только потому, что тот убил кули – ведь слон куда ценнее любого чертового кули. Сам я был несказанно рад свершившемуся убийству кули – это означало с юридической точки зрения, что я действовал в рамках закона и имел все основания застрелить животное. Я часто задаюсь вопросом, понял ли кто-нибудь, что мною руководило единственное желание – не оказаться посмешищем.

1.11 Terrified (by C.B. Gilford)

Paul Santin had had a good day. Small town doctors and drug stores were doing a thriving business, and, therefore, so was Paul Santin, pharmaceutical salesman. But it had been a long day, and now it was past eleven. Santin was driving fast on the country back road, trying to make it home before midnight.

He was tired, sleepy, fighting to stay awake for another half hour. But he was not dozing. He was in complete control of his car.

He'd passed few other cars. Right now the road seemed deserted. He'd chosen this route just for that reason. Light traffic. And that's the way it was – an almost empty road – when he saw the other car.

He saw it first as a pair of headlights rounding the curve a quarter mile ahead. The lights were fantastically bright, and the driver failed to dim them. Santin cursed him, whoever he was. He dimmed his own lights, but received no answering courtesy. He

cursed again, vindictively switched his own lights back to highway brightness. But he sensed no real danger in it.

He was vaguely aware that the other car was rocketing toward him at high speed. Too much speed for the kind of road they were on. Mechanically, he slacked off on the accelerator, concentrated on staying on his side of the road, and on not looking directly at those oncoming lights.

But it was much too late when he realized the other car was hogging the centre of the road. And he had to make his decision too quickly. Whether he bore right in, perhaps leaning on his horn, hoping the other driver would pull aside. Or to hit the shoulder and take his chances with gravel and dirt.

He took the second choice, but not soon enough. He saw the other car wasn't going to concede an inch; so he swerved to the right. The blow was delivered against his left rear fender and wheel. The rear of his car skidded ditchward ahead of the front. Then the whole car seemed to defy gravity. It rolled sideways, leaped into the air, throwing Santin clear of itself at the top of the leap.

He didn't see or hear the final crash of the machine. All his consciousness was in the impact of his body against the hillside that met him like a solid wall; then he slid downwards.

In that first moment, he felt no pain. The shock had numbed him. But he knew he was alive. He knew he was conscious. He was also distantly, vaguely aware that his body was broken and beginning to bleed.

The blinding lights were gone. He was lying on his back in a patch of weeds. Above him were the stars and a bright full moon. They seemed closer to him than they had ever seemed before. Perhaps it was that optical illusion that first gave him the idea he was going to die.

Then he heard the voices. A renewal of contact with the world. There'd been people in that other car. He wondered about them, calmly, without fury, without sympathy. But he gave all his attention to the listening.

«He isn't here». A masculine voice a bit young.

The other car had been hit too. It had been stopped. Or perhaps the driver had stopped the car without being forced to. Anyway, the people from the car, whoever they were, had walked back to his car and were looking for him.

To help him? His first instinct was to call out, guide them to where he lay. They'd been selfish in hogging the road, but now they were charitable, wanting to aid. But then another instinct rose to fight against the first. Would they really be friendly? Suddenly he felt terrified of them. Without knowing why. Surely everybody wants to help accident victims. Don't they?

«He must have been thrown out». A girl's voice answering Frightened.

«I guess so. What'll we do?». The same masculine voice. So there must be only two of them.

«Look for him», the girl said.

A hesitation. «Why?».

Another hesitation. «Don't you want to know what happened to him ... or her?».

«I don't know». The masculine voice trembled. «I don't know ...».

«I think we ought to look around and find him».

«Okay ... It's dark though».

«You've got a flashlight, haven't you?».

«Sure. I'll get it».

Footsteps up on the road. The boy returning to his own car for the flashlight. And then silence again.

Santin waited, trembling in a sweat of a new fear. He hadn't liked the sound of those voices. That boy and girl weren't people who would care. If he was dying, they weren't people who would be of much help.

If he was dying? He was certain of it. The pain was beginning now. He could identify it in several places. His face, his chest, both his legs. And somewhere deep inside him, where nobody could reach but a doctor. That was the area of pain that made him certain of death.

So it didn't matter, did it? Whether or not they found him with their flashlight?

«Okay, I've got it». The boy's voice. «Where do we look?».

«In the ditch, I guess».

Scuffling footsteps, disturbing gravel, crunching through grass and brush. Then a winking light, sweeping back and forth. Both the light and the footsteps getting nearer. Inevitably, they would find him. He could speed their search by calling to them. But he didn't. He waited.

«Hey!».

The light was in his face. Paralyzed, he couldn't seem to turn away from it. The footsteps hurried. And then they were there. Two forms standing over him, outlined against the sky.

«He's alive». The girl. «His eyes are open».

«Yeah. I see ...».

«But he's hurt». The figure who was the girl knelt down beside him, mercifully shielding him from the flashlight. Because of the brightness of the moon, he could see her face.

She was young, terribly young, sixteen maybe. She was pretty too, her hair dark, her skin pale, perhaps abnormally so, her made-up mouth lurid in contrast. But there was no emotion in her face. She was in shock possibly. But as her eyes roved over his injuries, no sympathy lighted in her eyes.

«You're pretty badly hurt, aren't you?».

The question was right at him. «Yes ...».

He discovered he could speak without great difficulty. «Where? Do you know?».

«All over, I guess. Inside especially».

The girl was thoughtful over his reply. Her next question seemed cold, calculated. «Do you think you could pull through if we got help?».

He thought too, gave himself time to answer. But even so, he made a mistake. «I

think I'm going to die», he said, and knew he had made a mistake as soon as he'd said it.

The girl's face changed somehow, imperceptibly. Santin couldn't fathom the change. He only knew it had happened. She pulled away from him, rose to her feet, rejoining the boy.

«He's going to die», she said. As if she knew it as certainly as Santin himself.

«There's no use trying to find a doctor then, is there?». The boy sounded relieved, as if his responsibility for this whole thing had ended now.

«I guess not».

«What'll we do then?».

«Nothing, I guess. Just wait here. A car's bound to come along sometime».

«We can ride back to town then, huh?». The boy seemed to depend completely on the girl for leadership.

«Sure. We can send a doctor or somebody back. But this guy will probably be dead by then. And we'll have to report to the police».

«The police?».

«We'll have to. You killed a man».

There was silence then. Santin lay at their feet, looking up at the two silhouetted figures. They were talking about him as already dead. But somehow it didn't anger him yet. Maybe because he considered himself dead too.

«Arlene ... what'll they do to me?».

«Who, the police?».

«Yes ... You said I killed a man».

«Well, you did, didn't you?».

The boy hesitated. «But it was an accident», he managed finally. «You know it was an accident, don't you, Arlene? I mean, it just happened ...».

«Sure».

They were talking softly, but Santin could hear every word they said. And he felt compelled somehow to speak. «Every accident is somebody's fault», he told them.

They were startled. He could see them look at each other, then down at him again. «What do you mean by that, mister?», the boy asked after a moment.

«This accident was your fault. That's what I mean». He still wasn't angry. That wasn't why he argued. But he felt the blame should be established.

«How was it my fault?».

«First of all, you didn't dim your lights ...».

«Well, neither did you».

«I did at first».

«But you switched back to highway lights again».

«Only after you refused to dim».

The boy was silent again for a moment. Then he said, «But when we hit, you had your lights on bright».

Santin had to admit it. «I got mad», he said. «But that's not the most important thing. You were driving over on my side of the road».

Commentary on the English:

- *slacked off on the accelerator*: i.e. relieved pressure; as a transitive verb, “slacken off” means “to loosen (something such as a rope)”; used intransitively, and figuratively, it means “to become more lazy or inactive” (e.g. “The students tend to slacken off after first few weeks when their interest is new.”)
- *hogging the center of the road*: “to hog” is to keep or use (all of something) for oneself, especially unfairly (e.g., “He’s been hogging the bathroom and no one else can get in”); “to hog the road” is a set phrase describing the behavior of insolent or bloody-minded drivers who drive so that other cars cannot get past.
- *hit the shoulder*: here “the shoulder” is the strip of unpaved land that borders the road.
- *fender*: the name AmE reserves for the part of the car known in Britain as “wing” (also, the “mudguard”); Americans use the same word for the metal frame fitted to the front of locomotives to absorb shock, clear track, and so on, from “fend (off)” – “ward off or turn aside (questions, blows, attackers).”

С.Б. Гилфорд

Испуг

У Пола Сэнтина был удачный день. Врачи и аптекари в провинции на недостаток клиентов не жаловались, и он, соответственно, тоже, потому что Пол сэнтин был коммивояжером в фармацевтической фирме. Только очень уж много пришлось работать, и время шло к полуночи. Сэнтин гнал машину по проселку, стараясь скорее добраться до дома.

Он устал, глаза слипались, и он изо всех сил старался не заснуть в ближайшие полчаса. Однако, он не дремал и уверенно вел автомобиль.

По дороге попало совсем немного машин. А сейчас он и вовсе, казалось, ехал один. Поэтому он и выбрал этот маршрут. Почти никакого движения. Так оно и было, - практически пустая дорога, и тут он заметил ту машину.

В первый момент он увидел просто две фары на повороте в четверти мили от себя. Свет был неправдоподобно яркий, и водитель его не приглушил. Сэнтин выругался и сам перешел на малый свет. Но ответной любезности не последовало. Он снова выругался и в отместку врубил фары на всю мощь. Ничего опасного он в этом не видел.

У него было смутное ощущение, что другая машина несется навстречу на бешеной скорости. Слишком быстро для такой дороги. Машинально он отпустил акселератор и сосредоточился на том, чтобы не попасть на встречную полосу, стараясь не смотреть на приближающиеся огни.

Он слишком поздно понял, что та машина идет прямо посреди дороги. У него не оставалось времени для принятия решения: то ли ехать на нее, может

быть, сигналив погромче, - авось возьмет в сторону. То ли рискнуть вывернуть на обочину, не взирая на гравий и грязь.

На обочину, решил он, но было уже поздно. Он увидел, что другая машина не уступит ни дюйма, и резко свернул вправо. Удар пришелся по левому заднему крылу и колесу. Машина юзом полетела к дренажной канаве, задом наперед. Словно перестав подчиняться законам тяготения, она высоко подпрыгнула и вышвырнула Сэнтина.

Как машина разбилась, он не видел и не слышал. Его сознание было поглощено ударом тела о склон, твердый, как каменная стена; потом он соскользнул вниз.

В первый момент он не почувствовал боли. Шок притупил ощущения. Но он знал, что жив. Что каким-то образом не потерял сознания. Еще он смутно понимал, что ранен и начинает истекать кровью.

Слепящие фары исчезли. Он лежал на спине в густой траве. Над ним – звезды и яркая луна. Они казались ближе, чем обычно. И может быть, этот оптический обман и навел его на мысль, что он умирает.

Потом он услышал голоса. Ну да, ведь в той машине были люди. Он подумал о них спокойно, без злобы, без сочувствия. Но вслушался в то, что они говорили.

- Его здесь нет. – Это мужской голос, совсем молодой.

Их машине тоже досталось. Остановилась. Или водитель сам затормозил. Во всяком случае, они вернулись к его машине и ищут его.

Чтобы помочь? Его первым побуждением было подать голос, показать, где он лежит. Конечно, ехать посреди дороги было хамством, но теперь в них проснулась совесть. Однако, инстинкт подсказывал другое. Действительно ли у них добрые намерения? Ему стало страшно. Почему, он и сам не знал. Жертвам аварии все хотят помочь. Ведь так?

- Его, наверно, выбросило из машины. – Это девушка в ответ. Голос испуганный.

- Наверно. Ну что будем делать? – Тот же мужской голос. Значит их только двое.

- Искать его, - сказала девушка.

Нерешительная пауза. – Зачем?

Снова пауза. – Разве ты не хочешь узнать, что с ним?

- Не знаю. – Мужской голос дрогнул.

- По-моему, нужно посмотреть здесь и найти его.

- Ладно... Темно только.

- У тебя ведь есть фонарь.

- Есть. Схожу достану.

Шаги на дороге. Это парень вернулся к своей машине за фонарем. И снова тишина.

Сэнтин ждал, дрожа, весь в испарине от нового страха. Ему не понравилось,

как они говорили. Этот парень и девушка не из тех, что будут переживать. Если он умирает, от них помощи ждать нечего.

Если он умирает? В этом он не сомневался. Нахлынула боль. В нескольких местах сразу. Лицо, грудь, обе ноги. И глубоко внутри, там, где только врач достанет. По этой боли внутри он и понял что умрет.

Так какая разница? Найдут они его со своим фонарем или нет?

- Вот, есть. – Голос парня. – Где искать?

- Наверно, в канаве.

Шум шагов – по гравию, по траве, сквозь кусты. Потом мигающий свет – мечется туда-сюда. Свет и шаги все ближе. Они его неминуемо найдут. Он мог бы крикнуть и ускорить поиски. Не крикнул. Ждал.

- Эй! – Свет прямо в лицо. Оцепенев, он, казалось, был не в силах отвести глаза. Шаги заторопились. Вот и они. Два силуэта на фоне неба прямо над ним.

- Живой. – Это девушка. – Глаза открыты.

- Ага. Вижу...

- Но он ранен. – Силуэт девушки опустился на колени рядом с ним, к счастью загородив свет фонаря. Луна позволяла ему видеть ее лицо.

Совсем юная, лет шестнадцати. И красивая – волосы темные, кожа белая, пожалуй, неестественно белая, так что накрашенный рот кажется кричаще ярким. Никаких эмоций лицо не выражало. Может, она была в шоке. Но когда ее взгляд оценивающе прошелся по его травмам, ни тени сочувствия не было в глазах.

- Вы серьезно ранены, да? – Вопрос прямо к нему.

- Да... - Оказалось, он может говорить.

- Где? Вы знаете?

- Везде, наверно. Особенно внутри.

Девушка задумалась над его словами. Следующий вопрос прозвучал холодно, расчетливо: - Думаете, вы смогли бы поправиться, если бы мы позвали на помощь?

Он тоже задумался, не спешил с ответом. И все равно сказал не то: «Помоюму, я умираю», - и тут же понял, что не надо было этого говорить.

Лицо девушки едва заметно изменилось. Сэнтин не мог бы сказать, как именно. Он только знал, что это произошло. Она отодвинулась, поднялась и вернулась к парню.

- Он умирает, - сказала она.

- Так что нечего бегать за врачом, да? – В голосе парня облегчение, будто его ответственность за случившееся кончилась.

- Пожалуй.

- И что будем делать?

- Ничего, наверно. Просто подождем здесь. Рано или поздно какая-нибудь машина проедет.

- Так нам можно ехать назад в город, а? – Парень, казалось, целиком полагался на девушку.

- Конечно. Можем оттуда прислать врача или еще кого. Но мужик, пожалуй, помрет до тех пор. И надо будет заявить в полицию.

- В полицию?

- Придется. Ты убил человека.

Наступила тишина. Сэнтин лежал у их ног, глядя вверх на две смутные фигуры. Они говорили о нем, словно он уже умер. Почему-то это его пока не злило. Может быть, потому что он и сам считал себя мертвым.

- Арлин... что они мне сделают?

- Кто? Полиция?

- Да... Ты сказала, я убил человека.

- Ну да, ты и убил.

Парень помолчал. – Но ведь это был несчастный случай, - сформулировал он наконец. – Ты сама знаешь, что несчастный случай, а, Арлин? То есть, просто так случилось...

- Конечно.

Они говорили тихо, но Сэнтин слышал каждое слово. И он почувствовал потребность ответить. «Любой несчастный случай происходит по чьей-то вине», - сказал он им.

Они опешили. Он видел, как они переглянулись, потом посмотрели на него. «Что вы этим хотите сказать?» - спросил парень после паузы.

- В этой аварии виноват ты. Вот что я хочу сказать. – Он по-прежнему не чувствовал злости. Но чувствовал, что должен назвать виновника.

- Как это я?

- Во-первых, ты не перешел на малый свет...

- Так и вы тоже.

- Нет, я сначала притушил фары.

- Но потом снова включил яркий свет.

- Только, когда ты не стал переходить на малый.

Парень снова помолчал. Затем сказал: «Но когда мы столкнулись, у вас фары горели ярко».

Сэнтин вынужден был признать его правоту. «Я разозлился», - сказал он. – «Но это не главное. Ты ехал по моей полосе».

1.12 After Dark in the Playing Fields (by M.R. James)

The hour was late and the night was fair. I had halted not far from Sheeps' Bridge and was thinking about the stillness, only broken by the sound of the weir, when a loud tremulous hoot just above me made me jump. It is always annoying to be startled; but I have a kindness for owls. This one was evidently very near: I looked. about for it. There it was, sitting plumply on a branch about twelve feet up. I pointed my stick at it and said, "Was that you?" "Drop it," said the owl. "I know it ain't only a stick¹, but I don't like it.

Yes, of course it was me: who do you suppose it would be if it warn't?"

We will take as read² the sentences about my surprise. I lowered the stick. "Well," said the owl, "what about it? If you will come out here of a Midsummer evening³ like what this is, what do you expect?" "I beg your pardon," I said, "I should have remembered. May I say that I think myself very lucky to have met you to — night? I hope you have time for a little talk?" "Well," said the owl ungraciously, "I don't know as it matters so particular to — night. I've had me supper as it happens, and if you ain't too long over it — ah-h-h!" Suddenly it broke into a loud scream, flapped its wings furiously, bent forward and clutched its perch tightly, continuing to scream. Plainly something was pulling hard at it from behind. The strain relaxed abruptly, the owl nearly fell over, and then whipped round, ruffling up all over, and made a vicious dab at something unseen by me. "Oh, I am sorry," said a small clear voice in a solicitous tone. "I made sure it was loose. I do hope I didn't hurt you." "Didn't 'urt me?" said the owl bitterly. "Of course you 'urt me, and well you know it, you young infidel⁴. That feather was no more loose than — oh, if I could git at you! Now I shouldn't wonder but what you've throwed me all out of balance. Why can't you let a person set quiet for two minutes at a time without you must come creepin' up and — well, you've done it this time, anyway. I shall go straight to 'eadquarters and" — (finding it was now addressing the empty air) — "why, where have you got to now? Oh, it is too bad, that it is!"

"Dear me!" I said, "I'm afraid this isn't the first time you've been annoyed in this way. May I ask exactly what happened?"

"Yes, you may ask," said the owl, still looking narrowly about as it spoke, "but it 'ud take me till the latter end of next week to tell you. Fancy coming and pulling out anyone's tail feather! 'Urt me something crool, it did. And what for, I should like to know? Answer me that! Where's the reason of it?"

All that occurred to me was to murmur, "The clamorous owl⁵ that nightly hoots and wonders at our quaint spirits." I hardly thought the point would be taken, but the owl said sharply: "What's that? Yes, you needn't to repeat it. I 'eard. And I'll tell you what's at the bottom of it, and you mark my words." It bent towards me and whispered, with many nods of its round head: "Pride! stand-offish-ness I that's what it is! Come not near our fairy queen" (this in a tone of bitter contempt). "Oh, dear no! we ain't good enough for the likes of them. Us that's been noted time out of mind for the best singers in the Fields: now, ain't that so?"

"Well," I said, doubtfully enough, "I like to hear you very much: but, you know, some people think a lot of the thrushes and nightingales and so on; you must have heard of that, haven't you? (And then, perhaps — of course I don't know — perhaps your style of singing isn't exactly what they think suitable to accompany their dancing, eh?"

"I should kindly 'ope not," said the owl, drawing itself up. "Our family's never give in to dancing, nor never won't neither. Why, whatever are you thinkin' of!" it went on with rising temper. "A pretty thing it would be for me to set there hiccuppin' at them" — it stopped and looked cautiously all round it and up and down and then continued in a louder voice — "them little ladies and gentlemen. If it ain't sootable for them, I'm very

sure it ain't sootable for me. And" (temper rising again) "if they expect me never to say a word just because they're dancin' and carryin' on with their foolishness, they're very much mistook, and so I tell 'em."

From what had passed before I was afraid this was an imprudent line to take, and I was right. Hardly had the owl given its last emphatic nod when four small slim forms dropped from a bough above, and in a twinkling some sort of grass rope was thrown round the body of the unhappy bird, and it was borne off through the air, loudly protesting, in the direction of Fellows' Pond. Splashes and gurgles and shrieks of unfeeling laughter were heard as I hurried up. Something darted away over my head, and as I stood peering over the bank of the pond, which was all in commotion, a very angry and dishevelled owl scrambled heavily up the bank, and stopping near my feet shook itself and flapped and hissed for several minutes without saying anything I should care to repeat.

Glaring at me, it eventually said — and the grim suppressed rage in its voice was such that I hastily drew back a step or two — "Ear that? Said they was very sorry, but they'd mistook me for a duck. Oh, if it ain't enough to make anyone go reg'lar distracted in their mind and tear everythink to flinders for miles round." So carried away was it by passion, that it began the process at once by rooting up a large beakful of grass, which alas! got into its throat; and the choking that resulted made me really afraid that it would break a vessel. But the paroxysm was mastered, and the owl sat up, winking and breathless but intact.

Some expression of sympathy seemed to be required; yet I was chary of offering it, for in its present state of mind I felt that the bird might interpret the best-meant phrase as a fresh insult. So we stood looking at each other without speech for a very awkward minute, and then came a diversion. First the thin voice of the pavilion clock, then the deeper sound from the Castle quadrangle, then Lupton's Tower, drowning the Curfew Tower⁶ by its nearness.

"What's that?" said the owl, suddenly and hoarsely. "Midnight, I should think," said I, and had recourse to my watch. "Midnight?" cried the owl, evidently much startled, "and me too wet to fly a yard! Here, you pick me up and put me in the tree; don't, I'll climb up your leg, and you won't ask me to do that twice. Quick now! " I obeyed. "Which tree do you want?" "Why, my tree, to be sure! Over there!" It nodded towards the Wall. "All right. Bad-calx tree do you mean?" I said, beginning to run in that direction. "Ow should I know what silly names you call it? The one what 'as like a door in it. Go faster! They'll be coming in another minute." "Who? What's the matter?" I asked as I ran, clutching the wet creature, and much afraid of stumbling and coming over with it in the long grass. "You'll see fast enough," said this selfish bird. "You just let me git on the tree, I shall be all right."

And I suppose it was, for it scabbled very quickly up the trunk with its wings spread and disappeared in a hollow without a word of thanks. I looked round, not very comfortably. The Curfew Tower was still playing St. David's tune and the little chime that follows, for the third and last time, but the other bells had finished what they had to

say, and now there was silence, and again the “restless changing weir” was the only thing that broke — no, that emphasized it.

Why had the owl been so anxious to get into hiding? That of course was what now exercised me. Whatever and whoever was coming, I was sure that this was no time for me to cross the open field: I should do best to dissemble my presence by staying on the darker side of the tree. And this is what I did.

All this took place some years ago, before summertime came in. I do sometimes go into the Playing Fields at night still, but I come in before true midnight. And I find I do not like a crowd after dark — for example at the Fourth of June⁷ fireworks. You see — no, you do not, but I see — such curious faces: and the people to whom they belong flit about so oddly, often at your elbow when you least expect it, and looking close into your face, as if they were searching for someone — who may be thankful, I think, if they do not find him. “Where do they come from?” Why, some, I think, out of the Water, and some out of the ground. They look like that. But I am sure it is best to take no notice of them, and not to touch them.

Yes, I certainly prefer the daylight population of the Playing Fields to that which comes there after dark.

Commentary on the English:

- *it aint't only a stick*: “this is only a stick”; the owl is consistently ungrammatical as befits a yokel, saying, e.g., “if it warn't” (weren't), “as it matters so particular” (that it matters particularly), “I shouldn't wonder but what you're throwed me all out of balance” (you've thrown me off balance, I shouldn't wonder), “nor never won't neither” (nor ever will, either), “they're very much mistook” (mistaken), “they was very sorry” (were very sorry), “the one what 'as like a door in it” (the one that has something like a door in it); and of course it drops its aitches all over the place ('urt = hurt; 'ope = hope; 'eadquartets = headquarters) and is otherwise phonetically imperfect (git = get; set = sit; crool, sootable = cruel, suitable).

- *take as read*: esp. BrE, “accept something as true or right without the need to hear it, talk about it, etc.” (e.g. We can take it as read that the newspapers will support our opponents).

- *Midsummer evening*: June 24, the feast of St. John the Baptist, when it is popularly believed fairies may be up to mischief.

- *you young infidel*: the owl is referring to the playful elf who is obviously no churchgoer.

- *The clamorous owl*: the “I” character is quoting Titania from Shakespeare's *Midsummer Night's Dream* (Come now, a roundel and a fairy song;/ Then, for the third part of minute, hence: / Some to kill cankers in the musk – rose buds;/ Some war with rere – mice for their leathern wings;/ To make my small elves coats; and some keep back/ Theclamorous owl that nightly hoots and wonders/ At our quaint spirits. Sing me

now asleep... Act 2, Scene 2). The owl, in a display of unexpected erudition, cites the First Fairy's response to the Queen's bidding (You spotted snakes with double tongues,/ Thorny hedgehogs, he not seen;/ Newts and blind-worms, do no wrong,/ Come not near our fairy Queen).

- *Curfew Tower*: curfew was the custom of ringing a bell every evening as a signal to put out fires and go to bed; William the Conqueror instituted the curfew in England in 1068, at the hour of 8 p.m.

- *Fourth of June*: King George III's birthday and Speech Day at Eton. The day is celebrated with a procession of boats, cricket matches, and fireworks. George III (1738-1820) was a particular patron of the school.

М.Р. Джеймс

Ночью на Игровом поле

Час был поздний, а ночь светлая. Я остановился около Овечьего моста и подумал: до чего тихо, только плотина шумит невдалеке. И тут вдруг протяжно заухала сова – так громко, что я подскочил. Внезапный испуг всегда неприятен, но я люблю сов. Эта птица, судя по всему, была совсем близко. Я огляделся: так и есть. Вот она, сидит, распушив перья, на ветке в нескольких метрах от меня. Я поднял палку к ветке и сказал: “Это ты?” “Брось палку”, - сказала сова. “Знаю, не ружье, но я этого не люблю. Вестимо – я, окромя меня некому”.

И говорить нечего, что я был поражен. Я опустил палку. “Ну?” – сказала сова. – “И что с того? Уж коли явился сюда в Иванову ночь, так другого не жди”. “Прощу прощения”, - сказал я. – “Совсем забыл. Позвольте сказать, что я весьма польщен встречей с вами. Может у вас найдется время немного поговорить?” “Ну”, - пробурчала сова недовольно, - “сегодня оно, может, и нечего. Я уже закусила, и если ты это не очень надолго... А-а-ай-й!” – Она вдруг пронзительно закричала, яростно захлопала крыльями, наклонилась вперед и изо всех сил вцепилась в ветку, не переставая кричать. Что-то явно тянуло ее назад. Внезапно давление прекратилось, сова чуть не опрокинулась, резко повернулась, взъерошив перья, и ударила клювом во что-то, мне невидимое. “Ох, простите, пожалуйста”, - пропищал тоненький голосок заботливо. – “Я выбирал такое, что того и гляди выпадает. Надеюсь, вам не было больно”. “Небо-ольна-а?” – сказала сова обиженно. – “Еще как больно-то, сам знаешь не хуже моего, безбожник. То перо и не думало вы... Мне бы только до тебя добраться! Совсем я через тебя раскапустилась. Не может оставить человека в покое на пару минут, только бы ему подкрасться и...” – (обнаружив, что обращается к пустому месту) – “Эй, ты куда запропал? Черт знает, что такое!”

“Боже мой”, - сказал я – “боюсь, с вами такая неприятность не в первый раз. Могу я любопытствовать, что именно приключилось?”

“Любопытствовать можешь”, - сказала сова, все еще озираясь настороженно, - “только мне тебе рассказывать двух недель не хватит. Надо же,

явился и тянет перо из хвоста! Я от боли света белого не взвидела. И зачем это ему, спрашивается? Скажи на милость! На кой ляд это делать-то?”

Мне ничего другого не пришло в голову, кроме как пробормотать: “Сова, что ухаёт всю ночь, дивясь на нас”. Я не ждал, что намек будет понят, но сова сказала резко: “Чевой-та? Можешь не повторять, слыхала. И я знаю, в чем дело, попомни мои слова”. Она наклонилась ко мне и прошептала, кивая круглой головой: “Спесь! форс! Вот что это. Прочь подальше от царицы” – (это было сказано тоном глубочайшего презрения). – “Ка-ак же, мы для таких важных господ не годимся. Это мы-то, кого в Полях завсегда за самолучших певцов держали. Что, скажешь, не так?”

“Ну”, - сказал я с сомнением в голосе, - “мне так очень нравится вас слушать, но, знаете ли, есть люди, которые восхищаются дроздами, соловьями и прочими подобными птицами; вам, наверное, приходилось слышать? И потом, может быть – сам не знаю, конечно, - может быть, ваша манера пения не совсем то, что им нужно для танцев?”

“Еще чего не хватало”, - сказала сова, гордо выпрямившись. “Семейство наше танцами никогда на занимавшись, и не собирается. Да что ты себе думаешь”, - продолжала она, все больше разъярясь. – “Хороша я была, кабы сидела здесь да квакала им” – она замолчала, огляделась с опаской и снова заговорила, на этот раз погромче – “этим барышням да кавалерам с ноготок. Коли им это негоже, так и мне тоже. А ежели” – (снова закипая) – “они думают, что я тут им буду сидеть и слова не скажи, раз они пляшут да глупостями занимаются, они оч-чень ошибаются, так я им и говорю”.

Помня, что случилось перед этим, я испугался, что она поступает опрометчиво, и оказался прав. Не успела сова в последний раз кивнуть со значением, как четыре маленьких изящных тени слетели с верхней ветки и во мгновение ока что-то вроде лассо из травы захлестнулось вокруг тела несчастной птицы, которая была тут же унесена по воздуху, несмотря на громкие протесты, в сторону Братского пруда. Послышался плеск, бульканье и взрывы безжалостного хохота. Я заторопился за ними. Что-то метнулось прочь над моей головой, пока я стоял, вглядываясь в поверхность пруда, который прямо-таки бурлил, и очень сердитая растрепанная сова с трудом выбралась на берег, остановилась у моих ног, отряхнулась, хлопала крыльями и несколько минут шипела, не говоря ничего, что я мог бы повторить.

Испепеляя меня взглядом, она наконец произнесла – и такая мрачная, едва сдерживаемая ярость слышалась в ее голосе, что я поспешно отступил на пару шагов: “Слыхал, а? Говорят, что премного извиняются, только они меня за утку приняли. Хоть кого взбесит, так что все на версту кругом на клочки порвешь”. Ее так захватило это чувство, что она тут же и начала, вырвав полный клюв травы, которой, увы! – подавилась, да так, что я не на шутку испугался, что с ней удар приключится. Однако, сова справилась с приступом, поднялась и сидела на берегу, хлопая глазами и пыхтя, но целая и невредимая.

По-видимому, надо было как-то выразить сочувствие, но я не решился, ибо в таком состоянии птица могла самую доброжелательную фразу принять за оскорбление. Так мы и стояли целую минуту, молча глядя друг на друга, и это было крайне неловко, но наконец пришло спасительное отвлечение. Сначала тоненько прозвонили часы в павильоне, потом раздался бой побасистее из Замка, потом куранты на Луптонской башне заглушил бой Вечерней башни, потому что были ближе.

“Чевой-та?” – сказал сова неожиданно хриплым голосом. “Полночь, надо думать”, – сказал я, справившись по своим часам. “Полночь?!” – вскричала сова, очевидно немало испуганная, – “а я тут мокрым-мокра, вершка не пролететь! Слышь, возьми меня на руки и посади на дерево; или нет, не надо, я сама по твоей ноге взберусь, два раза просить не придется. Живей!” Я повиновался. “На какое дерево вас отнеси?” “Да на мое же, вона!” – она мотнула головой в сторону Стены. “Хорошо. Значит, деревохудопят?” – сказал я, опрометью бросившись туда. “Мне почем знать, как ты его там по-дурачки называешь! Дерево, где вроде как дверь есть. Шустрей давай! Они того гляди здесь будут”. “Кто? Да в чем дело?” – спросил я на бегу, прижимая к себе промокшую сову и больше всего боясь споткнуться в высокой траве и упасть вместе с птицей. “Щас сам увидишь”, – ответствовала эгоистка. – “Дай только на дерево попасть, там мне все нипочем”.

Так, видно, и было, потому что она проворно вскарабкалась по стволу, помогая себе раскрытыми крыльями, и исчезла в дупле без единого слова благодарности. Я обернулся, мне было немного не по себе. Вечерняя башня все еще выводила мелодию Давида и конечный перезвон, в третий и последний раз, но остальные колокола уже отзвонили свое, и воцарилась тишина, по-прежнему нарушаемая лишь шумом плотины – или нет, не нарушаемая, а скорее подчеркиваемая.

Почему сова так торопилась спрятаться? Теперь меня именно это и занимало, конечно. Что бы и кто бы не появился сейчас, я не сомневался, что не время мне идти через поля: лучше всего скрыть свое присутствие, оставшись с теневой стороны дерева. Что я и сделал.

Это случилось несколько лет назад, еще до наступления лета. Я временами хожу в Игровые поля по ночам, но возвращаюсь до полуночи. И я заметил, что неуютно чувствую себя в толпе, когда стемнеет, скажем, во время фейерверка на Четвертое июня. Там видишь – да нет, вы не видите, это я вижу – такие странные лица; и люди с этими лицами порхают туда-сюда самым удивительным образом, частенько прямо под локтем, когда этого не ждешь, и вглядываются вам в лицо, словно ищут кого-то – этот кто-то должен Бога благодарить, по-моему, если они его не найдут. “Откуда они?” Да, я думаю, одни из воды, другие из-под земли. Такой у них вид. Но я уверен, что лучше всего не обращать на них внимания и не касаться их.

Да уж, мне куда приятней дневное население Игровых полей чем то, что там появляется в сумерках.

1.13 Tea

By Hector Hugh Munro (Saki)

James Cushat-Prinkly was a young man who had always had a settled conviction that one of these days he would marry; up to the age of thirty-four he had done nothing to justify that conviction. He liked and admired a great many women collectively and dispassionately without singling out one for especial matrimonial consideration, just as one might admire the Alps without feeling that one wanted any particular peak as one's own private property. His lack of initiative in this matter aroused a certain amount of impatience among the sentimentally-minded women-folk of his home circle; his mother, his sisters, an aunt-in-residence, and two or three intimate matronly friends regarded his dilatory approach to the married state with a disapproval that was far from being inarticulate. His most innocent flirtations were watched with the straining eagerness which a group of unexercised terriers concentrates on the slightest movements of a human being who may be reasonably considered likely to take them for a walk. No decent-souled mortal can long resist the pleading of several pairs of walk-beseeking dog-eyes; James Cushat-Prinkly was not sufficiently obstinate or indifferent to home influences to disregard the obviously expressed wish of his family that he should become enamoured of some nice marriageable girl, and when his Uncle Jules departed this life and bequeathed him a comfortable little legacy it really seemed the correct thing to do to set about discovering some one to share it with him. The process of discovery was carried on more by the force of suggestion and the weight of public opinion than by any initiative of his own; a clear working majority of his female relatives and the aforesaid matronly friends had pitched on Joan Sebastable as the most suitable young woman in his range of acquaintance to whom he might propose marriage, and James became gradually accustomed to the idea that he and Joan would go together through the prescribed stages of congratulations, present-receiving, Norwegian or Mediterranean hotels, and eventual domesticity. It was necessary, however to ask the lady what she thought about the matter; the family had so far conducted and directed the flirtation with ability and discretion, but the actual proposal would have to be an individual effort.

Cushat-Prinkly walked across the Park towards the Sebastable residence in a frame of mind that was moderately complacent. As the thing was going to be done he was glad to feel that he was going to get it settled and off his mind that afternoon. Proposing marriage, even to a nice girl like Joan, was a rather irksome business, but one could not have a honeymoon in Minorca and a subsequent life of married happiness without such preliminary. He wondered what Minorca was really like as a place to stop in; in his mind's eye it was an island in perpetual half-mourning, with black or white Minorca hens running all over it. Probably it would not be a bit like that when one came to examine it. People who had been in Russia had told him that they did not remember having seen any Muscovy ducks there, so it was possible that there would be no Minorca fowls on the island.

His Mediterranean musings were interrupted by the sound of a clock striking the

half-hour. Half-past four. A frown of dissatisfaction settled on his face. He would arrive at the Sebastable mansion just at the hour of afternoon tea. Joan would be seated at a low table, spread with an array of silver kettles and cream-jugs and delicate porcelain tea-cups, behind which her voice would tinkle pleasantly in a series of little friendly questions about weak or strong tea, how much, if any, sugar, milk, cream, and so forth. "Is it one lump? I forgot. You do take milk, don't you? Would you like some more hot water, if it's too strong?"

Cushat-Prinkly had read of such things in scores of novels, and hundreds of actual experiences had told him that they were true to life. Thousands of women, at this solemn afternoon hour, were sitting behind dainty porcelain and silver fittings, with their voices tinkling pleasantly in a cascade of solicitous little questions. Cushat-Prinkly detested the whole system of afternoon tea. According to his theory of life a woman should lie on a divan or couch, talking with incomparable charm or looking unutterable thoughts, or merely silent as a thing to be looked on, and from behind a silken curtain a small Nubian page should silently bring in a tray with cups and dainties, to be accepted silently, as a matter of course, without drawn-out chatter about cream and sugar and hot water. If one's soul was really enslaved at one's mistress's feet how could one talk coherently about weakened tea? Cushat-Prinkly had never expounded his views on the subject to his mother; all her life she had been accustomed to tinkle pleasantly at tea-time behind dainty porcelain and silver, and if he had spoken to her about divans and Nubian pages she would have urged him to take a week's holiday at the seaside. Now, as he passed through a tangle of small streets that led indirectly to the elegant Mayfair terrace for which he was bound, a horror at the idea of confronting Joan Sebastable at her tea-table seized on him. A momentary deliverance presented itself; on one floor of a narrow little house at the noisier end of Esquimault Street lived Rhoda Ellam, a sort of remote cousin, who made a living by creating hats out of costly materials. The hats really looked as if they had come from Paris; the cheques she got for them unfortunately never looked as if they were going to Paris. However, Rhoda appeared to find life amusing and to have a fairly good time in spite of her straitened circumstances. Cushat-Prinkly decided to climb up to her floor and defer by half-an-hour or so the important business which lay before him; by spinning out his visit he could contrive to reach the Sebastable mansion after the last vestiges of dainty porcelain had been cleared away.

Rhoda welcomed him into a room that seemed to do duty as workshop, sitting-room, and kitchen combined, and to be wonderfully clean and comfortable at the same time.

"I'm having a picnic meal," she announced. "There's caviare in that jar at your elbow. Begin on that brown bread-and-butter while I cut some more. Find yourself a cup; the teapot is behind you. Now tell me about hundreds of things."

She made no other allusion to food, but talked amusingly and made her visitor talk amusingly too. At the same time she cut the bread-and-butter with a masterly skill and produced red pepper and sliced lemon, where so many women would merely have produced reasons and regrets for not having any. Cushat-Prinkly found that he was

enjoying an excellent tea without having to answer as many questions about it as a Minister for Agriculture might be called on to reply to during an outbreak of cattle plague.

"And now tell me why you have come to see me," said Rhoda suddenly. "You arouse not merely my curiosity but my business instincts. I hope you've come about hats. I heard that you had come into a legacy the other day, and, of course, it struck me that it would be a beautiful and desirable thing for you to celebrate the event by buying brilliantly expensive hats for all your sisters. They may not have said anything about it, but I feel sure the same idea has occurred to them. Of course, with Goodwood on us, I am rather rushed just now, but in my business we're accustomed to that; we live in a series of rushes -- like the infant Moses."

"I didn't come about hats," said her visitor. "In fact, I don't think I really came about anything. I was passing and I just thought I'd look in and see you. Since I've been sitting talking to you, however, rather important idea has occurred to me. If you'll forget Goodwood for a moment and listen to me, I'll tell you what it is."

Some forty minutes later James Cushat-Prinkly returned to the bosom of his family, bearing an important piece of news.

"I'm engaged to be married," he announced.

A rapturous outbreak of congratulation and self-applause broke out.

"Ah, we knew! We saw it coming! We foretold it weeks ago!"

"I'll bet you didn't," said Cushat-Prinkly. "If any one had told me at lunch-time to-day that I was going to ask Rhoda Ellam to marry me and that she was going to accept me I would have laughed at the idea."

The romantic suddenness of the affair in some measure compensated James's women-folk for the ruthless negation of all their patient effort and skilled diplomacy. It was rather trying to have to deflect their enthusiasm at a moment's notice from Joan Sebastable to Rhoda Ellam; but, after all, it was James's wife who was in question, and his tastes had some claim to be considered.

On a September afternoon of the same year, after the honeymoon in Minorca had ended, Cushat-Prinkly came into the drawing-room of his new house in Granchester Square. Rhoda was seated at a low table, behind a service of dainty porcelain and gleaming silver. There was a pleasant tinkling note in her voice as she handed him a cup.

"You like it weaker than that, don't you? Shall I put some more hot water to it? No?"

Commentary on the English:

- *Cushat-Prinkly*: a "token name" made up of dialectal word for the wood-pigeon or ring-dove, and derivative of "prink" – "to preen", "to dress up".
- *working majority*: enough support in parliament for a government to continue making laws and ruling the country.

- *Minocra*: an island in the west Mediterranean, northeast of Majorca; and the second largest of the Balearic Islands; Minorca hens are a breed of light domestic fowl, introduced from Spain, with glossy white, black or blue plumage.

- *Muscovy ducks*: a classic misnomer, nothing to do with Muscovy; this large crested widely domesticated South American bird, having greenish-black plumage with white markings and a large red caruncle on the bill, should properly be called the musk duck, which was indeed its name originally before it got replaced by Muscovy through mistaken association.

- *Nubian*: Nubia was an ancient region of northeast Africa, on the Nile, extending from Aswan to Khartoum.

- *elegant Mayfair terrace*: a terrace is a row of houses, usu. identical and having common dividing walls; Mayfair is a fashionable upper-class district in west central London.

- *Esquimault Street*: an invented street; the inspiration for the name was the obsolete spelling of Esquimau (Eskimo).

- *Goodwood*: an area in southeast England; site of a famous racecourse; the “Glorious Goodwood” meeting, starting on the last Tuesday in July; is among the main events in the racing calendar, and, like in Ascot, the done thing for the ladies attending the function is to sport imposing hats.

- *like the infant Moses*: a pun based on two homonyms (“rush” – “a situation in which one needs to hurry” and “rush” – “a type of tall grass that grows in water and is often used for making baskets and mats”); according to the Bible, the infant Moses was left by his mother in a basket in the rushes beside the river Nile because the Pharaoh had ordered all newborn Hebrew boys killed; there he was found by the daughter of Pharaoh and thus survived.

- *Grantchester Square*: an invented name; there is a serene little village of thatch, timber and plaster called Grantchester, a great favorite with generations of Cambridge tutors and undergraduates, that can be reached by going along Grantchester Street in Cambridge and crossing the floodgate at the bottom of Mill Lane.

Гектор Мунро (Саки)

Чаепитие

Джеймс Пижонсон держался твердого убеждения, что когда-нибудь он женится, однако до тридцати четырех лет не предпринял ничего, чтобы оправдать это убеждение. Ему нравились многие женщины одновременно, он бесстрастно восхищался ими, не давая, впрочем, ни одной из них повода к брачному союзу. Точно так же восхищаются Альпами, не ощущая желаний заполучить какую-нибудь одну вершину в личную собственность. Недостаток предприимчивости в этом вопросе возбудил некоторое нетерпение в кругу его домашних, особенно родственников по женской линии. Матушка, сестры, проживавшая с ними тетушка

и две или три почтенные дамы из числа близких знакомых смотрели на его медлительный подход к женитьбе с неодобрением, далеко не всегда молчаливым. Самые невинные его ухаживания они воспринимали с тем напряженным вниманием, с каким группа необученных терьеров следит за малейшими движениями человека, от которого вправе ожидать, что он выведет их на прогулку. Ни один смертный с добропорядочной душой не устоит долго перед несколькими парами собачьих глаз, молящих о прогулке. Джеймс Пижонсон не был упрям или равнодушен к влиянию домашних настолько, чтобы пренебречь открыто выраженным желанием семейства, состоящим в том, чтобы он полюбил какую-нибудь приятную девушку на выданье. И когда его дядя Жюль покинул сей мир и завещал ему вполне приличное наследство, казалось, самое разумное - это отправиться на поиски кого-нибудь, с кем это наследство можно было разделить. Процесс поисков осуществлялся скорее под воздействием советов и под давлением общественного мнения, нежели вследствие его собственного желания. Явно превосходящее большинство его родственниц и вышеупомянутых дам из числа знакомых остановились на Джоан Себастейбл, как на наиболее подходящей молодой женщине, которой он мог бы предложить выйти за него. И Джеймс постепенно свыкся с мыслью, что ему с Джоан придется пройти через предписанные стадии поздравлений, обмена подарками, норвежских или средиземноморских гостиниц с последующим превращением в домоседов. Нужно, однако, было спросить эту даму, что она думает по этому поводу. До сих пор члены семьи умело и осторожно руководили им в процессе ухаживания, но вот чтобы сделать само предложение, тут нужны индивидуальные усилия.

Пижонсон шел через Гайд-парк к дому Себастейблов в умеренно спокойном расположении духа. Раз уж это надо сделать, он с радостью в этот же день уладит дело и избавится от мыслей о нем. Предложить руку даже такой приятной девушке, как Джоан, - предприятие весьма непростое, но без предварительных переговоров нечего было и мечтать о медовом месяце на Менорке и последующей семейной жизни. Интересно, что это за место такое - Менорка, подумал он. Ему казалось, что на этом острове вечно царит что-то вроде траура и повсюду бегают черные или белые курицы меноркской породы. Наверное, он окажется вовсе не таким, когда туда приедешь. Те, кто бывал в России, рассказывали ему, что не помнят, чтобы видели там уток московской породы, поэтому возможно, что и на этом острове нет дичи, которая обитает только здесь.

Его средиземноморские размышления прервал бой часов, отбивающих полчаса. Половина пятого. Он недовольно нахмурился. В особняк Себастейблов он явится как раз к чаю. Джоан будет сидеть за низким столиком, уставленным множеством серебряных чайников, кувшинчиков для сливок и хрупких фарфоровых чашек. Голос ее будет приятно журчать, она будет задавать ему всевозможные ничего не значащие любезные вопросы насчет того, слабый или крепкий чай он предпочитает, сколько добавить сахара, молока, сливок и добавить ли вообще чего-нибудь и все такое. "Вам один кусочек сахара? Я не расслышала.

Молока добавить? Не налить ли еще горячей воды, а то, может, чай крепкий?"

О том, что его ждет, Пижонсон читал в десятках романов и сотни раз убеждался на собственном опыте, что все это близко к действительности. Тысячи женщин сидят в этот торжественный послеполуденный час за изысканным фарфором и серебряными принадлежностями. Голоса их приятно журчат, ниспадая каскадами незамысловатых предупредительных вопросов. Пижонсон терпеть не мог всю эту процедуру послеполуденного чаепития. Согласно его представлениям о жизни женщина должна возлежать на софе или козетке, мило беседуя или выражая взглядом невыразимые мысли, а то и просто молчать, будучи объектом любования, а маленький паж-нубиец меж тем молча вносит из-за шелковой портьеры поднос с чашками и лакомствами, что воспринимается как само собой разумеющееся, без всяких там глупых вопросов насчет сливок, сахара и горячей воды. Когда твоя душа поработана и ты готов пасть к ногам любимой, разве можно говорить о том, крепок или некрепок чай? Пижонсон никогда не излагал свои взгляды по этому поводу матери. Та привыкла всю жизнь премило беседовать во время чаепития за изысканным фарфором и серебром, и заговори он с ней о диванах и пажах-нубийцах, она бы настояла на том, чтобы он провел недельку на морском берегу. Теперь, когда он шел через лабиринт переулков, которые вели его извилистым путем к выстроившимся в изящную линию домикам в Мейфере, его охватывал ужас при мысли о том, что он застанет Джоан Себастейбл за чайным столом.

Избавление пришло неожиданно. В шумном конце Эскимолт-стрит жила Рода Эллам, приходившаяся ему чем-то вроде дальней родственницы. Она занимала этаж узкого маленького домика и зарабатывала себе на жизнь тем, что делала шляпы из дорогих материалов. Казалось, шляпы и вправду привозили из Парижа, да вот беда - суммы, которые она за них получала, не были похожи на те, что отсылают в Париж. Рода, впрочем, находила жизнь прекрасной и не без удовольствия проводила время, невзирая на стесненные обстоятельства. Пижонсон решил подняться к ней на этаж и отложить на полчаса предстоящее важное дело. Затянув визит, он сможет явиться в особняк Себастейблов после того, как будут убраны последние остатки изысканного фарфора.

Рода провела его в комнату, которая служила ей мастерской, гостиной и кухней одновременно и была в то же время на удивление чистой и уютной.

- Я закусываю по-походному, - объявила она. - В банке прямо перед тобой - икра. Намазывай хлеб маслом, пока я нарежу еще. Возьми себе чашку, чайник сзади тебя. А теперь рассказывай.

Больше она к теме еды не возвращалась, а весело болтала и делала так, чтобы и гость весело болтал. Одновременно она ловко намазывала хлеб маслом, предлагала красный перец, нарезала лимон, тогда как другие женщины принялись бы выискивать причины и выражать сожаления, почему у них нет ни того ни другого. Пижонсон пришел к выводу, что он прекрасно проводит время и при этом ему не нужно отвечать на многочисленные вопросы, которые звучали бы

столь же нелепо, как если бы их задавали министру сельского хозяйства во время вспышки чумы крупного рогатого скота.

- А теперь скажи, зачем ты пришел ко мне? - неожиданно спросила Рода. - Ты возбуждаешь не только мое любопытство, но и деловые интересы. Ты, наверное, явился насчет шляп. Я слышала, ты на днях получил наследство, и мне, конечно же, пришло в голову, что для тебя было бы желательно отметить это событие, купив дорогие шляпы для всех своих сестер. Они, наверное, и словом об этом не обмолвились, но я уверена, и им то же самое пришло в голову. Конечно, в связи с приближающимися праздниками я сейчас довольно перегружена работой, но я к этому привыкла. Мы ведь все время чем-нибудь перегружены, как Моисей во младенчестве.

- Я не насчет шляп пришел, - сказал ее гость. - По правде, мне кажется, я вообще пришел без повода. Проходил мимо и подумал, а не навестить ли тебя. Однако пока я сидел и разговаривал с тобой, весьма важная мысль пришла мне в голову. Если ты на минутку забудешь о предстоящих праздниках и выслушаешь меня, я скажу тебе, в чем дело.

Минут через сорок Джеймс Пижонсон возвратился в лоно семьи, принеся важные новости.

- Я собрался жениться, - объявил он.

Раздались восторженные возгласы поздравлений и самовосхваления.

- Ага, так мы и знали! Уж нам-то было ясно, что этот день близится! Мы предсказывали его еще несколько недель назад!

- Бьюсь об заклад, что это не так, - сказал Пижонсон. - Если бы кто-нибудь сегодня за ланчем сказал мне, что я буду просить Роду Эллам выйти за меня и что она примет мое предложение, я бы посмеялся над одной этой мыслью.

Романтическая непредвиденность случившегося в какой-то мере возместила родственницам Джеймса то, что им пришлось без сожаления забыть о своих многотрудных усилиях и искусной дипломатии. Было весьма нелегко тотчас же перекинуть свой энтузиазм с Джоан Себастейбл на Роду Эллам, но ведь речь шла о жене Джеймса, а с его вкусами приходилось считаться.

Как-то сентябрьским днем, после того как медовый месяц на Менорке закончился, Пижонсон вошел в гостиную своего нового дома на Грэнчестер-сквер. Рода сидела за низким столиком, сервированным изысканным фарфором и сверкающим серебром. В ее голосе послышались ласковые нотки, когда она подавала чашку.

- Ты ведь не любишь такой крепкий? Добавить кипятку? Не надо?

RUSSIAN-ENGLISH TRANSLATION

2.1 В темноте (*Пантелеймон Романов*)

В разбитую парадную дверь восьмиэтажного дома вошли старичок со старушкой. Столкнувшись с каким-то выходящим человеком, старичок спросил:

- Скажи, батюшка¹, как пройти к швейцару бывшему Кузнецову?

- Идите на пятый этаж, считайте снизу пятнадцатую дверь. Только по стенке правой стороны держитесь, а то огня по всей лестнице нет и перила сломаны.

- Спасибо, батюшка. Старуха, не отставай. Права держи. О господи, батюшка, ну и темень...

Некоторое время было молчание.

- Да не лети ты так! Чего понёсся, постой, говорю!

- Что ты там?

- Что... запуталась тут где-то...

- Вот еще наказание. Говорил - сиди дома. Куда нечистый в омут головой² понес? Ой, мать, пресвятая богородица, и чем это они, окаянные, только лестницу поливают? Начал по дверям стучать, поскользнулся и спутался. Вот и разбирайся теперь, сколько этажей прошли...

- Да куда ты всё кверху-то лезешь?

- А ты думаешь, на пятый этаж взобраться всё равно, что на печку влезть?³

Чёрт их возьми, нагородили каланчей каких-то, чисто на Ивана Великого лезешь⁴. Что-то даже голубями запахло.

- Ты смотри там наскрозь не пролезь.⁵

- Куда – наскрозь? Ой, господи, головой во что-то упёрся... Что за черт? Куда ж это меня угораздило?... Даже в пот ударило. Хоть бы один леший какой вышел. Прямо как вымерли все, окаянные...

Бывший швейцар, переселившийся из своего полуподвала в пятый этаж, сиделся вечером пить чай, когда на лестнице послышался отдаленный крик. Через минуту крик повторился, но уже глуше и где-то дальше.

- Кого это там черти душат? Выйди, узнай, - сказала жена, - еще с лестницы сорвется. Перила-то, почесть⁶ все на топливо растаскали.

Швейцар нехотя вышел на лестницу.

- О, господи, батюшка, - донеслось откуда-то сверху, - уперся головой во что-то, а дальше ходу нет.

- Да куда тебя нелегкая занесла!⁷ – послышался другой голос значительно ближе.

- Должно дюже высоко взял.⁸ Уперся головой в какой-то стеклянный потолок, а вниз ступить боюсь. Замерли ноги да шабаш⁹. Уж на корячки¹⁰ сел, так пробую.

- Кто там? Чего вас там черти носят?- крикнул швейцар.

- Голубчик, сведи отсюда! Заблудились тут в этой темноте крошечной. Стал спускаться, да куда-то попал и не разберусь: где нихватишь- везде стены.

- К кому вам надо-то?

- К швейцару, к бывшему.

- Да это ты, что ли, Иван Митрич?

- Я, батюшка, я! К тебе со старухой шел, да вот нечистый попутал, забрел куда-то и сам не пойму. Чуть вниз не чубурахнул¹¹. А старуха где-то ниже отбилась.

- Я-то не отбилась. Это тебя нелегкая занесла на самую голубятню.

Швейцар ходил за спичками и осветил лестницу. Заблудившийся стоял на площадке лестницы, в нише, лицом к стене и шарил по ней руками.

- Фу-ты, черт! Вон куда, оказывается, попал. Все правой стороны держался. Лестница-то вся обледенела, как хороший каток... того и гляди.

- Воду носим, - сказал швейцар, - да признаться сказать, и плеснули еще вчерась маленько, а то, что ни день, то какая-нибудь комиссия является, - кого уплотнять¹², кого выселять. Тем и спасаемся. Нижних уплотнили, а до нас не дошли – так вся комиссия и съехала на собственном инструменте¹³.

- Надо как-нибудь исхитриться.

Все спустились в квартиру.

- Ну и страху набрался, - говорил гость, - думал: ума решаюсь¹⁴: где ни хвачу рукой – везде стенка...

- Спервоначально тоже так-то путались, - сказала жена швейцара, - зато много спокойней. Сами по привычке, а чужому тут делать нечего.

- Это верно. А то какой-нибудь увидит, что чисто, сейчас тебя под статью подведет, и кончено дело.

- Не дай Бог...

- А вот хозяин мой этого не понимает, все норовит чистоту навести.

Швейцар молчал, а когда жена вышла на минуту в коридор, сказал:

- Наказание с этими бабами... Перебрались сюда, думал, что получше будет, чем в подвале, а она тут как основалась, так и пошла орудовать. Из кресел подушки зачем-то повытащила. Теперь у нее в них куры несутся. Тут у нее и поросенок, тут и стирка, тут и куры, а петуха старого вон между рамами в окно пристроила.

- Отдельно? – спросила старушка гостя.

- Да, молодого обижает. Это они с невесткой тут орудовали, когда я за продовольствием ездил. Из портьер юбок себе нашили. Не смотрит на то, что полоска поперек идет, вырядилась и ходит, как тигра¹⁵, вся полосатая.

За дверью послышалась какая-то возня и голос хозяйки:

- Ну, иди, домовой, черти тебя носят!

Дверь открылась, и из темноты коридора влетел выпихнутый поросенок, поскользнулся на паркете и остолбенел; остановившись поперек комнаты, хрюкнул.

- Это еще зачем сюда?
- Затем, что у соседей был. Спасибо, хватилась, а то бы свистнули.
- Ты бы еще корову сюда привела – сказал угрюмо швейцар.
- А у тебя только бирюльки¹⁶ на уме... Вот хозяина-то Бог послал...
- Ну, старуха, будет тебе...

- Да как же, батюшка: барство некстати одолело. Первое дело из подвала сюда взгромоздился. Грязно ему, видите ли, там. Умные люди на это не смотрят, а глядят, как бы для хозяйства было поудобнее. Теперь вон на нашем месте, что поселились, - у них коза прямо из окна в сад выходит. А тут поросенка сама в сортир носи. А лето подойдет, погулять ему – нешто его, демона, на пятый этаж втащишь. И опыт же каждую минуту выселить могут. Это сейчас-то отделяешься: лестницу водой поливаешь, а летом, брат, не польешь...

На лестнице опять послышался какой-то крик и странные звуки, похожие на трепыханье птицы в захлопнувшейся клетке.

- Что это там, вот наказание. Пойди посмотри.

Швейцар вышел, и хозяйка продолжала:

- Вон соседи у нас – какие умные люди, так за чистотой не гонятся. Нарочно даже у себя паркет выломали, чтоб никому не завидно было, два поросенка у них в комнате живут, да дров прямо бревнами со снегом навалили. А окно разбитое так наготове и держат – подушкой заткнуто, - как комиссия идет, они подушку вон и сидят в шубах. Так у них не то, чтобы комнату отнимать, а еще их же жалеют: как это вы только живете тут? А они – что ж, говорят, изделаешь, время тяжелое, всем надо терпеть. Вот это головы, значит, работают.

- Верно, матушка, верно.

- Тоже теперь насчет лестницы: освещение было сделал, мои матушки! Ну, лампочку-то хоть на другой день какие-то добрые люди свистнули. Я уж говорю: что ж ты, ошалел, что ли? Сам в омут головой лезешь. Теперь каждый норовит в потемочках отсидеться, а ты прямо на вид и лезешь. Вот теперь темно на лестнице, сам шут голову сломит, зато спокойны: ни один леший за комнатой не лезет, от всякого ордера откажется. Намедни комиссия приходила, чуть себе затылки все не побили: поскользнется, поскользнется, хлоп да хлоп!

Вдруг на лестнице послышался голос швейцара, который кричал на кого-то:

- Куда ж тебя черти занесли? Не смотрите, а потом орете. Вот просидела бы всю ночь тут, тогда бы знала.

Швейцар вернулся в свою комнату и с досадой хлопнул дверью.

- Что такое там? – спросила жена.

Швейцар повесил картуз на гвоздь, потом сказал:

- Старуха какая-то не разобралась в потемках, вместо двери в лифт попала да захлопнулась там.

Commentary on the Russian:

- *батюшка*: along with its feminine counterpart *матушка*, was a form of address in general use in the 18th and 19th centuries, but was gradually restricted to the lower-middle class and peasant niche; perceived as old-fashioned in the first half of the 20th century.

- *в омут головой*: lit. “(throw oneself) into a deep pool head first” – a metaphor of reckless behavior.

- *на печку влезть*: it should be remembered that the R. stove had a broad ‘shelf’ over it that was used as sleeping quarters; it was quite high up and although climbing there was something even elderly people could accomplish with comparative ease, it did require a degree of prowess, so it does not sound too convincing as a byword for simplicity.

- *чисто на Ивана Великого лезешь*: Иван Великий, the 265-foot bell tower built in the Kremlin in the 16th century, remained for centuries Moscow’s tallest edifice; *чисто* is a coll. conj. meaning “just as if”.

- *наскрозь не пролезть*: non-standard for *насквозь*.

- *почесть*: less common than *почитай*, a coll. adv. that can mean *почти* (“almost”), e.g. *Почитай неделя прошла, как он уехал* – “It’s nearly a week since he left,” or “likely,” “it seems” (*Теперь уж он, почитай, в Москве* – “He would be in Moscow now I suppose”).

- *Куда тебя нелегкая занесла*: a common coll. expression of annoyance, usu. with derivatives of *нести* (*принесла нелегкая* – “Look what the cat’s brought in”; *где тебя нелегкая носит* – “where the hell have you been”); *нелегкая* is an even milder euphemism for *нечистая сила*, itself a euphemism for “devil”.

- *Должно дюже высоко взял* (“too much”) is largely restricted to southern dialects, while standard R. prefers *слишком* or *чересчур*; its derivative *дюжий*, however, is a common and expressive way of saying “big,” “brawny” about a human being.

- *шабаш* – low coll. particle meaning “over”, “finished”; originally a noun that meant “end of work” and is hardly ever used now unlike its verbal derivative *шабашить* – “knock off work”; not to be confused with *шабаш* stressed on the first syllable which is related to “sabbath” and, by analogy with “witches’s sabbath, is often used to mean “orgy.”

- *накорячки*: dial. corruption of *накарачки* (“on all fours”).

- *Чуть вниз не чубурахнул*: usu. *чебурахнуть(ся)* – “to crash down”, “fall with a crash”, would have been quite obsolete by now but for writer Eduard Uspensky who named one of his characters *Чебурашка* (“Tumbledown”); thanks to the cartoon version of the book, the funny big-eared creature was for a while as popular here as Mickey Mouse in the States.

- *Кого уплотнять*: lit. “to pack down”, “compact”; one of the nightmares that

haunted Soviet citizenry who did not only have to share apartments with any number of strange and often hostile families, but lived in constant fear of having “surplus” rooms taken away from them so that yet more families could be squeezed into the same floor space. The practice continued into the late 1950s, when Khrushchev finally launched his housing program.

- *на собственном инструменте*: a contextual euphemism for “bottom” invented on the spot by the speaker unwilling to use a coarser synonym.
- *ума решаюсь*: properly, *лишаюсь*; old use, low coll.; other things one can lose include life, sleep and peace of mind (*решиться жизни, сна, покоя*).
- *тигра*: the fem. form is generally typical of non-standard speech, apparently for reasons of articulation convenience, and does not have to mean “tigress”.
- *бирюльки*: lit. “toys”, usu. employed to mean “trifles”, “unimportant things”.

In the Dark

By Panteleimon Romanov

An elderly couple walked through the smashed front door of an eight-story apartment house. In the entrance they collided with someone going out, and the old man asked:

“Excuse me, where can we find Kuznetsov, him that was doorkeeper here?”

“Go right up to the fifth floor, count the fifteenth door from the bottom. Only mind you keep to the right; there’s no light on the stairs, and the banisters are broken off.”

“Thank you so much. Come on, old ‘un, step lively. Keep to the right. Oh, dear, it’s pitch dark...”

For a while there was silence.

“Hey, slow down a bit, can’t you. What’s the rush?”

“What is it now?”

“What d’you think? I’ve got muddled a bit...”

“Ain’t you a nuisance now. I told you to stay behind. What the dickens did you want to come for? Holy Christ, what’s this they pour all over the stairs. Only just started to pat the doors, slipped and lost count. Now how can I tell which floor we’re on...”

“Where are going up and up?” And you think, getting to the fifth floor is the same as climbing on your bed? Damn them, was it a watchtower they meant to build here or what? It’s like climbing up Ivan the Great. It even smells of pigeons.”

“You’ll get clean through if you are not careful.”

“How – through? Or Lord, my head’s jammed against something... What’s this? Where did I get now? Broke out in a sweat even. I wish some blooming bastard would come out. Looks like they’ve all dropped dead, blast them...”

The ex-doorkeeper, who had moved up to the fifth floor from his basement, was settling for a quiet cup of evening tea when he heard a distant shout on the landing. That

was followed by another shout, this time more muffled and farther away.

“Who the hell’s there, are they being mugged or something? Go look what’s happening,” said his wife. “I hope they don’t fall off the stairs; ain’t no banisters to speak of, all used up for firewood.”

The doorkeeper went out reluctantly.

“Oh dear,” someone wailed upstairs, “Got my head against something, and it’s a dead-end.”

“Where the hell’ve you got to?” called another voice, considerably closer.

“Must’ve overshot the place. My head is against some sort of glass ceiling, and I’m scared to take a step down. Legs just won’t move. Reckon I’ll try and do it on all fours.”

“Who’s there? What the hell do you want here?” yelled the doorkeeper.

“Have a heart, take me down from here. Lost our way in this blessed darkness. Tried to climb down and got somewhere odd – it’s all wall, wherever I touch.”

“But who have you come to see?”

“The doorkeeper what’s worked here before.”

“Is that you, Ivan Mitrich?”

“That’s me. Was on my way to you, me old woman and myself, but the devil led me astray, can’t make out where. Nearly took a tumble. And me old woman’s also gone astray yonder below somewhere.”

“Speak for yourself. It’s you ended up in the dovecote.”

The doorkeeper fetched a matchbox and lit up the stairs. The stray stood on the landing, in a kind of recess, his face pressed to the wall, hands groping about.

“Blast it! So that’s where I’ve got to. Kept to the right all the while. Them stairs, now, all iced like your skating rink...before you know where you are...”

“We carry water,” said the doorkeeper, “and, truth to tell, we splashed some yesterday, as it’s most every day some commission comes over, to compress, or to evict. Only way to feel safe. The folks below had to take in roomers, and we were spared – the whole commission slid down on their rusty-dusties before they could get up here.”

“Sure, one has to find a way.”

They all walked down to the flat.

“Phew, that was a right good scare,” the visitor was saying. “Thought I was going out of me mind: Everywhere I touched was solid wall...”

“At first we too found it confusing,” said the doorkeeper’s wife, “but it feels a lot more secure this way. We got used to it, and outsiders have no business here.”

“Right you are. Else someone seeing the place is nice and tidy will at once set the officials on you, and then where will you be?”

“Lord preserve us...”

“And my old man here don’t understand, keeps trying to spruce it up.”

The door keeper listened in silence, but when his wife went out of the room, he said:

“Them women’s a curse... When we moved in here I thought it’d be an

improvement on the basement, but she's gone and let herself go. Took the cushions off the armchairs, and now she's got chickens egg-laying there. Got the piglet in, too, and her washing, and the fowls, and the old rooster she keeps there between the panes."

"Apart from the others?" asked the lady visitor.

"Yes, seeing as he treats the young 'un badly. All her doing, and me daughter-in-law's; they did it while I was away food procuring. Cut up the curtains into skirts. And it's nothing to her that the stripes go crosswise; she'll doll herself up and strut about like some ruddy tiger, all striped."

At this point there came the sounds of scuffling from behind the door and the mistress of the house was heard saying:

"Come along, you oaf, enough of your running away."

The door opened to admit a piglet who dashed in, propelled from behind, slipped on the parquet floor and halted in the middle of the room, with a single surprised oink.

"Why? What's this thing doing in here?"

"Because! He was at the neighbors'. Thank God I missed him in time, or they'd have pinched him and no questions asked."

"Next you'll bring in a cow," the doorkeeper remarked morosely.

"And all you ever think of is tomfoolery... Some master of the house, him! What have I done to deserve it?"

"Cut it out, woman..."

"Wants to act the lord, he does, couldn't have chosen a better time. First he scrambles up here from the basement. Too dirty down there for his lordship, if you please. Sensible people don't mind such trifles, as long as the place is good for housekeeping. Them what took our rooms – they just open the window and let the goat out into the garden. And here I am having to carry that porker to the john! And come summer, he'll want going for walks. I ask you! How shall I cope then, hauling the chunky bleeder all the way to the fifth floor? Then again, any minute they may come and evict us. Now is not too bad – we just keep splashing water on the stairs, and in summer what shall we do?"

There was more shouting on the landing, and some strange sounds that suggested a trapped bird thrashing.

"For crying out loud! What's it this time? Go take a look."

The doorkeeper complied, and his wife went on:

"Take them neighbors of ours, there's a clever lot; they ain't set on making things tidy. Prized up all the parquet boards, they did, on purpose, so no one would envy them; and they keep two pigs in the room, and piled up a whole cartload of logs for firewood, snow and all. And the broken window they keep as a standby – with a pillow stuffed in the whole, and soon as there's a commission on the way, they snatch out the pillow and sit around in winter coats. So they get pitied, never mind having a room taken away: How can you live here, you poor things, they say. And they just sigh: Can't be helped, these are hard times, we all have to bear up. There's properly working heads for you."

"Indeed."

“Then again, the stairs. Want to know what he gone and done? Fixed the light, would you believe it? The bulb at least was gone the very next day, some kind soul took care of that. I says to him: Are you mad or what? Courting trouble, you are. People nowadays try to lie low in the dark, and you stick your neck out. Now it’s pitch dark on the landing fit for the devil himself to break his neck, and we don’t have to worry any more: No one will be after our rooms, wouldn’t have them as a gift. The other day, a commission came her and nearly cracked their heads open, slip and fall, slip and fall, all the time.”

Suddenly they heard the doorkeeper’s voice shouting at someone outside:

“How the hell did you get in there? Don’t look where you’re going and then scream blue murder. Serve you right if I left you here for the night.”

The doorkeeper returned and banged the door shut in vexation.

“What is it?” asked his wife.

The doorkeeper hung up his peaked cap and answered: “Some goddam old cow, lost her bearings in the dark, mistook the elevator for the apartment door and got stuck in there.”

2.2 Влюбленные (*Зинаида Гиппиус*)

Анатолий Саввич, молодой купеческий сынок из «интеллигентных», внезапно предложил своей жене, Катерине Ивановне, покутить¹, - и они отправились на острова² в белую майскую ночь³.

Взяли лихача⁴ и поехали. У них были свои лошади, но Анатолий Саввич подумал, что с кучером Андреем будет что-то привычное, а ему хотелось чего-то иного, чего – он и сам не очень ясно себе представлял.

Анатолий Саввич и Катерина Ивановна были женаты месяца три-четыре. Перед этим они очень долго были влюблены друг в друга и много терзались, потому что родители их находились в ссоре и слышать не хотели о соединении детей. Одно время они и видались лишь тайком. Катерина Ивановна выбегала к Анатолию Саввичу на лестницу. А однажды она даже решилась поехать с ним на острова, - полчаса, не больше, сказавшись⁵ родным, что идет к подруге.

Анатолий Саввич в то время кончал университет. Кончив, он понемногу стал входить в отцовское дело.

И неожиданно любовь его к Катерине Ивановне получила блаженное разрешение. Родители, помирившись, благословили их, и они повенчались среди всеобщей радости.

Родитель⁶ Анатолия Саввича даже великодушно дозволил⁷ им поселиться в отдельном гнездышке, где все было устроено чрезвычайно мило и удобно. В буфете пахло свежестью нового дерева, серебро блестело, а спальня молодых – она же и будуар молодой – казалась просто игрушкой.

Так они и жили, мирно и нежно-весело, вплоть до того вечера, когда

Анатолию Саввичу пришла охота съездить с женой на острова.

Катерина Ивановна была немножко ленива; ей, пожалуй, приятнее было бы остаться в своем будуаре-игрушке, надеть капот; - чай подадут, с вареньем, с бутербродами, Тося⁸ милый с нею... Но, когда муж предложил ей прокатиться – она вдруг как бы поняла его, слова не сказала, оделась и поехала.

Было не очень поздно. На Неве – серый блеск, запах пыли и воды, кругом – не громкий и не ясный рокот неспящего, но все-таки ночного города.

За деревянными мостами, на Елагином⁹ – внезапная, теплая, вся глубокая и душистая сырость. Деревья только что окурдявились¹⁰ – темными в сером сумраке, - юными листьями. Небеса вверху были как вода: тусклые, беззвездные, притаившиеся. И было хорошо, - как хорошо бывает притаившемуся человеку с радостью в душе.

Анатолий Саввич крепче сжал стан¹¹ своей молодой жены:

- Милая... милая... а помнишь, как мы с тобой раз уехали украдкой? Такая же была ночь. И как мы боялись тогда... и как я любил тебя...

- Тогда... да, помню. Вот было страшно! Помню, конечно.

- Как мы счастливы теперь! Не правда ли? Тебе хорошо?

- Очень хорошо, Тосик.

Она помолчала и прибавила:

- Сегодня только сырее немного... Но хорошо, хорошо.

- Тебе холодно, голубка? Сейчас, сейчас мы проедем в одно местечко, я покормлю и согрею мою птичку... Сырее, но пахнет, Катюша, совершенно, как тогда.

- Очень хорошо пахнет. И ты такой же восторженный, как тогда... Ты давно уж таким не был.

- Потому что я счастлив, Катюнок¹², и счастлив вполне... Я вновь переживаю то, прежнее, вновь вижу тебя тою же робкой девочкой, доверчиво ко мне прильнувшей...

Анатолий Саввич говорил искренно, с волнением, - а между тем очень определенно лгал. Он мучительно хотел все это почувствовать – и мучительно не чувствовал. Он не видел в Катерине Ивановне никакой робкой девочки – а все ту же милую, знакомую жену, которую видел вчера и третьего дня¹³ у себя дома, хорошенькую, со спокойным, побелевшим и очень пополневшим личиком, в дорогой дамской шляпке, которую он сам с нею выбирал. Он тоже отлично заметил сырость, которой «тогда» как будто и не было. Очень хорошо, приятно, и отраднo, и жену он любит, - но счастья, того несравнимого с приятностью, особенного, съедающего чувства, - он не мог вспомнить. Не мог телесно. А мысленно – помнил.

И он стал злиться и даже досадовал на жену за то, что она-то ведь помнит, чувствует... Она так же счастлива. Боже сохрани, если она догадается, что он... Что – он? Просто - сыро сегодня на островах.

Они заехали в ресторан. Катерина Ивановна сняла шляпку и стала еще

милее – ну совсем как дома.

Заказали ужин, шампанское. Катерина Ивановна села за столик, на бархатный диван. Она подумала, что, в сущности, Бог знает, какие люди тут каждый день бывают и что в квартире у них уютнее и свежее. Ее немножко давил узковатый корсет. И вино она не любила – ей от него бывало тошно.

Но ее Тося смотрел на нее такими восторженными, влюбленными глазами, так радовался всему, - что и она стала стараться радоваться, и радовалась.

Подали закуски, потом первое кушанье, потом второе. Второе понравилось Катерине Ивановне, она поела с удовольствием, спросила название и мимолетно подумала: «Вот бы Дашу научить».

Подали и шампанское. Лакей¹⁴ удалился, но потом опять зачем-то пришел, в ту минуту, когда Анатолий Саввич хотел поцеловать Катерину Ивановну. Это вышло неудобно. Но когда лакей опять исчез, Анатолий Саввич сказал:

- Выпьем же, дорогая, за наше счастье. Подумай, как еще недавно я почти не смел поднять на тебя глаза, - и вот ты моя, навек. Выпьем за нашу любовь.

Выпили.

Катерина Ивановна улыбнулась, поглядела на мужа с благодарностью. И, увидев его напряженно-восторженное лицо, прибавила:

- Ты меня жжешь своими глазами...

Анатолий Саввич ее нисколько не жег, но она бессознательно припомнила, что сказала ему однажды эту фразу, давно, задолго до свадьбы – и бессознательно почему-то ее теперь повторила. Тогда ему это так понравилось.

Анатолий Саввич порывисто потянулся к жене и обнял ее. Стол мешал немного. Там, в их уютной спальне, так было удобно и хорошо обниматься.

- Помнишь, Катя, как ты выбежала ко мне на лестницу, в сумерки? Помнишь, как я тебя в первый раз поцеловал, вот здесь... здесь... около уха...

И он поцеловал ее около уха. Но этот поцелуй нисколько не напомнил ему первого. Со времен первого, в продолжение трех месяцев супружества, он столько раз целовал ее, конечно и около уха тоже, что первый поцелуй совершенно стерся.

- О, я все помню, - сказала Катерина Ивановна. – Мне так хорошо.

Ей, действительно, стало хорошо, но она вспомнила не те первые тайные поцелуи, а вчерашние, третьеводнишние веселые ласки в уютной спальне.

Они долго целовались, поглядывая на дверь, и было совершенно так же хорошо, как дома, только не так ловко и удобно.

- Тосик, у меня голова немножко заболела, - проговорила Катерина Ивановна. – Я думаю, пора домой.

- Домой? Едем, голубка. Сейчас спрошу счет.

Катерина Ивановна стала прикалывать шляпку у зеркала, радуясь, что скоро снимет узкое платье.

Но вдруг ей стало ни с того ни с сего грустно. Так все хорошо, а вот, грустно. Вероятно, ей грустно от того, что Тосе кажется, будто поездка не удалась. Однако, чем она не удалась? Да, может быть, ему это и не кажется?

Они вышли, сели на своего лихача и поехали домой. Супругов обгоняли парочки, обнявшиеся, как и они. Пылью уже не пахло, а только водой. Совсем стало сыро. Муж заботливо укутывал побледневшую Катерину Ивановну. Она взглянула на него и робко сказала:

- Как хорошо... Я так счастлива. А ты?

- Ты можешь сомневаться?

Больше они не говорили и скоро приехали домой, где их встретила заспанная, но лукаво и поощрительно улыбающаяся горничная.

Катерина Ивановна с успокоенной душой взглянула на свое чистенькое гнездышко и поспешно стала раздеваться. Прояснился и Анатолий Саввич. Как тепло у них после ночной сырости.

Остаток ночи супруги провели в милых ласках, в привычных, отрадных проявлениях любви. И, убаюканный теплотой спокойной радости, Анатолий Саввич перестал мечтать – о Счастье.

Commentary on the Russian:

- *«покутить»*: lit. “go on the razzle”, “have an orgy”; the man meant it as a humorous hyperbole, proposing nothing more wicked than an evening out; a common way of facetiously referring to a perfectly bourgeois restaurant meal.

- *на острова*: St. Petersburg was in part built on small islands in the Neva estuary; the islands, Krestovsky, Yelagin, and others, boasted excellent parks open to the public and a quantity of taverns and restaurants that attracted all manner of idlers and were the city’s favorite recreation area that had indeed seen some memorable “binges” in its day.

- *в белую майскую ночь*: in late May St. Petersburg enters the “white night” season that peaks in June, when the sun stops short of setting and it never gets properly dark at night.

- *взяли лихача*: in former times, лихач was the driver of a smart cab; now the word is used exclusively to describe a reckless driver, a road hog.

- *сказавшись*: old use; the verb means “to warn” or “to claim to be sth, often falsely” (сказаться больным – “to say one is ill”; уехать, не сказавшись – “to leave without telling anyone”).

- *родитель*: “father”, now usu. ironical; formerly also the standard way of referring to one’s father in lower middle-class speech, most readily associated with merchants.

- *дозволил*: old or humorous use; formal synonym of позволил (“permitted”); implies that the permission was “graciously vouchsafed”.

- *Тося*: and Тосик – somewhat less orthodox diminutives of Анатолий than the now prevalent Толя/Толик; there is an additional touch of mockery here because Тося also happens to be a diminutive of the feminine name Антонина

- *на Елагином*: an island
- *деревья только что окудрявились...листьями*: the author's coinage, a short cut to replace the standard *покрылись кудрявыми листьями*
- *стан*: "figure", "torso"; high-flown or poetic; here, humorous
- *Катюнок*: one of those endearment appellations so prolific in R.; sounds like a cross between Катюша, a common diminutive of Екатерина, and котенок ("little kitten")
 - *третьего дня*: old use, "the day before yesterday"; the adj. *третьеводнишние* also occurring in the text is even more solidly obsolete than its parent phrase, though the pattern itself is still perfectly viable (*сегодняшний* – "today's", *вчерашний* – "yesterday's" or *позавчерашний* – "of the day before yesterday")
 - *лакей*: no longer used to mean "waiter", in modern R. *лакей* is understood as "man-servant", "footman", or as a term of disparagement, "yes-man", "toady", "lickspittle"

Lovers

By Zinaida Gippius

Anatoly Savvich, a young trader's son, of the "cultured" sort, suddenly suggested "going on a binge" to his wife, Katerina Ivanovna. And so they set off for the islands on a light May night.

Took a cab and set off, just like that. They had horses of their own, but Anatoly Savvich thought that going with coachman Andrei would be rather humdrum, while he yearned for something different, he was not sure what.

Anatoly Savvich and Katerina Ivanovna had been married three or four months. Before that there was a long romantic courtship fraught with much anguish, because their parents had quarreled and would not hear of the young people's union. For a while they could not even meet except on the quiet. Katerina Ivanovna would slip out to the landing to see Anatoly Savvich. Once she actually ventured to go to the islands with him, for half an hour, no more, telling her parents she would be with a girlfriend of hers.

Anatoly Savvich was cramming for a university degree at the time. Upon graduation, he little by little joined in his father's business.

And then, all of a sudden, his love for Katerina Ivanovna got blissfully resolved. The old folks made it up and granted their consent, and the couple were wedded amidst general delight.

The groom's parent even went so far in his largess as to let them set up home in a cozy little nest of their own where everything was ever so nice and comfortable. The larder smelled pleasantly of new wood, the silver gleamed, and the bedroom, which was also the young bride's boudoir, looked a perfect toy.

And so they lived on, a life of peace, fun and tenderness, until the evening when Anatoly Savvich had that "island" whimsy of his.

Katerina Ivanovna was a bit of a lazybones; she would have much rather stayed in her bijou boudoir: put on a dressing gown, had tea served there, with jam and sandwiches, her darling Tosia by her side... But when her husband said how about a trip, she instantly got his meaning, as it were, and dressed without a murmur, and went with him.

It was not very late. On the Neva, it was gray shimmer, a smell of dust and water; all around, the subdued rumble of the city, awake but still nocturnal. Beyond the wooden bridges, on Yelagin Island, the air was unexpectedly damp, the dampness warm and richly scented. The trees had just come into leaf, curly and dark in the gray dusk. The heavens above were like the water, gleaming dully, starless, very still. It felt good, as someone might feel good keeping very still, with a heart full of joy.

Anatoly Savvich tightened his grip on his young wife's waist.

"Dearest, do you remember sneaking off to the islands that time? The night was just like now. How scared we were... and how I loved you..."

"That time... oh yes, I remember. Lord, how frightened I was. Of course I remember."

"How happy we are now. Aren't we? Do you feel good?"

"Lovely, Tosik."

She paused and added:

"Only there's a little more damp tonight... But it's good all the same."

"Feeling cold, sweetheart? Never mind, we'll be there presently, and I'll feed and warm up my little chick... There is more damp around, but the smell is just like that time, Katie."

"The smell is divine. And you are every bit as emotional as then... You haven't been that way for quite some time."

"It's because I am happy, Kitty, utterly happy... I am reliving it all now, I again see you as a timid girl snuggling up to me so trustingly. .."

Anatoly Savvich was speaking truthfully, with feeling, and yet he was most definitely telling a lie. He painfully longed to feel it, and painfully failed to. He so no timid girl in Katerina Ivanovna, but merely the same lovely, familiar wife he had seen yesterday and the day before, pretty, with a placid face that had grown whiter and considerably plumper, in an expensive lady's hat they had chosen together. He was very aware of the damp, too, which had not been there "that time", or so it seemed now. It was all most gratifying, nice and proper, and he loved his wife, but the happiness, that very special, consuming feeling, nothing like niceness, he could not remember. Bodily. But in his mind he remembered all right.

And he felt cross and even angry with his wife because she did remember, did feel... She was as happy as she had been then. God forbid that she should guess that he... Now then, what about him? It's just that tonight it was damp on the islands.

They pulled up at a restaurant. Katerina Ivanovna took off her hat and seemed even lovelier, just like home.

They ordered supper and champagne. Katerina Ivanovna sat down at the table, on

a velvet settee. She thought that, in fact, there were God knows what sort of people coming here day in day out, and that their home was so much more cozy and fresh. Her bodice was a bit tight. And she was not really fond of wine, it gave her a touch of nausea.

But her darling Tosia was looking at her with such rapturous loving eyes, was enjoying it all so much that she also tried to work up a feeling of enjoyment, and did feel it in the end.

Hors-d'oeuvres were served, then the first course, and the second. Katerina Ivanovna quite liked the second course, she ate the dish with relish, asked what it was called and thought briefly: "Would be nice to have Dasha learn the recipe."

Finally the champagne's turn came. The waiter withdrew, but then reappeared, for some obscure purpose, right when Anatoly Savvich was going to kiss Katerina Ivanovna. It was embarrassing. But when the waiter disappeared again, Anatoly Savvich said:

"Let us drink to our happiness, darling. Just think, only a short while ago I scarcely dared look at you, and now you are mine, for ever and ever. Let us drink to our love."

They did.

Katerina Ivanovna smiled, and looked at her husband gratefully. And seeing his tensely rapturous face, added:

"You're scorching me with your eyes..."

Anatoly Savvich was not in the least scorching her, but she recalled subconsciously having said it to him once, ages ago, long before their wedding, and so she subconsciously said it again now, she did not know why. He had liked it so much that first time.

Anatoly Savvich impulsively leaned toward his wife and put his arms round her. It was a little awkward with the table between them. Back home, in their cozy bedroom it was so easy and convenient to embrace.

"Remember, Katie, that time when you ran out to meet me on the landing, at dusk? Remember me kissing you for the first time, here... by the ear?"

And he kissed her by the ear. But the kiss did nothing to bring back that first experience. Since their first kiss he had kissed her so often in their married three months, by the ear too, of course, among other places, that the first kiss was completely obliterated.

"Oh, I do, I do remember everything," said Katerina Ivanovna. "I feel so happy."

And she did, only what she remembered was not their first furtive kisses, but the jolly love making in their cozy bedroom of yesterday, and the day before.

They kissed for a long time, glancing at the door, and it was exactly like home, ever so sweet, only somewhat less handy and comfortable.

"Tosik, I'm starting a headache," said Katerina Ivanovna. "I suppose we ought to be going."

"Righto, sweetheart. I'll ask for the bill."

Katerina Ivanovna started to pin on her hat by the mirror, glad she would soon be rid of her tight dress.

But all of a sudden, without any apparent reason, she felt sad. It was all so lovely, and yet she felt sad. Must be because Tosia imagined that the trip hadn't come off. But what was wrong with the trip? Oh well, perhaps he never really thought it, after all?

They walked through the door, climbed into the carriage and went home. Overtaking them were other courting couples, who embraced like they. It did not smell of dust any more, merely of water. It had grown very damp now. The husband solicitously wrapped the rug around Katerina Ivanovna who had turned a shade paler. She looked up at him and said sheepishly:

“How lovely... I am so happy. And you?”

“Can you doubt it?”

They did not speak again and soon reached home where they were met by a sleepy maid who nonetheless grinned roguishly and approvingly.

Katerina Ivanovna, her soul now serene, took a look at her neat little nest and undressed hurriedly. Anatoly Savvich, too, had visibly perked up. It was so warm in here after the night's dampness.

The rest of the night the husband and wife spent in delightful love-making, in expressions of love they knew and enjoyed. And, lulled by the warmth of quiet joy, Anatoly Savvich ceased dreaming – of Happiness.

2.3 Петька (*Иван Соколов-Микитов*)

Лето мы провели в Беловежской пуще¹. Там мне показали редкостных зубров², живших в обширных загонах. Не раз я видел на воле оленей, спокойно выбегавших на проезжие дороги, охотился на кабанов, разорявших колхозные поля. Наблюдал черных аистов, гнездившихся на высоких деревьях.

Но больше всего нам запомнился ручной ворон Петька³. С Петькой меня познакомил директор заповедника – мой старый приятель.

В первый день приезда мы вышли на берег реки. На вершине высокого дерева сидел ворон. Директор заповедника посмотрел на меня и улыбнулся.

- Хотите познакомиться с нашим Петькой?

Он помахал над головой шапкой и громко сказал:

- Петька, Петька, лети сюда!

К великому моему изумлению, как бы понимая человеческую речь, ворон снялся⁴ с вершины дерева и, распахнув черные крылья, тихо планируя, спокойно уселся на плече хозяина.

- Познакомься, Петька, с нашим гостем!- сказал хозяин, тихо сталкивая ворона с плеча.

Взмахнув крыльями, Петька переместился на мое плечо. Это была большая черная и очень серьезная птица.

Пошарив в карманах, я нашел кусочек сухого печенья. Петька взял печенье в клюв и осторожно спрятал его в подклювный мешок.

В карманах больше не было печенья. Я вынул маленькую десятикопеечную монетку и показал Петьке. Эту монетку он также спрятал в подклювный мешок вместе с печеньем, потом слетел на песчаную дорогу и стал делать клювом круглую ямку. Запрятав печенье и монетку в песок, он деловито вырвал клочок травы, воткнул его в песчаный холмик.

В заповеднике я слышал много рассказов о проделках проказника Петьки. Сотрудники заповедника рассказывали, что однажды он утащил из дамской сумочки деньги, а в другой раз, влетев в обеденный час в окно, расшвырял и похитил документы какой-то комиссии, приехавшей для ревизии в заповедник. Похищенные вещи Петька прятал под крышей в пустом гнезде аистов, которых ухитрился выжить. В этом гнезде не раз находили ножи, ложки и вилки и многие другие предметы. Особенно досаждал Петька проезжим шоферам. Стоит машине остановиться, разложит шофер свои инструменты, отвинченные от мотора болты и гайки, Петька тут как тут! Нырнет шофер под машину или заглянет под капот, а самой нужной гайки или инструмента уж нет. Утащил Петька.

Рассказывали, что Петька не любит женщин. Сядет на плечо к завитой накрашенной девице и давай путать и портить ее праздничную прическу или пребольно ущипнет за ухо. Женщины побаивались Петьки, отмахивались руками. Очень возможно, что эти резкие движения и сердили Петьку. Рассказывали также, что Петьку не любили дикие вороны и вороны, к которым он иногда пытался приближаться. Они били и отгоняли его, как бы не желая прощать измену.

Однажды проказник Петька сотворил такую штуку. Весной на огороде, возле дома, пожилая женщина сажала капустную рассаду. Опрятными рядами она рассаживала капусту на грядках. Увлеченная работой, женщина не заметила, что рядом с нею по грядкам разгуливает Петька. Всю посаженную рассаду он пересаживал на свой лад, разумеется, без всякого порядка...

Не всегда проделки Петьки были безобидны. Летом он стал таскать маленьких цыплят. Петьку все знали и любили и даже такие недобрые проделки ему прощали.

Директор заповедника пробовал приучать Петьку к охоте. Бродя по опушкам, он брал его вместо гончей собаки. Перелетая с дерева на дерево, Петька видел сверху каждого залегшего в кустах русака, начинал кружиться и каркать. Директор подходил к лежке и поднимал притаившегося зайца...

О трагической гибели Петьки мне написали, когда я вернулся в Ленинград. Один из сотрудников заповедника писал, что осенью к ним в заповедник приехали посторонние люди строить разрушенный мост через реку. Не зная о существовании Петьки и его проделках, кто-то из приезжих людей ловил на удочку рыбу. Сидя на берегу реки, пойманных окуньков и плотичек клал рядом, на землю.

Все примечавший Петька тотчас явился на место ловли, начал таскать

пойманных рыбок. Заметив Петькины проделки, незадачливый рыболов схватил палку и убил наповал смиренно сидевшего проказника Петьку.

«Самое удивительное, - писал мне сотрудник заповедника, зоолог,- что после вскрытия трупа трагически погибшего Петьки наш общий любимец оказался не Петькой, а Машей. По внешнему виду пол врановых птиц различить невозможно, и долгое время мы ошибочно принимали Машу за Петьку».

Заяц

Это было много лет назад. Ранним утром я возвращался с дальнего глухариного тока. С трудом перебравшись через горелое топкое болото, я выбрал удобное место, присел отдохнуть у большого зеленого пня, положив на колени ружье, стал прислушиваться к звукам. Было слышно, как шумят на болоте журавли, токуют в позолоченном небе бекасы. Где-то поблизости прогремел и засвистел рябчик.

Весной я никогда не стрелял рябчиков, но с костяным старым пищиком из пожелтевшей заячьей кости никогда не расставался. Мне нравилось пересвистываться с рябчиками, близко смотреть на подлетающих на свист задорных петушков, с распушенными крылышками и хвостами шустро бегавших по колодам и кочкам почти у моих ног.

Покуривая трубочку, пересвистываясь с подлетающим рябчиком, я вдруг увидел за стволами деревьев тихо ковылявшего прямо на меня зайца-беляка. Усталый зайчишка возвращался на лежку после веселых ночных походов. Коротенькими прыжками он тихо ковылял по моховым рыжеватым кочкам. На его мокрых ляжках смешно болтались клочки вылинявших зимних порточков⁵.

Я сидел не двигаясь, не шевеля пальцем, сливаясь с высоким зеленым пнем. Когда заяц подбежал совсем близко, почти в колени, я немного пошевелился и тихо сказал:

- Ага, попался, косой!⁶

Боже мой, что стало с зайцем, как подхватился он, как замелькали между кочками его порточки, коротенький хвостик! Громко смеясь, я крикнул зайцу в догонку:

- Улепетывай, косой, поскорее!

У каждого охотника в запасе много воспоминаний о неожиданных встречах и происшествиях в лесу. Обычно такие охотники рассказывают о своих удачных выстрелах, о застреленной и добытой дичи, о работе умных собак. На охотничьем долгом веку я много перестрелял крупной и мелкой дичи, не раз охотился на волков и медведей, но – странное дело – простая встреча с забуддыгой-зайчишкой⁷ запомнилась больше, чем самые удачные и добычливые охоты.

Я как бы и теперь вижу лес, тихое утро, слышу свист рябчика, отчетливо вижу зайчишку-беляка, мокрые его порточки.

Улепетывай, брат косой, на доброе здоровье!

Commentary on the Russian:

- *в Беловежской пушце*: пушча means a densely wooded, often pristine, area; this one is in Belorussia, at the border with Poland, and was made a wildlife sanctuary in 1930; what really put it on the map was the December 1991 meeting between Yeltsin of Russia, Shushkevich of Belorussia, and Kravchuk of Ukraine, when they signed a death warrant on the Soviet Union
- *редкостных зубров*: the chief distinction of Belovezhye, apart from the relatively recent political events, is the painstaking and ultimately successful work to recreate the aurochs – a species that used to inhabit Europe’s forests but became extinct in the first quarter of the 20th century
 - *ворон Петька*: a familiar diminutive of the male name Pyotr
 - *снялся*: the verb generally suggests beginning of move after a period of rest, immobility, etc. (сняться с насиженного места – to up sticks and move away; сняться с якоря – to weigh anchor); here the meaning is “took off” but the direction of the movement is from a higher to a lower level, so while suitable for describing the action of a bird, the word would sound incongruous in an aircraft context
 - *порточков*: a nice-sounding diminutive of the fairly uncouth портки (pants) used, esp. formerly, to refer to a child’s trousers
 - *косой*: the traditional nickname of a hare in Russian; for some reason, it is not the long ears but the slanting eyes that are seen as the animal’s distinctive feature, though длинноухий is also used, yet not nearly as much as косой
 - *забулдыгой-зайчишкой*: an amusing word in this context as забулдыга is not so much a womanizer as a pub-crawler, which is obviously a sin the hare is innocent of.

Petka

By Ivan Sokolov-Mikitov

We spent the summer in the Belovezh Preserve. There I was shown rare aurochs living in spacious enclosures. Several times I saw deer ranging free, calmly crossing the road. I hunted the wild boar that ravaged the collective farm fields. I observed black storks nestling in tall trees.

Bust most of my memories are of the tame raven Petka, to whom I was introduced by the director of the preserve, an old friend of mine.

On the very day of my arrival we went down to the riverbank. A raven was perched on the top of a tall tree. The director looked at me and smiled.

“Like to meet our Petka?”

He waved his cap over his head and called loudly, “Petka! Petka! Come over here.”

Much to my surprise the raven, as if he understood human speech, took off from the top of the tree, spread his black wings and slowly glided down, alighting on his

master's shoulder.

"Meet our visitor, Petka," he said, giving the bird a gentle push.

With a single wingbeat Petka moved over to my shoulder. He was a huge, black, solemn bird.

I felt in my pockets and found a piece of dry biscuit. Petka took it in his beak and carefully hid it in his mandible sack.

I had no more biscuits so I took out a ten-kopeck piece and showed it to Petka. This too he accepted and tucked away with the biscuit. He then flew off to the sandy road and dug a round hole with his beak. He hid the biscuit and the coin in the sand and with a businesslike air tore up a tuft of grass and pushed it into the little sandy mound.

During my stay there I heard numerous stories of Petka's mischievous tricks. Once he pinched money from a lady's handbag; another time he flew in through an open window when everyone had gone out to have lunch and made off with the papers of some commission which had to inspect the preserve. His spoils Petka hid beneath the roof in the empty nest of storks whom he had managed to evict. On several occasions people found knives, forks, and spoons in that nest, together with an assortment of other objects. He was particularly adept at plaguing passing truck drivers. A truck would stop, the driver would lay out his tools, unscrew a few nuts and bolts – and that was Petka's chance! The driver only had to disappear under the truck or stick his head under the bonnet – and the most essential bolt or tool would be gone. Petka's work.

They told me that Petka did not like women. He would alight on the shoulder of a garishly made-up damsel with an elaborate hairdo and proceed to rearrange her hair to his liking, or else give her a painful nip on the ear. Women were afraid of him, they would wave their arms about, trying to shoo him away. It may have been these agitated movements that irritated Petka. I was also told that he did not hit it off with wild ravens and crows he occasionally tried to approach; they drove him off furiously, as though resenting his treachery.

One day mischievous Petka played a new trick. It was spring and on the vegetable plot beside the house an elderly woman was planting out cabbage seedlings. She set them out in neat rows, her whole attention concentrated on her work, so that she never noticed Petka strutting about at her side. He was replanting all the seedlings according to his own taste – which was of course far from neat...

Petka's mischief was not always so innocent. In the summer he got to carrying off baby chicks. But everyone knew him and was fond of him, and people were ready to forgive him even such wicked things.

The preserve director tried to train him to hunt. Walking about the forest edge, he would take him along instead of a hound. Flying from tree to tree, Petka could see every hare lying in the bushes and would start to wheel and caw. The director would go straight to the hiding place and raise the hare.

They wrote to me about Petka's tragic end after I had returned to Leningrad. One of the people working at the reserve wrote that in the fall, some strangers came to mend a bridge across the river that had collapsed. One of that lot, who knew nothing about

Petka and his tricks, went fishing with a rod. Sitting on the bank of the river, the angler put his catch of perch and roach beside him on the ground.

Petka, who never missed anything, promptly arrived and started filching the fish. Seeing this, the angler grabbed a stick and knocked the unsuspected Petka dead at a stroke.

“But the most surprising thing,” the preserve worker wrote, “was that the post-mortem revealed our dead pet to be not Petka but Masha. Outwardly, male and female corvidae are indistinguishable, and for a long time we had mistakenly assumed that Masha was Petka.”

The Hare

It happened many years ago. Early in the morning I was returning from a capercaillie mating ground. After making my way with some difficulty through a squelching burned marsh, I chose a convenient spot and sat down to rest by a big green tree-stump which formed something very much like a comfortable armchair.

The sun had risen and it was very quiet in the forest. I lit a pipe and lying back against the stump, my gun across my knees, I began to listen to the various sounds. I could hear the cranes on the swamp, and the snipe busy with their courtship displays. Somewhere close by hazel grouse whistled.

I never shot hazel grouse in spring, but I was never without my old yellowed whistle made of a hare bone. I liked to exchange whistles with the birds, to get a close view of the cock when it came in response to my whistling, running almost by my feet over stumps and tufts of grass with outspread wings and tail jauntily turned up.

Smoking my pipe and exchanging whistles with the lured-out hazel grouse, I suddenly saw through the trees a winter-white hare slowly trudging in my direction. The tired animal was returning to its hideout after some merry nocturnal adventures. Moving in short hops, it was quietly making its way over the moss-covered reddish tussocks. Tufts of half-shed winter “pants” dangled comically from its sodden legs.

I sat motionless, never so much as moving a finger, merging with the tall green stump. When the hare was quite close, almost by my knees, I stirred slightly and said softly, “Aha, gotcha, Slant Eyes.”

Dear me, the shock the little fellow had! How he started, how his pants and his short tail bobbed up and down over the tussocks! Laughing heartily, I called after him, “Off you go, Slant Eyes! Step on it!”

Every hunter has many memories of unexpected encounters and incidents in the forest. Usually they talk about perfect aiming, about birds and beasts brought down, or the work of smart dogs. In my long years of hunting I have shot lots of game, big and small, I have more than once hunted wolves and bears, but strangely enough, the memory of this simple encounter with a forest Lothario is far more vivid than of my most successful hunts.

It seems even now I can see that forest and the quiet morning, I hear the whistles of the hazel grouse, and see the white hare in his sodden pants.

Off you go, brother Slant Eyes, good luck to you!

2.4 Белая собака (Федор Сологуб)

Так все опостылело в этой мастерской губернского захолустного города – эти выкройки, и стук машинок, и капризы заказчиц, - в этой мастерской, где Александра Ивановна и училась, и уж столько лет работала закройщицею. Все раздражало Александру Ивановну, ко всем она придиралась, бранила безответных учениц, напала и на Танечку, младшую из мастериц, вчерашнюю здешнюю же ученицу. Танечка сначала отмалчивалась, потом вежливым голосом и так спокойно, что все, кроме Александры Ивановны, засмеялись, сказала:

- Вы, Александра Ивановна, сухая собака.¹

Александра Ивановна обиделась.

- Сама ты собака! – крикнула она Танечке.

Танечка сидела и шила. Отрывалась время от времени от работы и говорила спокойно и неторопливо:

- Завсегда лаетесь²... Собака вы и есть... У вас и морда собачья... И уши собачьи...

Танечка была молоденькая, розовенькая, пухленькая девушка с невинным, хорошеньким, слегка хитреньким личиком. Голосок у Танечки был звонкий, ровный, сладкий, вкрадчивый, - и если бы слушать только звуки, не вслушиваясь в слова, то казалось бы, что она говорит любезности Александре Ивановне.

Александра Ивановна сидела багровая от ярости.

- Дрянь, - вскрикивала она, - я тебя за уши выдеру!³ Я тебе все волосы повытаскаю!

Танечка отвечала нежным голосом:

- Лапки коротенькие⁴... Барбос⁵ лаетя и кусаетя... Намордничек надо купить.

Александра Ивановна бросилась к Танечке. Но тут вошла хозяйка, грузная, широкая, шумя складками лилового платья. Строго сказала:

- Александра Ивановна, что это вы скандалите!

Александра Ивановна взволнованным голосом заговорила:

- Ирина Петровна, что же это такое! Запретите ей меня собакою называть!

Танечка жаловалась:

- Излаяла ни за что, ни про что. Всегда по пустякам ко мне придирается и лаетя.

Но хозяйка посмотрела строго на нее и сказала:

- Танечка, я тебя насквозь вижу. Не ты ли и начинаешь? Ты у меня не воображай, что уж если ты мастерица, так и большая. Как бы я твою маменьку не пригласила, по старой памяти.⁶

Танечка багряно вспыхнула, но продолжала сохранять невинный и ласковый

вид. Смиренно сказала хозяйке:

- Простите, Ирина Петровна, больше не буду. Только я и то стараюсь их не задевать. Да уж оне очень строгие⁷, слова им не скажи, сейчас – я тебя за уши. Такая же мастерица, как и я, а уж я им из девчонок вышла.

- Давно ли, Танечка? – спросила хозяйка внушительно, подошла к Танечке – и в затихшей мастерской послышались две звонкие пощечины и Танечкин слабый вскрик.

Почти больная от злости вернулась домой Александра Ивановна. Танечка угадала ее больное место.

«Ну, собака, и пусть собака, - думала Александра Ивановна. – А ей-то что за дело? Ведь я не разведываю, кто она, змея или там лисица, что ли.⁸ Гатьяна, и дело с концом. Обо всех можно узнать, а только зачем ругаться? Чем собака хуже кого другого?»

Летняя светлая ночь томилась и вздыхала, вея с ближних полей на мирные улицы городка истомою и прохладою. Луна поднялась ясная, полная, совсем такая же, как и тогда, как и там, над широкою, пустынною степью, родиною диких, рыскающих на воле и воющих от древней земной тоски.

И так же, как тогда, горели тоскующие глаза, и тоскливо сжималось дикое, не забывшее в городах о степных просторах сердце, и мучительным желанием дикого вопля сжималось горло.

Начала было раздеваться, да что!⁹ все равно не уснуть.

Вышла на крыльцо. Бабушка Степанида сидела, черная в черном платье, сухая и сморщенная. Нагнулась, старая, и казалось, что греется в лунных, холодных лучах.

Александра Ивановна села рядом с нею, на ступеньки крыльца. Смотрела на старуху сбоку. Большой, загнутый старухин нос казался ей клювом старой птицы.

«Ворона?» - подумала Александра Ивановна.

Она подвинулась ближе к старухе и ласково сказала:

- Бабушка Степанида, а что я у вас хочу спросить?

Старуха повернула к ней темное лицо с глубокими морщинами и резким старческим голосом спросила, точно каркнула:

- Ну что, красавица? Спрашивай.

- Сдается мне, бабушка, - уж вы, право, не обидьтесь, - что будто бы вы, бабушка, ворона.

Старуха отвернулась и молчала, качая головою.

Казалось, что она припоминала что-то. Голова ее с резко очерченным носом клонилась и качалась, и казалось порою Александре Ивановне, что старуха дремлет. И дремлет, и шепчет что-то себе под нос. Качает головою и шепчет древние, ветхие слова.¹⁰ Чародейные слова...

Еле слышно бормотала старая:

- Ворона и есть. Только крыльев у меня нет. Я каркаю¹¹, я каркаю, а им и горя мало. А мне дадено предвидение¹², и не могу я, красавица, не каркать, да

людишки-то и слушать не хотят. А я как увижу обреченного, так и хочется мне каркать, и хочется.

Старуха вдруг широко взмахнула руками и резким голосом крикнула дважды:

- Кар, кар!

Александра Ивановна дрогнула. Спросила:

- Бабушка, кому каркаешь?

Ответила старая:

- Тебе, красавица, тебе.

Жутко стало сидеть со старухой. Александра Ивановна ушла к себе. Села под открытым окном, слушала, - за воротами сидели двое и говорили.

- Воет и воет, - слышался низкий и злой голос.

- А ты, дядя, видел? – спросил сладенький тенорок.

Александра Ивановна сразу по этому тенорку представила кудреватого, рыжеватого, весноватого парня¹³, - здешний, с этого же двора.

Прошла минута тусклого молчания. И вдруг послышался сиплый и злой голос:

- Видел. Большая. Белая. У бани лежит и на луну воет.

Опять представила по голосу черную бороду лопатую, низкий плотный лоб, свиные глазки, расставленные толстые ноги.

- Чего же она воет, дядя? – спросил сладкий.

И опять не сразу ответил сиплый:

- Не к добру... И откуда взялась не знаю.

Луна смотрела прямо в лицо, и настойчиво звала, и томила. И тусклою сжималось сердце тоскою, - и не усидеть было на месте.

Александра Ивановна поспешно разделась. Нагая, белая, тихо вышла в сени, приоткрыла наружную дверь, - на крыльце и на дворе никого не было, - пробежала двором, огородом, добежала до бани, резкое ощущение холода в теле и холодной земли под ногами веселило.

Легла на траву, на живот. Приподнялась на локтях, подняла лицо к бледной, мертво-тоскующей луне и протяжно завывала.

- Слышь, дядя, завывала, - сказал у ворот кудреватый.

Сладенький тенорок трусливо дрожал.

- Завывала, проклятая, - неторопливо отозвался сиплый и злой.

Встали со скамьи. Щелкнула щеколда у калитки.

Тихо шли двором и огородом двое. Впереди старший, дюжий, чернобородый, с ружьем в руках. Кудреватый трусливо жался сзади. Выглядывал из-за плеча.

За банею лежала в траве большая белая собака и выла. Ее голова, черная на макушке, была поднято к ворожащей в холодном небе луне, задние лапы были странно вытянуты назад, а передние упруго и прямо упирались в землю. В бледно-зеленом и неверном озарении луны она казалась огромною, - такую огромною,

каких и не бывает на свете собак. Шерсть на теле была такая короткая, что собака издали казалась совсем голою, и кожа ее матово светилась в лунном свете, и похоже было на то, что в траве лежит и воет по-собачьи голая женщина.

Чернобородый прицелился.

Гулко прокатился удар выстрела. Собака завизжала, вскочила на задние ноги, прикинулась голою женщиною и, обливаясь кровью, бросилась бежать.

Чернобородый и кудреватый повалились в траву и в диком ужасе завыли.

Commentary on the Russian:

- *суцая собака*: собака is a term of abuse applied to persons of either sex when they are thought of as aggressive, vicious and rude
- *завсегда лаетесь*: both words are substandard; the adverb is the vernacular for всегда (“always”), while the verb is a low-col. synonym of браниться (“quarrel”, “scold”); what makes it “common” is the reflexive ending, which also points to a human doer of the action, whereas the standard лаять (“bark”) describes the noise made by dogs and some other animals (in its literal meaning) and, figuratively, also sounds, such as a hacking or angry words, produced by people.
- *зауши выдеру*: now usu. уши надеру, a traditional threat aimed at a naughty child; ear pulling is about the commonest corrective method in the R. parent’s arsenal, for it has the combined merit of being painful and unlikely to impair the victim’s health.
- *лапки коротенькие*: the idiom is a contextual variation on руки коротки (“sb’s reach is too short”, i.e. sb does not have the power, authority or influence to do sth – often used as a rejoinder implying that the person threatening to harm the speaker will not be able to carry out the threat).
- *Барбос*: originally, a common dog’s name; now chiefly a disparaging or humorous wd for a big shaggy mongrel.
- *по старой памяти*: the phrase usu. has a positive connotation (“for old times/memories sake”, “out of old habit”), often implying that the memories are pleasant because they are related to an old friendship, attachment, etc.; here used with a touch of irony
- *их не задевать оне очень строгие*, etc.: the “third person plural” forms act roughly the same way as the Italian Lei in that they express reverence or great respect for the party alluded to; the difference is that, far from being a feature of refined speech, this, in fact, substandard usage that sounds revoltingly obsequious and suggests a servant referring to a social superior; оне is the archaic feminine form of они
- *или там лисица, что ли*: или там (“or else”) makes the utterance more colloquial and also suggests that the item thus introduced is more optional than in the case of simple или – a purpose served equally well by что ли (here, “or something”), which makes the latter redundant
- *да что*: the phrase is functionally similar to an interjection and implies that the

speaker is resigned to the situation (cf. “can’t be helped”)

- *ветхие слова*: contextual figurative use; *ветхий* is literary “dilapidated”, “rickety”, “threadbare”, and normally describes something more tangible than words

- *я каркаю*: lit. “I saw”, but the verb is also commonly used to mean “foreboding ill” (Смотри, накаркаешь еще – “Careful, or you’ll bring down evil by your own prophecies”); the same range of meanings is covered by the E. “croak”, but it is more readily associated with frogs and toads, and of birds, with ravens rather than crows, while the figurative sense of “predicting misfortune” is almost forgotten

- *мне дадено предвиденье*: *дадено* is dial.; standard R. has *дано* (“endowed with”)

- *весноватого парня*: *весноватый* was once interchangeable with *веснушчатый* but has now been almost fully displaced by the latter.

The White Dog

By Fedor Sologub

She loathed it now, loathed everything about this dressmaker’s shop in a godforsaken provincial town – the patterns, the rattling sewing machines, the fickle customers. Alexandra Ivanovna had spent years here, first as an apprentice, then as a cutter, and she found all of it annoying, carped at everyone, berated the meek apprentices, and picked on Tanechka, too, the junior seamstress only just promoted from apprentice. Tanechka suffered this silently for some time, but then said, in a tiny, polite voice and so calmly that everyone laughed, except Alexandra Ivanovna.

“You’re a regular bitch, Alexandra Ivanovna, you are.”

Alexandra Ivanovna was cut to the quick.

“Bitch yourself!” she screamed at Tanechka.

Tanechka went on with her needlework. Every now and then she would put down her sewing and say quietly and distinctly:

“Allus snappin’ at people... Just like a bitch... Even your mug is like a dog’s... And your eras too...”

Tanechka was a young, pink-cheeked, plump girl with a comely, innocent, somewhat sly-looking face. She spoke in a clear, level little voice, ever so sweet and wheedling, and if you listened just to the sounds, ignoring the meaning of the words, it might seem that she was paying compliments to Alexandra Ivanovna.

Alexandra Ivanovna sat there purple with fury.

“You louse!” she shrieked again and again. “I’ll pull your ears! I’ll tear all your hair out!”

Tanechka replied in her tender little voice:

“Just you try it... Paws too short... The cur’s snarlin’ and bitin’...Wants a muzzle, it does.”

Alexandra Ivanovna made a lunge toward Tanechka. But at this point the shop mistress came in, broad, bulky, rustling with the folds of her lilac dress. And said harshly:

“Now, Alexandra Ivanovna, what’s all this?”

Alexandra Ivanovna cried out with great feeling:

“Irina Petrovna, ma’am, it’s the limit! Please tell her not to call me a bitch!”

Tanechka also chipped in to complain:

“Barked at me for no reason at all. Always gettin’ at me about trifles, and cussin’...”

But the mistress looked at her sternly and said:

“I can see through you, Tanechka. You were the one who started the ruckus, I’ll be bound. Don’t you imagine that if you’re a seamstress now you are free to carry on as you like. I can still call in your mother for a talk, as I used to.”

Tanechka flushed scarlet, but looked the same innocent, lovely damsel. She said humbly:

“Do forgive me, Irina Petrovna, I won’t do it again. I always take care not to tread on their toes. But her’s touchy as the blazes, it’s ‘I’ll pull your ears’ at the merest word. And her a seamstress like me; I’m no longer a hussy for her to order about.”

“Since when, Tanechka?” asked the mistress dangerously, walked up to the girl, and the deadly hush was disturbed by two resounding slaps and Tanechka’s faint squeal.

Alexandra Ivanovna returned home almost sick with rage. Tanechka had hit her where it hurt most.

“So what if I’m a bitch,” thought Alexandra Ivanovna. “What business is that of hers? I am not trying to nose out what she is, am I – a snake, or a vixen, or what have you. She’s Tatiana and that’s that. Anyone can be found out, but why call a body names? A bitch is no worse than the next creature.”

The pale summer night sighed and languished, breathing the cool languor of nearby fields at the town’s peaceful streets. The moon had risen, clear, full, exactly as it used to be then, over that vast empty plain, a home to the wild, the free, the roaming who howled with ancient unearthly anguish.

And just like then, the yearning eyes blazed, and the wild heart contracted painfully with the memory of vast open spaces, untamed by town life, and the throat choked in a spasm desperate to utter a savage scream.

She started to undress, but gave it up: There was no falling asleep now.

She went out to the porch. Grandma Stepanida was there, dark-faced, in dark dress, old and wizened. She sat hunched up as though warming herself in the moon’s cold rays.

Alexandra Ivanovna sat down beside her, on the porch steps.

She eyed the old woman’s profile. The old one’s big hooked nose seemed to her an ancient bird’s beak.

“A crow?” Alexandra Ivanovna mused.

She moved closer to the old woman and said pleasantly:

“Granny Stepanida, can I ask you something?” The old hag turned to her a dark deeply furrowed face and asked in a shrill aged voice, like a crow cawing:

“What is it, my pretty?” Ask away.”

“It’s my impression, Granny, only please don’t take offense, that you, Granny, are a crow.”

The old hag looked away and shook her head in silence. She seemed to be straining to remember something. Her head with a sharply chiseled nose nodded and shook, and Alexandra Ivanovna fancied at times that the old one was dozing off. And dozing, mumbled under her breath. Shook her head and mumbled ancient, decrepit words. Magic words...

The old one was mumbling almost inaudibly:

“Aye, that I am, a crow. Only without wings. I croak and croak, but they takes no notice. But I’m blest with second sight, I am, and I can’t stop meself croaking, my pretty, only them stupid humans won’t listen. As soon as I see doomed creature, I wanna croak and croak and croak.”

The old hag suddenly flapped her arms and called shrilly, twice:

“Kaaah!Kaaah!”

Alexandra Ivanovna shuddered and asked:

“Who are you croaking to, Granny?”

Said the old one:

“To you, my pretty, to you.”

It felt eerie out there with the old hag. Alexandra Ivanovna went in. She sat down by the open window and listened to two voices on the other side of the gate.

“It howls and it howls,” a gruff, angry voice could be heard saying.

“Did you see it, nunky?” asked a sweet tenor.

Alexandra Ivanovna at once identified the tenor as the curly, gingery-headed, freckled lad, a next door neighbor.

A minute passed in dull silence. Suddenly the angry husky voice was heard again:

“I did an’ all. Big, it is. White. Lying there by the bathhouse howling at the moon.”

Once again the voice conjured up in her mind a broad black beard, a low fleshy forehead, pig eyes and fat legs splayed apart.

“Why’s it howling, nunky?” asked the sweet voice.

And again Husky took his time answering.

“Bad omen, this... And where it’s come from, I ain’t a clue.”

The moon shone straight into the face, and beckoned urgently, and tormented. And the heart ached with a dull yearning – impossible to stay in any longer.

Alexandra Ivanovna undressed hurriedly. Naked, white, she quietly walked through the passage, opened the front door a crack: No one on the porch, no one out in the yard. She ran across the yard, and on across the kitchen garden, and there was the bathhouse; the feeling of sharp chill in the body and the cold earth underfoot was

exhilarating. She lay prone on the grass. Raising herself on the elbows, she lifted her face to the pale, deadly, melancholy moon and gave a long howl.

“Hear that, nunky? It’s howling,” said Curly by the gate.

The sweet tenor was trembling with fear.

“So it is, drat it,” the angry Husky replied at length.

They got up from the bench. The gate latch clicked.

The two were walking through the yard and the kitchen garden. The older, hefty, black-bearded one went first, a shotgun in his hands. Curly slunk behind peeping over his shoulder in a cowardly way.

By the bathhouse, a big white dog lay in the grass, howling away. Its black-topped head was raised to the moon that was casting a spell from the cold sky; its hind legs were strangely outstretched, and the rigid forelegs were dug into the ground. In the jade-green deceptive light of the moon it seemed enormous, bigger than any dog anyone had seen. Its fur was so short that the dog appeared naked from a distance, its skin gleamed dully in the moonlight, and it seemed as though lying there howling in the grass like a dog was a naked woman.

Black Beard took aim.

The bang of the shot reverberated through the night. The dog yelped, leapt up to its hind feet, pretended to be a naked woman and, bleeding heavily, ran off.

Black Beard and Curly dropped down on the grass and screamed in terror.

2.5 Два случая (Александр Шахов)

Однажды я поднимался по одной из вершин Тянь-Шаня¹. Когда мы подошли к скале, под которой росла большая арча², Калмыков, мой проводник, рассказал небольшую историю.

В прошлом году недалеко от этой скалы остановилась экспедиция, в которой Калмыков был тоже проводником. Как-то рано утром он отправился под эту скалу за дровами – нужно было готовить завтрак. Только что проводник поднял топор³, чтобы ударить им по стволу арчи, как услышал сбоку шум. Повернув голову, он увидел невдалеке бегущего илека⁴ (косулю), которого настигал барс. Погоня, по видимому, продолжалась давно, так как илек бежал измученный, с открытым ртом. Увидя человека, он бросился к нему искать защиты и остановился у самых его ног. Илек дрожал от страха и усталости.

Барс тоже остановился поблизости. Проводник, собираясь защищаться, поднял топор. Зверь внимательно оглядел его, ударил длинным хвостом по камню и скрылся в зарослях арчи.

Когда Калмыков кончил рассказывать, я спросил его:

- Что же случилось с илеком?

- Точно не знаю, но, кажется, с ним беда приключилась. Как только зверь забежал на скалу, так мой козел задал лататы⁵. А минуты через две, не более, илек как-то по-чудному рывкнул в кустах. Должно быть, барс настиг его.

- Подержать бы вам козла с полчаса около себя – ведь он совсем рядом с вами был. За это время барс далеко убежал бы.

- Конечно, можно было бы попридержать его за рога. Это дело немудреное.⁶
Сплоховал я.

Но, помолчав немного, проводник вдруг махнул рукой:

- Да ну его! Возьмись с ним! У меня и без того хлопот было много. Попал на зубы, ну и шут с ним.⁷

- Идите. Я догоню вас, - сказал я и наклонился к ботинку – будто у меня развязался шнурок

Когда проводник удалился от меня на большое расстояние, я пошел, не догоняя его. Мне было неприятно идти рядом с ним.

Этот случай вспомнился мне прошлой осенью, когда я довил из-подо льда на блесну рыбу на одной из рек Калининской области.

Река только что замерзла, лед был еще так тонок, что уходить далеко от берега я боялся. За мной метров на двадцать тащилась веревка. Она была привязана к поясу на случай, если я провалюсь. На веревке вытаскивать легче. Накануне один рыбак, как рассказывали мне, желая показать свое бесстрашие, побежал по льду и на середине реки провалился. Он долго не мог выкарабкаться на лед. Подходить к нему было опасно – тоже можно оказаться в воде. Недалеко находился колхоз. Один из местных жителей, увидев, что тонет человек, принес вожжи и конец их бросил утопающему. Рыбак был спасен.

Рыба ловилась плохо. Ко мне подошел веселый молодой колхозник с деревяшкой вместо левой ноги.

- Не ловится? – спросил он.

- Нет.

- А вы бы на середину реки пошли. Там всегда судак держится.

- Страшно.

Ничего не страшно.⁸ Вот смотрите, как я пойду. Мне обязательно надо переходить реку – к бакенщику иду за табачком.

- Шут с ним, с табаком! – стал я его отговаривать. – Жизнь дороже табака.

- Э, какая без табака жизнь! С утра не курил. А на этой стороне табаком никто не занимается.⁹ Вот и иду к бакенщику. Он недалеко живет.

Мои уговоры не подействовали. Колхозник согласился лишь привязать к поясу мою веревку. После этого, стуча впереди себя толстой палкой, он отправился через реку. Дед под ним трещал и гнулся. Звук был такой, будто он шел по железной крыше. Я глядел на него с замиранием сердца.

Подойдя к противоположному берегу, он смотал веревку и перекинул ее через плечо.

- Отдам на обратном пути! – крикнул он.

Часа через три колхозник возвратился. Покуривая, он весело сказал:

- Ваша веревка – тю-тю!¹⁰

- Как это «тю-тю»? – спросил я, не понимая.

Он рассказал, как вблизи будки бакенщика из лесу вышел лось и направился по льду. На середине реки, где лед в начале зимы бывает особенно тонким, зверь провалился. Он попробовал вылезти из воды, но лед его не держал. Тогда лось, желая пробить дорогу к берегу, принялся работать передними ногами. Под его могучими ударами лед крошился. Ближе к берегу лед стал толще, и его нельзя было разбить ногами. Зверь попробовал выпрыгнуть, но передние ноги разъехались по льду. Опоры для них не было. Прыгал он долго в разных местах, но безуспешно. Прошло часа два, измучился лось и положил голову на лед. Обессиленный, он замерзал.

Все это видел бакенщик. Он ничем не мог помочь зверю. В это время и появился колхозник с деревяшкой вместо ноги. Он подошел к лосю насколько было возможно, снял с плеча веревку, сделал петлю и накинул ее на рога.

- Эй, друг, пособи-ка! – крикнул он бакенщику.

Бакенщик взялся за конец веревки.

Старались они долго. Ничего у них не выходило. Грудь животного упиралась в край тонкого льда, а приподнять ее было невозможно.

Наконец лось, собрав последние силы, выбросил передние ноги на лед. Люди быстро подтянули животное к себе.

Когда они подтащили его к берегу, колхозник подошел к зверю, чтобы снять веревку с рогов, но лось так резко и сильно мотнул головой, что вырвал ее из рук, затем тяжело поднялся и сначала медленно, а потом быстрее побежал в лес.

Старик рыбак, присутствовавший при этом разговоре, возмутился:

- Эх, растяпы, вдвоем не смогли удержать! Зверь-то уже без сил был.

- Да, силенок у него маловато было, - ответил колхозник.

- В чем же тогда дело? – спросил старик.

- А не захотел я.

- Понимаю... - сказал разочарованно старик. – Выходит, не пожелал воспользоваться случаем?

- Выходит так.

- Не охотник ты! – буркнул старик.

- Это я-то? Первым добытчиком в нашем колхозе считаюсь. Встретился бы мне этот лось в добром здравии – я, пожалуй, спуска ему не дал бы.¹¹

- Тогда чего же ты упустил зверя? – приставал старик.

- Потому что знаю – на свете ничего не может быть лучше неожиданного спасения. Года три-четыре подряд после этого ходишь веселый, и всему радуешься, и никому не завидуешь. На себе испытал. В Отечественную войну, когда был ранен в ту ногу, вместо которой сейчас деревяшка, совсем приготовился умирать – знал, что проживу не больше пяти минут, и вдруг вышел такой случай – жив остался. Потому я и не завидую вам, двуногим. Ну, до свиданья!

Он пошел, но шагов через десять остановился.

- Да, совсем забыл, - сказал он мне. – Так что ваша веревка – тью-тью. Убежала она. Если желаете, взамен принесу свою.

Commentary on the Russian:

- *по одной из вершин Тянь-Шаня*: the Tien Shan range, which is “Heavenly Mountains” in E., lies to the north of the Tarim basin in the Xinjiang autonomous region in north-west China. Extending westward into Kyrgyzstan, Central Asia, it rises to a height of 7,439 m at Pik Pobeda (Victory Peak).

- *большая арча*: арча is the local appellation for the juniper family that is normally used in R. in Central Asian settings; otherwise, the plants go by the name можжевельник.

- *только что проводник поднял топор*: только что in the meaning “hardly” (front position) is going out, ceding the ground to its synonym как только; the only universally recognized sense of the phrase at present is “only just”, “just now” (он только что ушел – “he’s only just left”).

- *бегущего илека*: илек, the local name of the roe deer, is virtually unknown to R. speakers unversed in zoology, which is why the author thought it necessary to explain the wd in brackets.

- *козел задал лататы*: козел (“goat”) applied to this small member of the deer family is no slip of the tongue, for the roe buck is popularly viewed as a goat-like creature, hence is alternative name of дикая коза (“wild goat”), and indeed also the etymology of its standard name козуля, a corruption of козуля (“little/pretty goat”); incidentally, its Latin name suggests that it is not just laymen who are in two minds about the animal: *Capreolus capraea* is clearly related to Capra, the Latin for proper goats. Задать лататы is a highly coll. idiom meaning “to take to one’s heels”, “to leg it”, “to turn tail and free”, etc., but in this form it is beginning to look somewhat exotic, as what one comes across far more often are its alternatives (за)дать стрекача/деру/драла/драпака/тягу; etymologically the wd лататы is connected with лататах, a west R. onomatopoeic wd that describes the patter of running feet, etc.

- *дело немудреное*: немудреный is statistically less predictable in this context than нехитрый, and therefore sounds more expressive.

- *Попал на зубы, ну и шут с ним*: попасть на зубы is obviously literal here, though normally it would have в зубы; used figuratively, the phrase also constitutes a common idiom, with зуб in the singular, which means “to become the target of sb’s tongue”, or “the butt of sb’s ridicule, criticism, etc.”, шутск/ч-л (“damn/bugger sb/sth”, “who the hell cares”, etc.) can almost be described as a mild imprecation, probably the most euphemistic of its family which also contains черт с ним, пес с ним, хрен с ним, прах с ним (this one old-fashioned), фиг с ним (the latest addition), and other altogether unmentionable members.

- *Ничего не страшно*: a common coll. denial with very loose structural connection between the two halves; ничего не can combine with virtually any part of speech: e.g.: Да ведь придется ехать в такую даль! – Ничего не придется, or Ничего не ехать, or even Ничего не в даль (“But it would imply going all the way”. “No, it

wouldn't").

- *Табак*ом никто не занимается: here, no one grows tobacco (on this bank of the river); actually, not tobacco, which is a subtropical species, but its hardier relation *Nicotiana rustica* known in R. as махорка, that yields an interior evil-smelling type of “snout” with a powerful kick.

- *Ваши веревка – тю-тю*: тю-тю is an interjection-like phrase meaning “gone” that might have been inspired by the same idea as the E. “you can whistle for it”, тю being a verbal substitute for a whistle.

- *Спуска не дал бы*: the phrase appears to be used in a more or less literal sense here (i.e. не отпустил бы – “wouldn't have let go/set free”), whereas it is in fact an idiom (не (да)вать спуска/спуска к-л), meaning “allow no liberties”, “not let sb get away with it”, “be tough with sb”, that is applied strictly to humans (cf. “to give no quarter”).

Two Incidents

By Alexander Shakhov

One day I was walking up the slope of a Tien Shan mountain. When we got to a rock sheltering a biggish juniper tree, my guide Kalmykov told me this story.

The previous year, Kalmykov had guided another expedition that also camped that juniper. Early one morning he went to look for firewood under that rock – there was breakfast to be cooked. The guide had hardly raised his ax hack at the tree trunk when he heard a noise. He looked round and saw, some distance away, running ilek (roe buck) with a snow leopard in hot pursuit. The chase must have been going on for quite some time, for the ilek ran with its mouth hanging open, clearly exhausted. Seeing a man, it sprinted toward him for protection and halted right by his feet. The ilek was trembling with fear and exhaustion.

The leopard too stopped nearby. The guide raised his ax to defend himself. The animal gave him a cold stare, lashed a boulder with its long tail and disappeared into the dense juniper undergrowth.

When Kalmykov finished his story, I asked him:

“Well, and what happened to the ilek?”

“I'm not sure, I supposed it came to grief after all. As soon as the beast rounded the rock, my buck bolted. And some two minutes later, no more, the ilek gave a curious little bark in the shrubs. The leopard must have got him.”

“Why didn't you keep the buck at your side for half an hour or so? It was right there at arm's length, wasn't it? And the leopard would have gone a fair distance by then.”

“Sure, I couldn't grabbed him by the horns and stopped him for a while. Nothing to it. Didn't occur to me then.”

But after a pause the guide suddenly waved his hand dismissively:

“Oh, to hell with him! Too much bother. Had enough on my plate without that buck. Serve him right. Shouldn’t have let the leopard get its teeth into him.”

“You go on ahead, I’ll catch up with you,” I said and bent down to my boot, pretending that the shoelace had come undone.

When the guide was a considerable distance away, I resumed walking but did not try to catch him up. I suddenly found his company detestable.

The episode came back to me last fall when I was ice fishing with a spoon-bait on a river in the Kalinin Region.

The river had only just frozen over, and the ice was still so thin that I was afraid to venture out too far from the bank. Trailing behind me I had a length of rope some twenty yards long. It was tied to my belt just in case, if I fell through the ice. It is easier to haul a man out when there’s a rope. The day before an angler had run on the ice, to show off his daring, I was told, and fallen through in the middle of the river. He spent a good deal of time trying to scramble onto the ice. It was not safe to get near him – one could easily go down as well. Not far away there was a collective farm. One of the locals saw the drowning man, fetched a pair of rains and threw one end to the unfortunate fellow. The angler was saved.

The fishing was pretty slack. A cheerful young farmer with a wooden leg came up to where I was sitting.

“Doesn’t bite?” he asked.

“No.”

“Why don’t you try closer to the middle? There’s always plenty of pike-perch there.”

“I’d be scared to do that.”

“Nothing to be scared about. Watch me do it. I have to cross over anyway – going to the buoy-keeper for a bit of baccy.

“Baccy can wait,” I tried to talk him out of this reckless trip. “Life is dearer than tobacco.”

“Eh, what good is life without a pinch of baccy? Haven’t had a puff since morning. And this side of the river no one goes in for the stuff. So I’m going to the buoy-keeper. His place is not far from here.”

My reasoning had no effect. The farmer made only one concession - he agreed to tie my rope to his belt. Having done that, he set off across the river testing the ice in front of him with a heavy stick. The ice crackled and sagged under his weight. It sounded as though the man was walking on a tin roof. I watched him with a sinking heart.

Reaching the opposite bank, he coiled the rope and threw the bundle over his shoulder.

“I’ll return it on the way back,” he shouted.

Some three hours later, the farmer reappeared. Puffing away he said with a merry twinkle:

“Your rope’s gone missing, mister.”

“How do you mean, ‘gone missing’?” I asked, bewildered.

He told me how an elk had come out of the forest near the buoy-keeper’s cabin and ambled on to the ice. In the middle of the river where the ice is especially thin in early winter, the animal fell through. It tried to get out of the water, but the ice would not hold it. Then the elk started to work with its front feet to break a passage to the bank. The ice crumbled under its mighty blows. But closer to the bank the ice was thicker and resisted the elk’s hooves. The animal tried to leap out, but its front feet slithered apart on the ice. There was nothing to hold on to. It went on thrashing and leaping a long time, but to no avail. Two hours passed. The elk was dead beat and laid its head on the ice. Completely exhausted, it was slowly freezing to death.

The buoy-keeper had witnessed its struggle. He could not help the animal. At that point the farmer with a wooden leg came along. He got as close to the elk as was reasonably safe, took the coiled rope off his shoulder, made a noose and lassoed the beast’s antlers.

“Hey, mate, lend us a hand, will you?” he cried to the buoy-keeper.

The buoy-keeper took hold of the rope’s end.

They went on trying a long time. And did not seem to be getting anywhere. The animal’s chest was jammed against the edge of thin ice and there was no way of pulling it up.

At last the elk, mustering up what little strength it had left, threw its forelegs onto the ice. The men quickly pulled the animal toward them.

When they hauled it up on the bank, the farmer approached the animal to remove the rope, but the elk tossed its head so violently that the rope was wrenched from the man’s hands. Then the buck got to its feet with an effort and trotted away to the forest, first slowly, then at a fair pace.

An old angler who was present at our conversation cried out indignantly:

“A pair of boobies, that’s what you are. Couldn’t hold him between the two of you. The creature was pooped.”

“So he was, mate, ready to drop,” replied the farmer.

“What was stopping you then?”

“Didn’t want to, that’s what.”

“I see...” drawled the old man in disappointment. “So you didn’t want to use the chance?”

“That’s right.”

“You’re no hunter!” growled the old man.

“No hunter? Me? I’m the best hunter in these parts, if you must know. If I’d come across that elk when he was in top form, I wouldn’t have let him off so easily.”

“Then why did you let him go this time?” the old man went on unable to drop the subject.

“Because I know there’s nothing like unexpected salvation. For three or four years afterwards you walk about cheery and light-hearted and don’t envy a soul. I know it at first hand. In the War, when this leg of mine got smashed, where the lump of wood is

now, I was all ready to die, knew I had no more than five minutes to live, and suddenly it so happened that I stayed alive. So I have no envy for you two-legged lot. Well, I'll be saying good-bye."

He started walking, but after a dozen paces he stopped.

"Ah yes, I was forgetting," he said to me. "Your rope, it's gone and all. Ran away, it did. I'll bring you my own as replacement if you wish."

2.6 Котелок походный прохудился (Евгений Попов)

У деда Прони¹ был медный котелок, в котором он варил пшеничную кашу и гороховый суп.

Деда Проня очень любил котелок. Он его чистил песком речным, пока в городе не стал кругом асфальт. А потом – пастой «Скаидра» по цене шестьдесят копеек пластмассовая баночка.

И вот надо же² – котелок походный прохудился.

Деда Проня налил воды, включил электроплиту, а электроплита зашипела от котелка. И шипела, и шипела, и шипела...

А у деда Прони имелся также телефон. Деда Проня набрал номер под названием «Бюро добрых услуг».³

- Але! Але!..

А ему в ответ:

- Бюро добрых услуг.

- У меня эта⁴... котелок. Надо, видать, лудить, - объяснил деда Проня.

Добрые услуги сильно задумались:

- Как вы сказали?

- Лудить. Надо лудить. Оне... он прохудился. На доньшке, видать, дырочка махонькая.⁵ Надо лудить.

- То есть вы хотите, дедушка, чтобы мы эту дырочку как бы заштопали, - рассмеялись добрые услуги.

- Ну⁶ ...

- Мы этого не оказываем⁷. Мы синтетические плащи штопаем, кожгалантерею. Впрочем, ладно. Оставьте телефон. Я позвоню.

Довольный деда Проня, потирая старые руки, сходил к холодильнику и отрезал кусок рыбного пирога, купленного в домовой кухне на углу. Пирог он запил кисло-сладким квасом, приобретенным на том же углу из цистерны.⁸

Покушав, сел у телефона и стал дремать, дожидаясь сигналов.

Старый дом снесли, выделив однокомнатную квартиру. Старуха давно померла. Дети разъехались по белу свету. Аккуратненький старичок, содержащий себя в полном порядке. Рубашки, трусы – из прачечной. Оттуда же – свежие простыни. Деда Проня сам нашивал свою именную метку под номером ЗС625.

- Ты бы женился, Проня, - говорили ему друзья. – Одному не светит.⁹

- Я не один. Со мною весь народ, и прачечная под боком, - обычно отвечал Проня, и глаза его не туманились.

- Помрешь, и никто не определит, - судили друзья.

- После смерти моя смерть меня не интересует. Давайте-ка лучше споем.

И они запевали, три друга – Проня, Ваня и Николай.

Течет реченька да по песочичку-у,

Золотишко моет...

Дзы-ынь!.. Разбудил телефонный звонок.

- Насчет котелка вы звонили? В общем, нигде. Придется вас огорчить.

Подобного вида услуг нигде не оказывается.

- И что мне делать?

- А я откуда знаю?.. А вы кастрюлю купите, эмалированную...

- Ты со мной, барышня, такие шутки не шути, - обиделся деда Проня.

- Вы простите, я так... Это старичок звонит, - кому-то шепотом пояснила барышня. – Впрочем, попытайтесь на углу Засухина и Кривцова, там есть один, Сеня его зовут.

- Вас понял. Благодарю. Отбой. Вас понял.¹⁰

«Я вас давно понял», - бормотал деда Проня, выходя на улицу. Чистый старик в черном длинном драповом¹¹... Укутанный в теплый шарфик... Черная кепка. Метка рубашки –ЗС625...

В мастерской он сразу сообразил, который из них Сеня. Тот сидел в свободной позе, но вид имел деловой. Толстенький молодой человек с кудрявыми бачками. Нейлоновая сорочка и яркий синий галстук.

- Сень, а Сень, ты подь сюда¹², - сказал дедушка.

- Вы меня? – приподнялся Сеня, беседовавший за фанерной загородкой с двумя вальжжными дамочками. Одна из них шутя била Сеню замшевой перчаткой по волосатым пальцам.

- Если ты Сеня, так тебя.

- Ну, Сеня.

Дамочки не смотрели на просителя. Деда Проня только открыл рот, чтобы сказать дело, как тут вдруг совсем рядом дико рявкнул магнитофон и обоеполый голос взвыл:

А я

Жду у моря, жду у моря –

При-хо-ди!

И различные электро- и просто инструменты завывали такими электро- и просто воплями, что у деда зарябило в глазах. Дальнейший его разговор с умельцем Сеней выглядел так:

- Ну!

- Чего?

- Ну вот...

- Чего вот?

- Котелок.
- Ну и чего?
- Надо лудить.
- Не.
- Чего «не»?
- Не можем.
- Денег дам.
- Все дают.
- Выключите вы свиристелок¹³ – заорал деда Проня магнитофонщикам.

Те удивились, но выключили.

- Сеня, будь другом, сделай, - тоскливо заговорил дедушка. – Я в долгу не останусь.

- Да ну правда же, дед. Я тебе без туфты¹⁴ говорю. Я правда не могу. И инструмента у меня на это дело нету.

- Точно?

- Без туфты. Я же говорю.

И деда Проня покинул развеселую мастерскую, где Сеня немедленно продолжил свои ладушки¹⁵ с замшевой перчаткой.

И довольно долго везде ходил, но нигде не добился положительного успеха. Даже и не обещали: на Русаковской штамповали латунные пуговицы для пиджаков, на Еремина – чинили электробритвы, а в Николаевке и вообще – гравировали таблички для покойников.

Деда Проня встал на углу. Народ шел туда и сюда. Мужик нес старый телевизор, завязанный в простыню.

- Ты куда его тянешь? – поинтересовался деда Проня. – В ателье?

- Не, - мужик покачал головой. – Сдавать иду¹⁶, а доплачу и куплю новый.

- Цветной, что ли?

- Не, - мужик почему-то испугался. – Нам не цветной. Нам на цветной доходы еще незначительные, - нервно засмеялся мужик.

- Наверняка цветной купит, дьявол, - сказал деда Проня, провожая его взглядом. – А что хорошего в цветном? Одно, что цветной, а так – телевизор да и телевизор.

Так сказал деда Проня и отправился на Коммунальный мост.

А Коммунальный мост, ажурное создание из железа и бетона, соединял новую и старую части города, города К,¹⁷ в котором жил деда Проня.

Видны были: широкая панорама развернувшегося до небес строительства, и стадион на десять тысяч мест, и оперный театр, и купола Покровской церкви, и кладбище, и телевышка «Орбита»,¹⁸ и бесконечная отступающая тайга, отступающая, тающая, уходящая.

Под мостом тек Енисей. Он был серый. В учебниках было написано, что Енисей тек из Тувы¹⁹ в Ледовитый океан.

- Надо же, столько воды, и вся пойдет на дело, - пробормотал деда Проня и,

перегнувшись через перила, выпустил котелок из рук.

Котелок летел вниз. Он летел вниз и, ослепительно сияя на солнце, превращался в точку. Он превратился в точку, но вошел в воду с плеском.

Плесь! И нету котелка...

Commentary on the Russian:

- *У деды Прони*: Проня is a diminutive of Прохор (less likely, of Прокофий or Пров), formerly a common appellation among Russian peasants, workers and merchants, and so unequivocally points to the man's humble background; деда (fem. баба) + a familiar form of the Christian name is a form of address used esp. by children talking to an elderly person that immediately conjures up the image of someone kindly and inoffensive.

- *надо же*: the phrase is used as an exclamation to express surprise, displeasure, disappointment (“there!”, “think of it!”, “of all things!”).

- *бюро добрых услуг*: also, less pretentiously, бюро бытовых услуг; since the 1960s, a type of enterprise that was supposed to perform most household tasks ranging from minor repairs to baby-sitting to cleaning to room redecorating.

- *эта*: a phonetically accurate representation of это, a common “stopgap” device that fills a pause while the speaker is searching for the right word.

- *дырочка махонькая*: махонькая is a vemaacular adj. meaning “very small”, a degree smaller than its standard R. cousin маленькая.

- *Ну*: a handy little word by which Russian speakers manage to convey a staggering amount of meanings (“well”, “now”, “now then”, “come on”, “well, I never”, “cool”, “so?”, “huh?”, “you bet!”, “that’s right”).

- *Мы этого не оказываем*: the crippled remains of the formal phrase оказывать услуги axed to adapt the unwieldy bit of written language for colloquial use.

- *из цистерны*: a time-honored Soviet method of selling popular beverages, mostly beer and kvass; the “cistem” was in fact a biggish metal tank mounted on two wheels with a tap at one end that a truck could tow to any convenient place where it was unhitched and the vital fluid poured into the more or less capacious receptacles brought by the thirsty citizenry. Not a very hygienic way, though, as the rarely or never washed barrels eventually developed numerous thriving colonies of the most disgusting creepy-crawlies in their cozy recesses.

- *одному не светит*: loose use of the highly coll. idiom (что-либо кому-либо) не светит (“sb has little or no hope of obtaining or doing sth”).

- *Отбой. Вас понял*: here Grampa Pronya falls back on the army radio/telephone exchange formula.

- *в черном длинном драповом*: a self-explanatory case of ellipsis, for драповое could only be пальто.

- *подь сюда*: substandard for поди сюда (“come here”).

- *выключите вы свиристелок*: the insertion of **вы** indicates the speaker's irritation; *свиристелка* is a bit of misnomer here, for it means a type of handsomely marked bird ("waxwing"), a fife, and, more figuratively, a flippant young female, none of which would do justice to the ugly noise issuing from the tape-recorder.

- *без туфты*: *туфта*, lit. "crudely made fake", has developed a number of slang meanings, such as "feigned labor" (prison slang), "inflated results" (in an official production report), "lemon", "baloney", "deception".

- *ладушки*: humorous use; lit. a game that consists in patting or clapping together a baby's hands, often accompanied by a nursery rhyme.

- *Сдавать иду*: the phrase dates the story's setting squarely as the late 1970s, when against the background of worsening consumer shortages, there was an overproduction of some types of goods, television sets among them, and the authorities tried to whip up demand by promises of new sets sold at a discount in exchange for old ones, often still in working order.

- *города К*: a thinly veiled reference to Krasnoyarsk, a large industrial center in Siberia.

- *Орбита*: the system of satellite TV used to broadcast programs from Moscow to Siberia and the Far East.

- *из Тувы*: Tuva is an autonomous republic in southern Siberia, on the frontier with Mongolia; a mountainous region that includes the upper basin of the Yenisei River, Tuva was formerly part of the Chinese Empire, falling under Tsarist Russia in 1914. The Tuvans are a Turkic-speaking people and are largely pastoralists.

Hole in the Mess Tin

By Yevgeny Popov

Grampa Pronya had a copper mess tin he used for cooking millet pudding and pea soup in.

Grampa Pronya was devoted to his mess tin. He burnished it with fine river sand, until everywhere in the city got macadam. After that he took to cleaning it with Skaidra paste, sixty kopecks a plastic box.

And now it'd worn through, his mess tin.

Grampa Pronya filled it with water, turned on the electric cooker, and the electric cooker hissed from the mess tin. And went on hissing, and hissing, and hissing...

But Grampa Pronya, he also possessed a telephone. He dialed a number that was under the heading "Good Services Bureau".

"Hullo? Hullo?"

"Good Services Bureau here", came the reply.

"I've got this here... you know... mess tin. Wants tinning, I reckon," explained Grampa Pronya.

Good Services thought long and hard:

“Come again?”

“Tinning. Wants tinning. Her...it’s got a hole in it. This tiny little hole in the bottom, I reckon. Wants tinning”.

“You mean, sir, that you would like us to sort of patch up that little hole?”
laughed Good Services.

“Aye...”

“We don’t render this. We mend synthetic raincoats, haberdashery and leather goods. Oh well, all right. Give me your number and I’ll ring you back.”

Grampa Pronya, tickled pink, rubbed his old hands and made a trip to the fridge; he cut off a slice of fish pie bought from the take-away at the corner. He washed the pie down with sour-sweet kvass purchased out of a cask at the same corner.

Having eaten, he sat down by the telephone and dozed off, waiting for signals.

His old house had been pulled down and he was rehoused in a bedsit. His old missus had been dead for ages. His children had left and settled all over the country. A neat old man who looked after himself. Shirts and underpants from the laundry. Clean sheets from the same place. Grampa Pronya sewed on his personal name tag number ZC625 himself.

“Why don’t you get married, man?” his friends would prod him. “It’s no good on your own”.

“Ain’t on my own. There’s the nation with me, and the laundry close at hand”, Pronya would retort, and his eyes would not mist over.

“You’ll peg out and no one around to see to things”, his friends warned.

“After death my death is of no interest to me. Let’s sing instead”.

And they would break into song, the three pals, Pronya, Vanya and Nikolai.

On the bed of sand runs a stream,

Panning grains of gold...

Brr-brr!.. A shrill phone ring woke him up.

“Did you call about a mess tin? Well, to cut a long story short, nowhere. Bad news. Services of this kind are not rendered anywhere”.

“So what am I to do?”

“How should I know?.. Why don’t you go and buy yourself a pot, an enameled one?..”

“Don’t you make fun of me, young lady,” Grampa Pronya rebuked her in an injured tone.

“Sorry, I didn’t mean to... It’s that old boy,” the young lady explained to someone in a whispered aside. “However, you could try that place at the corner of Zasukhin and Krivtsov Street. There’s this bloke, name of Zenya.”

“Got you. Much obliged. Over and out. Roger.”

“Got you long ago,” Grampa Pronya muttered, going outside. A nice warm scarf, a long black coat of thick worsted... A back cloth cap. Shirt tag ZC625...

In the shop he instantly identified one of them as Senya. The one who was sitting with a relaxed attitude but looked businesslike. A young roly-poly with curly

sideburns. A nylon shirt and a bright blue tie.

“Senya, come over here, lad,” said the old man.

“Do you mean me?” Senya half rose, breaking off his chat with two plump ladies behind a plywood partition. One of the ladies was playfully slapping Senya’s hairy fingers with a suede glove.

“You, if you be Senya.”

“Well, eyes, that’s me.” The ladies did not look at the supplicant. Grampa Pronya had barely opened his mouth to state his business when a tape-recorder close by gave a savage yelp, and a unisex voice rose in a scream:

And I am waiting,

Waiting by the sea;

Come to me-e!

And various instruments, electric and otherwise, howled with such deafening wails, electric and otherwise, that the old man saw stars. His subsequent dialogue with Senya the dab hand ran as follows:

“Well!”

“What?”

“Well, it’s this...”

“This what?”

“This mess tin.”

“So?”

“Wants tinning.”

“Nope.”

“What do you mean, ‘nope’?”

“We can’t.”

“I’ll play.”

“So does everyone.”

“Turn off them blessed screamers of yours!” yelled Grampa Pronya at the tape-recorder brigade.

They looked surprised but complied.

“Be a sport, Senya, do it for me,” Grampa Pronya implored. “I’ll make it up to you.”

“But I’m telling you, daddy. No kidding. I can’t do it, honest. I don’t even have the right tools for the job.”

“Sure?”

“No kidding, I’m telling you.”

And Grampa Pronya left the merry shop where Senya at once resumed his pat-a-cake with the suede glove.

He wandered about the city for quite a long time after that, but had no positive success anywhere. Not so much as a promise: on Rusakovskaya, they pressed brass buttons for men’s jackets; on Yeremin Street, they mended electric shavers; and in Nikolayevka it was altogether plate engraving for dead folk.

Grampa Pronya stopped on a corner. People were coming and going. A bloke was carrying an old TV-set wrapped in a sheet.

“Where you lugging it, mate?” Grampa Pronya inquired in an interested manner. “To a repair shop?”

“Nope,” the bloke shook his head. “I’ll turn this one over, pay a small sum and get myself a new telly.”

“Color, will it be?”

“Nope,” the bloke seemed alarmed for some reason. “We donna aim for color. Our earnings ain’t up to color yet,” he said with a nervous laugh.

“Bet he’ll buy color an’ all, the creep,” said Grampa Pronya looking after the man. “And what good is color? Just that it’s color, else – a telly like any other.”

So saying, Grampa Pronya repaired to the Communal Bridge.

And the Communal Bridge, that openwork creation of steel and concrete, linked together the new and the old sections of the city of K., where Grampa Pronya resided.

It afforded a view of: the broad panorama of grandiose construction work that filled the horizon; the stadium seating 10,000; the opera house; the domes of the Intercession Church; the graveyard; the Orbit television tower, and the endlessly receding taiga that was receding, melting away, vanishing.

Under the bridge flowed the Yenisei. It was gray. School textbooks said that the Yenisei flowed from Tuva to the Arctic Ocean.

“Fancy that, so much water and all of it will serve a purpose,” muttered Grampa Pronya and, leaning over the rail, let go of the mess tin.

The mess tin was dropping down. It was dropping down, gleaming in the sun, and was gradually reduced to a spec. It had been reduced to a spec, but it entered the water with a splash.

Plop! And the mess tin was gone...

2.7 О нас (Михаил Жванецкий)

Наши люди стремятся в Стокгольм (Лондон и т.д.)

Только для того, чтобы быть окруженными шведами.

Все остальное уже есть в Москве. Или почти есть.

Не для того выезжают, меняют жизнь, профессию, чтоб съесть что-нибудь, и не для того, чтоб жить под руководством шведского премьера...

Так что же нам делать?

Я бы сказал: меняться в шведскую сторону¹. Об этом не хочется говорить, потому что легко говорить.

Но хотя бы осознать.

Там мы как белые вороны², как черные зайцы, как желтые лошади.

Мы не похожи на всех.

Нас видно.

Мы агрессивны.

Мы раздражительны.

Мы куда-то спешим и не даем никому времени на размышления.

Мы грубо нетерпеливы.

Все молча ждут, пока передний разместится, мы пролезаем под локоть, за спину, мы в нетерпении подталкиваем впереди стоящего: он якобы медленно переступает.³

Мы спешим в самолете, в поезде, в автобусе, хотя мы уже там.

Мы выходим компанией на стоянку такси и в нетерпении толкаем посторонних. Мы спешим.

Куда? На квартиру.

Зачем? Ну побыстрее приехать. Побыстрее собрать на стол.

Сесть всем вместе...

Но мы уже и так все вместе?!

Но мы не можем расслабиться.

Мы не можем поверить в окружающее. Мы должны оттолкнуть такого же и пройти насквозь, полая синим огнем мигалки.⁴

Мы все кагэбисты, мы все на задании.

Нас видно.

Нас слышно.

Мы все еще пахнем потом, хотя уже ничего не производим.

Нас легко узнать: мы меняемся от алкоголя в худшую сторону.

Хвастливы, агрессивны и неприлично крикливы.

Наверное, мы не виноваты в этом.

Но кто же?

Ну, скажем, евреи.

Так наши евреи именно так и выглядят...

А английские евреи англичане и есть.

Кажется, что мы под одеждой плохо вымыты, что принимать каждый день душ мы не можем.

Нас раздражает чужая чистота.

Мы можем харкнуть на чистый тротуар.

Почему? Объяснить не можем.

Духовность и любовь к Родине сюда не подходят.

И не о подражании, и не об унижении перед ними идет речь... А просто... А просто всюду плавают утки, бегают зайцы, именно зайцы, несъеденные.

Рыбу никто свирепо не вынимает из ее воды.

И везде мало людей.

Станный мир.

Свободно в автобусе.

Свободно в магазине.

Свободно в туалете.

Свободно в спортзале.

Свободно в бассейне.

Свободно в больнице.

Если туда не ворвется наш в нетерпении лечь, в нетерпении встать.⁵

Мы страшно раздражаемся, когда чего-то там нет, как будто на Родине мы все это имеем.

Не могу понять, почему мы чего-то хотим от всех и ничего не хотим от себя?

Мы, конечно, не изменимся, но хотя бы осознаем...

От нас ничего не хотят и живут ненамного богаче.

Это не они хотят жить среди нас.

Это мы хотим жить среди них.

Почему?

Неужели мы чувствуем, что они лучше?

Так я скажу: среди нас есть такие, как в Стокгольме.

Они живут в монастырях. Наши монахи – шведы и есть.

По своей мягкости, тихости и незлобivosti.

Вот я, если бы не был евреем и юмористом, жил бы в монастыре.

Это место, где меня все устраивает.

Повесить крест на грудь⁶, как наши поп-звезды, не могу. Ее сразу хочется прижать в углу, узнать национальность и долго выпытывать, как это произошло.

Что ж ты повесила крест и не меняешься?

Оденься хоть приличнее.

В советское время было “веселей”⁷, заявил парнишка в “Старой квартире”.⁸

Коммунальная квартира невольно этому способствует.

Как было весело, я хорошо знаю.

Я и был тем юмористом.

Советское время и шведам нравилось.

Сидели мы за забором, веселились на кухне⁹, пели в лесах,¹⁰ читали в метро.

На Солженицыне была обложка “Сеченов”.¹¹

Конечно, было веселей, дружней, сплоченней.

А во что мы превратились, мы узнали от других, когда открыли ворота.

Мы же спрашиваем у врача:

Доктор, как я? Что со мной?

Диагноз ставят со стороны.

Никакой президент нас не изменит.

Он сам из нас.

Он сам неизвестно как прорвался.

У нас путь навверх не может быть честным – категорически.

Почему ты в молодые годы пошел в райком партии или в КГБ?

Ну чем ты объяснишь?

Мы же все отказывались?!!

Мы ввали, извивались, уползали, прятались в дыры, но не вербовались же ж!¹² Же ж!!!

Можно продать свой голос, талант, мастерство.

А если этого нет, вы продаете душу, и удивляетесь, почему вас избирают, веря на слово.

Наш диагноз – мы пока нецивилизованны.

У нас очень низкий процент попадания¹³ в унитаз, в плевательницу, в урну.

Язык, которым мы говорим, груб.

Мы переводим с мата.

Мы хорошо понимаем и любим силу, от этого покоряемся диктатуре и криминалу. И в тюрьме и в жизни.

Вот что мне кажется:

- Нам надо перестать ненавидеть кого бы то ни было.
- Перестать раздражаться.
- Перестать спешить.
- Перестать бояться.
- Перестать прислушиваться, а просто слушать.
- Перестать просить.
- Перестать унижаться.
- Улыбаться. Через силу. Фальшиво. Но обязательно улыбаться.

Дальше:

С будущим президентом – контракт!

Он нам обеспечивает безопасность, свободу слова, правосудие, свободу каждому человеку и покой, то есть долговременность правил.

А кормежка, заработок, место жительства, образование, развлечение и работа – наше дело. И все.

Мы больше о нем не думаем.

У нас слишком много дел.

Commentary on the Russian:

• *меняться в шведскую сторону*: creative use of the set phrase *меняться в лучшую/худшую сторону* (“change for the better/worse”) where *шведская* obviously implies the former.

• *белые вороны*: a common R. idiom suggesting fairly unorthodox (cf. “odd man out” or “square peg in a round hole”); *черные зайцы* and *желтые лошади* are the author’s coinages modeled on the same semantic pattern to develop the image, the colors being uncharacteristic of the animals in question.

• *медленно переступает*: the phrase sounds comic because it is far too

pompous for its context; a neutral verb would be *двигается* or *шевелится*, while the most likely option in a real-life situation would probably be *копается* (“dawdling”, “taking too long about it”).

- *польхая синим огнем мигалки*: reference to the practice of high (and not so high) officials to drive about at breakneck speed in idioms with rotating beacons on top, which is their idea of driving in style.

- *в нетерпении лечь, в нетерпении встать*: the first half is elliptical (from *лечь в больницу* – “to go to hospital”), the second is humorous use of the verb’s antonym *встать* irrelevant in a hospital context.

- *Повесить крест на грудь*: the current craze for advertising oneself as a believer is little more than “the done thing” not necessarily attended by genuine religious feeling; public figures regularly turn up in church lighting candles and crossing themselves, while more eccentric individuals, like pop stars, proclaim their new-found faith by displaying huge showy crosses on bare chests.

- *“веселей”*: apparently what the boy said, verbatim, but may also imply an allusion to the much quoted phrase of Stalin’s *жизнь стало лучше, жить стало веселей* (“Life has got better and jollier”) uttered at the height of political repression.

- *в “Старой квартире”*: a TV show that looks at one year in the past at a time; there old documentaries alternate with reminiscences of people in the audience.

- *веселились на кухне*: the Soviet kitchen was the proverbial safe haven where people got together drinking and exchanging dissident views and jokes, usu. well into the night.

- *пели в лесах*: another feature of the romantic dissident past; a forest was deemed sufficiently safe to sing anti-establishment songs in; some of those events were attended by vast numbers of people and prominent singer/songwriters, and though there were always a few plain-clothes KGB agents in the crowd, that only added to the spice.

- *обложка “Сеченов”*: Ivan Sechenov (1829-1905) was an outstanding natural scientist and founder of the Russian physiology school, and so completely beyond suspicion politics-wise, a perfect disguise for a book by outlawed Solzhenitsyn.

- *не вербовались жеж*: *не вербовались же* is perfectly enough; the final *ж* is in fact a repetition of *же* in its post-vowel form – a redundancy typical of substandard speech.

- *низкий процент попадания*: choice officialese that sounds hilarious in the “loo” context.

On Ourselves

By Mikhail Zhvanetsky

Our folk here are dying to be in Stockholm (in London, etc.)
For no other reason than to be surrounded by Swedes.
Everything else is there in Moscow already. Just about.

People do not go abroad, change lifestyle and profession to eat something there, nor to live under the Swedish premier's rule...

So what are we to do?

I'd say reform in the Swedish direction. I don't feel like talking about it, because it's all very well to talk.

But at least realize.

Over there we are like odd birds, blue rabbits, pink horses.

We are not like everyone else.

We are conspicuous.

We are aggressive.

We are tetchy.

We are in a hurry to get somewhere, and we don't let anyone pause and think it over.

We are boorishly impatient.

All people wait quietly for the foremost to settle down; but we squeeze through under the elbow, behind the back, we push the one in front in our impatience: He's too slow moving his feet, if you please.

We are in a hurry on board the plane, on trains and buses, though we are in already.

We troop into a taxi rank in a bunch and push others around in our impatience. We can't wait to get there.

Where? To the apartment.

What for? Well, to lay the table double quick.

To sit there together...

But we are all together already, aren't we?

We are incapable of unbending.

We can't believe what we see around. We must shove aside others like us and roar past flashing the blue blinker light.

We are KGB guys, every single one of us; we are all on a mission.

We are visible.

And heard.

We still give off a whiff of sweat, even though we no longer produce anything.

We are easily recognizable: A drink makes us change for the worse.

We are braggarts, we are bullies, we are shockingly clamorous.

Apparently, it is not our fault.

Whose, then?

Well, shall we say, the Jews'.

But our Jews look just like that...

And British Jews are regular Brits.

It seems that we are unwashed under our clothes, that we can't take a daily shower.

It galls us to see the others' tidiness.

We can spit on a clean sidewalk, just so.

Why? We can't explain.

Spirituality and love for Motherland are nothing to do with the case.

And it's not about aping, not about debasing ourselves before them...It's simply...Simply, there are ducks swimming, everywhere, rabbits running about, and I mean rabbits, uneaten.

No one savagely takes fish out of its water.

And wherever you look there are very few people in sight.

A weird world.

Plenty of space in buses.

Plenty of space in shops.

Plenty of space in public conveniences.

Plenty of space in gyms.

Plenty of space in hospitals.

Unless one of us bursts in itching to get a bed, itching to get out.

We feel awfully put out when we fail to find something there, as though back home in the Motherland we have it all.

It is beyond me why we demand something of others and never ask anything of ourselves.

We won't change, of course, but at least we may come to realize...

No one asks anything of us, and they don't live that much better really.

It is not they who want to live among us.

It is we who want to live among them.

Why?

Could it be that we sense their superiority?

I'll tell you: There are some among us who are like them people in Stockholm.

They live in monasteries. Our monks are just that – Swedes.

They are that meek, and quite, and without malice.

Personally I, if I weren't a Jew and a humorist, would be living in monastery.

That's the place where everything is to my liking.

I cannot hang a cross on my chest, like our pop stars do. When I see one like buttonholing them, finding out their nationality and grilling them: How come?

You've got this cross on your chest, why don't you alter, damn you?

You could have dressed a bit more decently at least.

It was "more fun" back in Soviet times, sad a lad in the "Old Flat" crowd.

Shared apartments are accidently conducive to that.

I know all about that kind of fun.

I was that very humorist.

The Soviet times were something the Swedes, too, liked quite well.

We were cooped up behind a fence, we had fun in the kitchen, we sang songs in the forest, we read on the subway.

A Solzhenitsyn had a dust cover that read "Sechenov".

Of course it was more fun, more friendly, more close-knit.
And what exactly we had turned into we learned from others, when the gates were flung open.

We ask the doctor, don't we:

“What is it, doc, what's the matter with me?”

It takes an outsider to diagnose a case.

No president can ever alter us.

He's one of us, ain't he?

Who knows how he made it to the top?

With us, the way to the top can never be straight – out of the question.

Why did you join the party committee or the KGB in your salad days?

Well, what have you got to say for yourself?

While we all refused?!!!

We lied, we squirmed, we slunk away, we hid in holes, but we never offered our services! Never-bloody-ever, we didn't!!!

One can call one's vote, talent, skill.

If you don't have any, you sell your soul and then wonder why people elect you, taking your word for it.

Our complaint has been diagnosed as being still uncivilized.

The percentage of toilet-bowl, spittoon and trash-can misses is much too high.

The language we use is much too coarse.

We translate from Four-letterese.

We readily understand and appreciate strength, and so we submit to dictatorship and criminals. In prison and in life.

This is what I think:

- We should stop hating other.
- Stop getting peeved
- Stop rushing about.
- Stop feeling scared.
- Stop listening to, and start simply to listen.
- Stop begging.
- Stop demeaning ourselves.
- We should smile. Even if the smile is forced. Affected. As long as it is a smile.

Also:

Sign a contract with the president-to-be.

He shall ensure our security, freedom of speech, justice, freedom and peace for every individual, that is stability of rules.

And food, wages, accommodation, education, entertainment and work will be our business. And that's that.

We don't give him another thought.

We are far too busy.

2.8 Отчий дом¹ (Владимир Хорунжий)

Мама на работе. Оставляю чемодан у двери. Осматриваюсь. Все то же. Этажерка² с любимыми книгами, этюды в дешевеньких рамках. На гвозде ружье и патронташ.

Приятное чувство дома охватывает меня всего. Снимаю ружье. Холод стальных стволов и мерцание желтых гильз мгновенно разбудили в памяти картины заросших озер, осенних колючих ветров, крики крачек, запах пижмы, оранжевые огни водяных ирисов.

Кружится голова от счастья.

Подбегаю к окну. На ветке копошится синица. Простуженным голосом орет ворона, и я замираю, слушая знакомый с детства крик.

Убираю со стола под подушку “Огонек”³ с видом города на обложке. Взволнованно перелистываю пахнущие полынью и чабрецом страницы определителя растений, и картины детства беспрерывно мелькают перед глазами. Милое детство, озвученное плеском днепровских волн, шипящим кипеньем камышей, голосами куликов!

... Рано утром, до восхода солнца уходила на Днепр⁴, к далеким озерам. Тропинки то вели меня лугом с высокими желтыми цветами, такими яркими, что на них даже в пасмурный день было больно смотреть, то забегали в серебристые рощи лога, то совсем прятались в высоких сомкнувшихся травах, то вдруг среди распахнувшихся ветвей ив возникало озеро с хороводами белых кувшинок, с драгоценным блеском фиолетовых стрекоз и голубых птиц – зимородков... Я бродил по траве, совсем седой от росы, слушал щебет золотых иволог, а в полдень бежал через луг, белый от ромашек, к песчаному жаркому берегу – встречать яркие шумные пароходы.

Песни птиц в плавнях и смех девушек на палубе парохода, пароходный гудок и плеск пойманной рыбы в ведре – сливались в одно стройное звучание голосов Родины.

Родина была и в запахе ветра, и в тяжелом шуршании трав, и в глазах лесника Бени, и во мне самом.

Отдыхая с вязанкой хвороста у землянки пастухов, я читал книгу. Захватывал Лесков⁵, потряс маленький рассказ И. Франко “Сойчине крило”⁶ ... А рядом в тростниках воровато суетились камышевки, синица, продолбив дырку в моей мисочке с хлебом, старалась изо всех сил, чтобы оторвать крошку от спрятанной горбушки, и косилась на меня – не ожил ли я? Нахохлившись воробьи сидели на веточках важно, как бояре.

У этой землянки птицы так привыкли ко мне и к моему хлебу, что совсем осмелели, и однажды, уже поздней осенью, большая синица, трепеща крылышками, собиралась мне сесть на нос. Я рассмеялся, и птичка в полуобморочном состоянии взлетела на самую вершину осокоря...

Шли дни. Природа становилась для меня вторым отчим домом.

Я брел без тропы и на ощупь ночью узнавал растения: это хрупкая шероховатая звездочка, это сусак, а здесь на песке должна быть дикая гвоздика, астрагал, льнянка, медвежье ухо. Спускался к озеру, и руки по привычке нащупывали колоски голубой вероники, шершавой плакун-травы. И каждое растение оставляло на руках, в волосах, в одежде свой лекарственный чудный запах.

Вот и озеро. Я шел по мелкой воде напрямик. Кувшинки прятались на ночь, и только гуттаперчевые круглые листья блестели под луной да беленькими наивными глазками удивлялись цветы стрелолиста – ночному гостю. Звенела вода. Шумно взлетали вороны, ночевавшие на широкой иве и, натыкаясь на ветки, улепетывали во все стороны. Камыши, шипя, смыкались за моей спиной. То и дело взлетали утки. Носились желтоглазые болотные совы.

Я шел и шел...

А утром во дворе лежала вязанка хвороста, и я уже был на пристани. Было свежо и ярко. На песчаной косе чернел силуэт орлана. Над плавнями парили коршуны. Грузчики угощали меня фруктами и приносили удочки, спрятанные под крышей.

Случалось, на крючок мне попадалась щука, и мы ели душистую уху, какую умеют варить только грузчики, бакенщики и рыбаки.

Поздно я уходил домой с ведром рыбы и с душой светлой и чистой, как прозрачный широкий вечер, который растворял меня в себе, и ничто не ускользало от меня – ни один оттенок неба, ни запах цветов. Мне казалось, что я присутствовал во всем, что я сам – часть заката, часть цветка. Здоровый организм не чувствовал усталости. Были только впечатления, богатые, тонкие, разнообразные. Я состоял из этих впечатлений, и поэтому воспоминания о детстве – это воспоминания о красках далей, о звуках, о запахах трав, обо всем том, что делало нелегкое детство ярким и милым...

Как ревностный собиратель сокровищ, я забирался в самые далекие луга и видел там то блеск розовой звезды в маленькой болотной луже, то ярко-голубые тени на росистой утренней траве, то шумный бой жереха у входа в старицу, то необыкновенный, незнакомый и влекущий, как сказка, цветок.

Никакой музей, никакие зрелища не могли мне дать такое удовлетворение, такую искристую радость жизни, как рассвет в старице, где у черных коряг, под навесом ивовых ветвей, кипела вода от обилия окуня. А как чудны были игры птиц в ослепительном сиянии воздуха!

Я думал, что красивы леса востока, удивительны раффлезии⁷ на Суматре, но всегда священна та скромная земля, которая открыла глаза на далекие красоты. Это – мать, которая родила и воспитала в тебе чувство красоты и чуткости, без которых для человека красиво лишь то, что “блестит ярко”.

В человеке, влюбленном в землю, всегда живо стремление увидеть ее всю, но как бы ни были великолепны виктории на Амазонке, мне все же роднее наши чабрецы, полыни и ромашки. И тропики прекрасны, но у меня есть родина и есть

еще место, которое мне, маленькому мальчику, рассказало сказку о дивах земли, которое научило любить всю землю. Вот почему место, где родился и вырос, дорого любому человеку; вот почему в конце концов всякий человек возвращается домой.

Как много хорошего в моей жизни связано с природой! Иногда случайно оброненное слово вдруг магически, в секунду, разворачивает воспоминания о широком степном небе, о пыльной дороге с чертополохом, с блеском далеких степных озер, запахом клевера и свистом суслика. Или память выхватывает вдруг кружок людей у позднего костра...

Я плохо помню свою первую охоту. Она была неудачна. Но потом ружье прочно заняло место рядом с удочкой, я пришел к охоте через любовь к природе. Мне часто случалось видеть молодых охотников, которые уничтожали все живое, тренируясь в стрельбе. Я думал, что тот, кто мальчиком получает в подарок ружье, не всегда бывает потом настоящим охотником, любящим свой край. Не ружье должно быть стимулом к охоте, - к ней нужно прийти через увлечение растениями, птицами, облаками, через изумление перед красотой земли. Тогда блуждания с ружьем превращаются в увлекательную повесть о природе, о жизни. Вся вселенная раскрывается где-либо на пустынном лугу, на охотничьем привале.

Это время после стрельбы мне всегда было особенно дорого. Сквозь тонкие, кисейные облака мягко струилась светлая лазурь неба. Земля тонула в сияющей прозрачной тени. Под кустом лежали убитые утки, ружье. Время проходило в четком, светлом полусне. В лощинке, рядом, синими точками пестрели незабудки, которые почему-то считаются только весенними цветами, хотя цветут все лето. В карканьи сизоворонки и в запоздалой песне какой-то малой птахи была музыка...

Воспоминания совсем одолели меня. Встряхиваю головой. Снова пробегаю глазами по этюдам на стенах. Вешаю ружье. Мама все еще нет.

Низко над землей – серое небо. День становится все голубей. Спокойствие и тишина на сердце. Не то сонное спокойствие, которое заставляет человека скучать и томиться, а то, которое наполняет его чуткостью, обостряет его зрение и восприимчивость, помогает видеть все скрытое и непонятное в природе. Падающая снежинка и молчание убегающей вдаль снежной пелены – все как откровение; это – не просто снежинка, не просто даль, а чудесное чувство связи со всем окружающим, ощущение силы и странной невесомости. И кажется, что сейчас сможешь заговорить необычайно яркими словами, такими, каких искал всю жизнь.

Это чувство вдруг сменяется беспокойным желанием идти вдаль. Быстро одеваюсь, едва попадая в рукава, стараясь не стряхнуть чудесного ощущения чуткости.

Последним взглядом окидываю комнату, голубую от сумрака надвигающегося вечера, пишу записку:

«Мама, приехал...Извини, не удержался – ушел на охоту... Приду скоро»...

Патронташ туго лежит на бедрах, в руках ружье. И вот перед глазами

весенний заснеженный луг. Все – как сказочное царство из тонких кружев. Мягкий снег пахнет свежестью. Темными волнами взметнулись сады. Сумрак все больше прячет даль, все ярче горят огоньки в селе. Широко убегает в вечер зеленый лед лимана. Иду вдоль берега. Кажется, слышу, как шумят крылья филина-вечера, слышу звон рыбьих плавников о лед. Мотив далекой песни превращается в яркие живые образы и картины...

Вспоминаю вдруг, что охотиться поздно, но уже не остановить радостных бодрых чувств охотника за “собственной душой”⁸.

Commentary on the Russian:

- *отчий дом*: lit. (one's) father's house; of the cluster of adjectives derived from отец, отчий is archaic or poetical, отеческий is used with abstract notions, while отцов(ский) is neutral or colloquial.

- *этажерка*: from the French etage (storey); a “multi-storied” piece of furniture much favored by Soviet families up to the 1960s, for its cheapness – a flimsy vertical structure of open plywood shelves.

- *огонек*: for decades, the only Soviet illustrated weekly.

- *Днепр*: Europe's third largest river, 2,200 km long, that flows from central Russia to the Black Sea; one of its tributaries is the Pripyat where the ill-famed Chernobyl nuclear power plant is situated.

- *Лесков*: Nikolai Leskov (1831-1895), a prominent Russian writer.

- *рассказ И. Франко «Сойчине крило»*: Ivan Franko (1856-1916), a major Ukrainian writer of socialist persuasion; he was so highly valued by Soviet authorities that the city of Stanislav was in 1962 renamed Ivano-Frankovsk, possibly the only case of using both the first and the surname for toponymic purposes. The short story is in Ukrainian (the Russian equivalent of the title would be сойкино крыло)

- *раффлезии*: so named in honor of Sir Stamford Raffles, British colonial administrator; stemless leafless plants with huge petal-less flowers that grow parasitically on other plants' stems and roots; they have five spreading fleshy lobes and smell of carrion – an impressive sight perhaps, but hardly a flower to rhapsodize about.

- *охотника за «собственной душой»*: a Mikhail Prishvin phrase; Prishvin was a famous Russian writer who, under Bolshevik rule, kept his views to himself and published pieces on nature, hunting, etc.

Native Home

By Vladimir Khorunzhy

Mother is at work. I drop my suitcase by the door, and take a look round. Nothing has changed. The bookstand with my favorites, the sketches in cheap frames, over there on a nail – the gun and the cartridge belt.

A pleasant sense of home envelopes me. I take off the gun. The cool of its steel barrels and the yellow gleam of cartridge cases have instantly awakened memories of overgrown lakes, biting autumn winds, terns' shrieks, smell of tansy, the fiery yellow of water irises.

I am giddy with happiness.

I run up to the window. Out there a tomtit is fussing on a branch. A crow is cawing nasally, and I stand very still listening to the noises I have known since childhood.

I remove from the table a copy of *Ogonyok* with a city view on the cover and push it under the pillow. I excitedly leaf through the pages of a plant field guide smelling of wormwood and thyme, and pictures of childhood flicker before my eyes nonstop. Darling childhood that passed to sounds of gently lapping Dnieper waves, hissing bulrushes, and sandpiper calls.

... Early in the morning, before the sun had risen, I would go to the Dnieper, and on to the distant lakes. Footpaths led me through a meadow with tall yellow flowers, so bright that it hurt your eyes to look at them even on an overcast day; or made detours into silvery groves in a ravine; or hid altogether among tall grass; or else suddenly parting willow branches revealed a breathtaking view of a lake with white water lilies doing a round dance, the gem sparkle of purple dragonflies and bright-blue kingfishers... I would wander about the dew-covered grass, listening to the song of golden orioles, and at noon would run through the meadow, white with daisies, on to the hot sandy bank – to welcome dazzling noisy steamers.

Bird song on the marshy banks, and girls' laughter on the steamer deck, steamer hoots, and the splash of caught fish in the bucket blended into a single harmonious sound of my country's voice.

My country was also in the smell of the wind, in the heavy rustle of grass, in the eyes of Ben the forester, and in myself.

Taking the rest with a faggot by the cowherds' dugout, I read a book. I was captivated by Leskov, and positively stunned by Franko's short story *The Jay Wing*... Meanwhile, nearby in the rushes reed warblers were pottering about furtively, a tomtit, having pecked a hole in my bowl of bread, was toiling to break a crumb off a hidden bread heel, and kept glancing at me – had I come to life yet? Puffed-out sparrows sat on the twigs, pompous like boyars in conference.

At that dugout, birds were so used to me and my bread that they had lost all fear of man, and once, in late fall, a great tit, wings fluttering, was going to alight on my nose. I laughed, and the little bird, panic-stricken, flew up to the top of a black poplar...

Days went by. Nature was gradually becoming a second home to me.

I would wander away at night and recognize plants by the feel of them: this is a delicate roughish chickweed; that, a flowering rush; and here on the sand there should be wild pinks, milk vetches, toadflax, great mulleins. I would climb down to the lake, and my hands, from habit, would feel the small clusters of blue veronicas, and rough purple loosestrifes. And each plant would leave on my hands, in my hair, on my clothes its

lovely medicinal scent.

There was the lake at last. I waded through the shallows straight on. Water lilies had closed for the night, and only their rubbery round leaves gleamed in the moonlight, and the arrowhead flowers blinked their small white eyes in surprise at the nocturnal visitor. The water was ringing. Crows, that had settled for the night in a broad willow, flew up noisily, and, bumping into boughs, sped off in all directions. The rushes closed up behind my back with a hiss. Ducks flapped out every now and then. Amber-eyed marsh owls silently wheeled about.

I walked on and on...

And in the morning, there was a faggot lying in the yard, and I was away at the landing pier. It was bright and cool. Silhouetted blackly against a sand-spit, was a sea eagle. Kites were gliding over the marshy banks. Dockers offered me fruit and brought over fishing rods hidden under the roof.

Sometimes I would hook a pike, and then we ate strong-smelling fish soap, of the kind only dockers, buoy-keepers and fishers can make.

After dusk I returned home with a bucketful of fish and with a soul as pristine and clear as a transparent wide evening that dissolved me in itself, and then nothing escaped my notice – not one shade of the sky, not the faintest flower scent. I fancied I was in everything, but I was myself part of the sunset, of a flower. My healthy body felt no fatigue. There were just the impressions, rich, subtle, various. I consisted of those impressions, and so my childhood memories are of the horizon colors, of sounds, of grass smells, of all that made childhood bright and lovely...

Like a zealous treasure hunter, I would get away to the most remote meadows and watch there now the gleam of a pink star in a small marsh puddle, now bright-blue shadows on the dewy morning grass, now the noisy splashing of chub at the entrance to the old riverbed, now an unfamiliar flower, fantastic and alluring like a fairy tale.

No museum, no shows could have given me such satisfaction, such bubbling joy of living as a sunrise over the old riverbed, where by black snags, under a canopy of willow branches, the water seethed with countless perch. And how spectacularly birds played in the dazzling radiant air!

I used to think that oriental woods were beautiful, Sumatran rafflesias were amazing, but ever sacred was the modest land that had opened my eyes to the beauty of faraway sights. This is the mother that has brought you into the world and awakened in you the sense of beauty and an awareness without which one's idea of beauty is "that which glitters."

Someone in love with nature is forever to see the whole of the earth, but whatever the splendor of the Amazon royal water lilies, I still prefer our thyme, wormwood, and daisies. Tropics are certainly gorgeous, but I have my own country, and that bit of land that told a small boy that was me the tale of the Earth's wonders, and taught me to love the entire planet. That is why the place where one was born and grew up is dear to any man; that is why everyone returns home in the end.

So many things in my life are connected with nature. At times a chance word

would instantly, magically start a train of reminiscences about a wide steppe sky, dusty road with thistles, and distant gleam of steppe lakes, smell of clover and ground squirrels' whistles. Or else one's memory would suddenly spotlight a scene of men gathered round a night bonfire...

I don't have a clear memory of my first hunt. It was not successful. But eventually the gun became as familiar a device as the fishing rod. I came to like hunting through my love of nature. I have often seen young hunters who exterminate everything that moves to polish their shooting skills. I thought that someone who was given a gun as a boy did not always make a proper country-loving hunter afterward. It is not the gun that should be an incentive to hunting – one should get there through interest in plants, birds, and clouds, through amazement at the beauty of one's country. Then wandering with the gun become a fascinating tale of nature, of life. An enlightened mind and soul can take in a great deal. The entire universe will reveal itself to you somewhere in a meadow, at a hunter's halt.

This time of rest after the shooting has always been especially dear to me. Through the light lacy clouds the sky's blue flowed gently. The earth was drowning in the radiant transparent shade. Under a bush lay the killed ducks and the gun. Time passed in a clear bright semi-dream. In a little ravine nearby forget-me-nots dotted the ground with blue specs – for some reason they are believed to be spring flowers, though they bloom throughout the summer. The raucous cries of the rollers and the belated song of some small bird had music in them...

I am assailed by memories. I shake my head, glance over the sketches on the walls again. Hang up the gun. Mother is still out.

The gray sky is pressing down the earth. The day is gradually getting bluer. Calm and peace spread over my soul. Not the sleepy calm that makes a man bored and restless, but the kind that makes him keen-sighted and receptive, helping him see the concealed and incomprehensible in nature. A falling snowflake and the silence of a snow pall extending into the distance are a revelation; this is not just a snowflake, not just a distance, but a wonderful sense of bond with everything around you, a sense of strength and curious weightlessness. And it seems that any time now you will start speaking in strikingly expressive words you have been looking for all your life.

This feeling suddenly gives way to a restless desire to walk beyond the horizon. I struggle into my jacket, my arms all but missing the sleeves, careful not to lose this wonderful feeling of sensitiveness.

With one final glance I take in the room, blue in the gathering dusk, and write a note:

“Mother, I have come... Sorry, couldn't resist it and went hunting... Soon be back.”

The cartridge belt is a close fit around my hips, the gun is in my hands. And here is the evening, snow-bound forest before me. It's all like a fairy-tale kingdom of fine lace. The soft snow smells of freshness. The orchards rise in dark waves. The dusk is increasingly obscuring the distance; lights in the village burn brighter by the minute. The

green ice of the estuary runs into the evening in a wide expanse. I walk along the bank. I seem to hear the soft flapping of the owl-night's wings and the ringing of fish fins against the ice. A distant song tune turns into vivid images and pictures...

I suddenly become aware that it is too late to go hunting, but there is no curbing the buoyant mood of a "hunter for one's own soul."

2.9 Как я ездил за границу (*Вячеслав Пьецух*)

На сорок четвертом году своей жизни я таки сподобился выехать за рубеж. Не стану описывать продолжительную и многоходовую склоку, в результате которой заграничная командировка выпала мне и завсектором Пятилеткину¹, скажу лишь, что эта победа стоила мне столько же крови, сколько Николаю Копернику его гелиоцентрическая система².

Оказывается, заграница начинается в Шереметьевском аэропорту, сразу за линией паспортного контроля, потому что в баре на втором этаже хоть залейся "московским" пивом и водку насыпают в восемь часов утра³. В таких условиях и святой запьет. Мы с Пятилеткиным, конечно, приняли на грудь⁴, чего уж там лицемерить.

Когда наш самолет пересекал в воздухе государственную границу, мы, честно говоря, этого не заметили, так как, во-первых, были довольно теплые, а, во-вторых, с высоты ее не видать. Но Пятилеткин все-таки заявил:

- А ты отдаешь себе отчет, что ты уже иностранец?

Вроде бы это было игривое заявление, а я весь залился холодным потом.

Потом мы с Пятилеткиным прикорнули и проснулись уже в Софии. Мы с ним очень удивились, чего это нас занесло в Болгарию, вместо Греции, но стюардесса нам разъяснила, что якобы Афины закрыты по метеоусловиям и пассажирам предстоит куковать в Софии. Братская Болгария⁵ нам сильно понравилась, потому что в зале ожидания для транзитных пассажиров наливали выпивку за рубли. В таких условиях и святой запьет. Мы с Пятилеткиным, конечно, приняли на грудь, чего уж там лицемерить.

Видимо, Афины с воздуха принципиально не принимали, поскольку дальше мы ехали уже поездом. Железнодорожная езда там...как бы это выразиться покультурнее – не расположена к человеку: в купе помещается по креслам что-то около десяти пассажиров, если мы, конечно, спьяну не обсчитались, то есть на верхней полочке по-нашему с книжкой не полежишь, да еще и натоплено так, точно ты в парилке Централных бань⁶, если, конечно, поспеть к восьми.

Вдруг Пятилеткин и говорит:

- А ничего вы устроились в жизни, товарищи европейцы! И то у вас, и се, и пятое, и десятое... А у нас в Союзе наливают только с двух часов дня – такой, вообразите, тоталитаризм!

Я ему говорю:

- Что же ты делаешь, душман⁷ты этакий! Ты зачем отечество срамотишь⁸?! Твое счастье, что мы не дома, а за границей, не то я бы с тобой иначе поговорил! Конкретно, просто-напросто дал бы тебе в лоб за государственную измену.

Пятилеткин в ответ:

- Ты чего, - говорит, - бродяга, это же я так, для наведения мостов, все равно они по-нашему не секут.

- Тогда нужно как-то наладить взаимопонимание, - предлагаю я, имея в виду ноль восемь лимонной⁹, которую мы держали про черный день.

Однако оказалось, что соседи по купе очень даже по-нашему понимают, поскольку не успели мы и глазом моргнуть, как они повытаскивали из баулов разнообразные вина и коньяки. В таких условиях и святой запьет. Мы с Пятилеткиным, конечно, приняли на грудь, чего уж там лицемерить.

В общем, как мы пересекали болгаро-греческую границу, это тоже прошло в тумане. Я потом только понял, чего это мы с Пятилеткиным набрались: будучи в мирных условиях практически непьющими мужиками – иначе хрен с маслом нас бы послали в заграничную командировку, - мы со страху перед зарубежьем с Пятилеткиным набрались; насчет Пятилеткина ничего определенного не скажу, но что до меня, то я вообще прежде подозревал, что сразу за Чопом¹⁰ начинается тот самый океан, в котором плавают три кита, во всяком случае, сразу за Чопом открывается что-то такое непереносимо чуждое русской сути, с чем можно мириться, только пребывая в невменяемом состоянии. Братская Болгария, это еще туда-сюда, но едва стало ясно, что уже Греция за окошком, как со мною произошло что-то вроде нервного потрясения: во-первых, какое-то полузабытое меня обуяло детское чувство, вот точно я от матери потерялся, и меня может обидеть всякий, кому не лень, во-вторых, лица у всех, кроме милого Пятилеткина, какие-то странные, неродные, в-третьих, еще оттого подозрительно на уме, что ты одновременно и русский и иностранец, в-четвертых, мне закуска ихняя не пришлась. И вот встало у меня в душе колом нечто психическое, как кусок встает в горле колом или в сердце – сердечный спазм. Одним словом, неудивительно, что тут со мной приключилась загадочная история.

А конкретно случилось вот что Проснулся я под утро – поезд стоит, в купе все спят. Пятилеткин тоже спит и тем не менее просит меня сквозь сон:

- Дай, - говорит, - закурить, а то я в карман залезть не могу, руки у меня окончательно разболтались...

Я было полез за сигаретой в его карман, но тут глянул в окошко и обомлел... Но сначала нужно сказать, что у нас в Бирюлеве-Мневниках¹¹, как мне выходить на моей автобусной остановке, стоит газетный киоск и три молодых каштана. Так вот, гляжу я в окошко и вижу: стоит газетный киоск и три молодых каштана! Меня прямо слеза прошибла, думаю – все, отъездили мы с Пятилеткиным по Европе и пьяным делом не заметили, как вернулись. Тогда я подхватываю свою сумку и сломя голову несусь к выходу, чтобы родимую остановку не пропустить. Схожу, топаю к дому, вдыхая сладкий российский воздух, и вдруг – что за притча:

на стоянке такси, что у нас сразу за овощным магазином, выстроились друг за другом с десятков, наверное, “мерседесов”. Думаю: откуда у нас в Бирюлеве-Мневниках взяться бы “мерседесам”? Да еще в таком неистовом количестве? Да еще такой дружественной расцветки? Подхожу к таксистам, которые по обыкновению сбились в компанию покурить, и спрашиваю у них:

- Скажите, братцы, только честно: это в мое отсутствие страна уже доперестраивалась до “мерседесов” среди бела дня, или я в четвертом измерении нахожусь?

Кто-то мне отвечает:

- Вы находитесь в Греции, в пригороде Афин.

Во мне все сразу потухло, как бывает, когда говоришь с хорошим вроде бы человеком, говоришь, и вдруг становится ясно, что он – мерзавец. Но что характерно: видимо, до того уже оголилась моя душа, что и меня понимают греки, и я их положительно понимаю, как, наверное, Бог понимает всех, только у него эта оголенность – нормальное состояние существа, а у меня – скорее всего психоз. Рассказал я таксистам, какая со мной приключилась гадостная история, а они в ответ покачали сочувственно головами, и кто-то из них спросил:

- Ну и какая теперь у тебя программа?

- Программа, - говорю, - у меня прежняя: пролетарии всех стран, соединяйтесь!

И с этими словами пехом¹² пошел в Союз, потому что мне ничего другого не оставалось: поезд ушел, валюты у меня не было ни копейки, Пятилеткина я бы в Афинах не отыскал, но, главное, было до боли ясно, что единственный способ вымолить прощение соотечественников за диковинный свой проступок – это разве что пехом прийти в Союз.

И вот я иду, иду, иду, иду – вдруг глядь: стоит неизвестный поезд. Для очистки совести надо сознаться, что тут я смалодушничал, то есть подумал: может быть, скостить расстояние хоть немного, проехать на поезде часть пути... Захожу в вагон безо всякого опасения, потому что зайцем ездить¹³ мне не впервой, нахожу купе, где есть свободное место, сажусь, откидываюсь на спинку и крепко смежаю веки.

Тут Пятилеткин мне говорит:

- Ты в конце концов дашь закурить, бродяга?..

Commentary on the Russian:

- *Пятилеткину*: an unlikely name derived from пятилетка, a fetish of the Soviet planned economy.

- *Николаю Копернику его гелиоцентрическую систему*: Nicolaus Copernicus (1472-1543), was the genius who revolutionized planetary astronomy by discovering that it is not the Earth, after all, that is the center of the Universe. Although not widely accepted at once, the heliocentric views of Copernicus in due course exerted a vital

influence on astronomy.

- *водку насыпают в восемь часов утра*: the verb is used jocularly instead of наливают; what impressed the narrator was the availability of alcohol at so ungodly an hour, as in the Soviet Union alcohol sales were only allowed after 11 a.m., in the vain hope that this would prevent citizenry from getting drunk before work.

- *принял и на грудь*: one of the countless colloquial phrases to describe the action of drinking.

- *братская Болгария*: the epithet invariably added in Soviet officials to names of countries of “socialist persuasion”, frequently used derisively.

- *в парилке Центральных бань*: along with Сандуновские бани, the Central Baths have always been believed the best in Moscow and were particularly famous for providing excellent steam.

- *душман*: the word dates back to the Soviet invasion to Afghanistan; literally, “foe”, “enemy” used to refer to the Afghan opponents of Soviet troops, *dushman* was for a while employed as a general term of disparagement but is largely out of use now.

- *срамотишь*: vernacular for the standard срамишь (putting to shame).

- *ноль восемь лимонной*: a biggish (0,8 liter) bottle of lemon vodka.

- *за Чопом*: a small town on the Tissa River in Western Ukraine, a major rail junction at the Hungarian-Czech border; there infrequent Soviet rail travelers abroad had their first encounter with the customs officers.

- *в Бирюлеве-Мневниках*: the author makes fun of the village names of Moscow’s bedroom suburbs. There is no such place; instead, there are Biryulevo and Khoroshevo-Mnevniki, a goodish distance apart.

- *пехом*: slang corruption of the word пешком—“on foot”.

- *Зайцем ездить*: this enchanting little animal, though clearly not in the habit of using public transport, has unaccountably come to symbolize in Russian the practice of fare dodging.

Traveling Abroad

By Vyacheslav Pyetsukh

On the forty-fourth year of my life I was finally privileged to make a trip abroad. I won’t waste time describing here the protracted and complicated intrigue that it took to ensure that one of the people sent abroad on business was myself, the other being our section head Fiveyearplansky. I’ll merely say that that victory cost me every bit as much as it cost Nicolaus Copernicus to defend his heliocentric system.

Apparently, abroad starts in the Sheremetyevo airport, right beyond the passport control line, because in the second-floor bar there

S Moscow beer galore, and they’ll pour you vodka at all hours since eight in the morning. It’d take a saint not to go on a binge in these conditions. So Fiveyearplansky and me got a snootful, naturally, it would be idle to deny we did.

Frankly, we missed the precise instant when our plane was crossing the state border in the air, because, first, we were pretty cock-eyed, and second, you can't spot it from up there. But Fiveyearplansky still said to me:

“Do you realize that you're a foreigner from now on?”

A playful observation, on the face of it, but I broke out in cold sweat.

Then we had a nice little snooze, Fiveyearplansky and me, and did not wake up till Sofia. We were most surprised to find ourselves in Bulgaria, instead of Greece, but the air hostess explained that Athens was allegedly closed owing unfavorable meteorological conditions and the passengers would have to hack about in Sofia awhile. We loved fraternal Bulgaria because in the waiting room for transit passengers they let you have booze for rubles. It'd take a saint not to go on a binge in these conditions. So Fiveyearplansky and me got a snootful, naturally, it would be idle to deny we did.

Apparently, Athens would not take in anything from air on principle because we proceeded by rail. A train ride over there is... how shall I put it to stay civil – not very well disposed toward humans; a compartment seats a dozen or so passengers, unless we were too drunk to count correctly. I mean you can forget about lolling about with a book in the upper berth, as we do in this country; moreover, the heating was on something horrid, it felt like the Central Baths steam-room – if you can be there by eight, that is.

Suddenly Fiveyearplansky said:

“Sitting pretty here in Europe, aren't you, Comrades? You've got this, that, and what not, while we in the Union have to wait till two in the afternoon to crack a bottle – that's totalitarianism for you.”

So I tell him:

“Now what do you think you are doing, you goon. What do you mean shaming your own country? Thank you lucky stars that we are not at home, but abroad, or I'd talk to you differently. More specifically, I'd just clock you one for your high treason.

So Fiveyearplansky replied:

“Relax, you bum,” he said, “I don't mean any harm, just want to establish contact, like, they don't know a word of Russian anyway.”

“Then we ought to do something to promote mutual understanding,” I suggest referring companions knew rather more than a word of Russian, and before we could say knife they had already produced an impressive array of wines and brandies from their trunks. It'd take a saint not to go on a binge in these conditions. So Fiveyearplansky and me got a snootful, naturally, it would be idle to deny we did.

Well, to cut a long story short, our crossing of the Bulgarian-Greek border was also a bit hazy. It was only after the event that I saw the light and understood why we had got so oiled, Fiveyearplansky and me: Being virtual non-drinkers in peacetime conditions – otherwise we could have whistled for a foreign trip – we got oiled, Fiveyearplansky and me, out of fear of the foreign parts; now I can't be sure about Fiveyearplansky, but speaking for myself, I had actually suspected that right after Chop there started that very ocean where the three whales are swimming, or at least right after Chop there began something utterly alien to the Russian core that could only be tolerated

in a state of utter stupor. Fraternal Bulgaria was not too bad yet, but when it became clear that the view in the window was already Greece, I experienced something like a nervous shock; first, I felt flooding over me that half-forgotten childish fear, like I had strayed away from my mother and was utterly helpless before anyone who fancied bullying me, second, the people around, apart from good old Fiveyearplansky, had odd faces that did not look right somehow; third, one more reason why it felt suspicious was that I was at once Russian and foreign; fourth, the snacks to go with drink here did not agree with me. And so something psychic, settled in my soul like a heavy lump, the way something sticks in your throat when you choke, or in your heart when it goes into a spasm. In short, little wonder that at that point something truly mysterious happened to me. Specifically, I woke up at dawn – the train was stationary, everyone in the compartment sound asleep. Fiveyearplansky, too, was asleep and yet asked me, in his sleep:

“Give us a fag,” he begged, “because I can’t get into my pocket, my arms are completely out of joint...”

I was just going to slip my hand into his pocket for a ciggie, but at that point I glanced out of the window and – blow me down! But first I have to explain that where I live in Biryulevo-Mnevniko, but the bus stop where I get off, there’s a kiosk and three chestnut saplings. Well then, I looked out of that window and there they were – the kiosk and the three chestnut saplings. I almost burst into tears: That’s it, I thought, there goes our European trip. We had been so soused, Fiveyearplansky and me, that we didn’t even noticed getting back home. So then I grabbed my bag and made straight for the door not to miss my station. I clattered down the steps, and marched home savoring the sweet air of Russia, and then bang! What’s this? At the taxi rank that’s right behind the vegetable store in our parts, I saw a whole fleet of a dozen or so Mercedes cars. Where could they come from, in our back of beyond, I thought? In such vehement numbers, too! Moreover, of such friendly coloring! I went over to the cabbies who had flocked together to have a smoke, as is their wont, and asked them:

“Listen, mates, only be honest with me, has the country perestroika’ed so far during my absence as to have Mercedes cars all over the place in broad daylight, or am I in the fourth dimension?”

And someone replied:

“You happen to be in Greece, sir, in a suburb of Athens.”

All my animation instantly went out, the way it happens sometimes when you have been talking to a seemingly nice person and suddenly it becomes blindingly obvious that he is a bastard. But the curious thing was that my soul must have got so raw and naked that both the Greeks understood me and I positively understood what they were saying, like God understands everyone, I suppose, except that with Him that’s the normal state of being, while I must have got a bit psychotic. So I told the cabbies about the nasty thing that had occurred, and they nodded their heads sympathetically, and one of them asked:

“Well, and what’s your program now?”

“My program,” I told him, “is ever the same: workers of the world, unite!”

And so saying, I set off on foot to traipse all the way to the Union because I had no alternative: The train had gone, I had not a kopeck of hard currency, I would never have found Fiveyearplansky in Athens, but most important, it was painfully clear that the only way of earning my country-men’s forgiveness for my weird misdemeanor was walking all the way to the Union, if at all.

So I walked on and on and – lo! There’s some unfamiliar train waiting. To be quite frank, I must confess I lost heart a bit, that is I thought: why don’t I knock a few miles off my journey going by train some of the way... So I climbed into a rail car without any misgiving – I am no stranger to ride stealing, you know – found a compartment with a vacant seat, sat down, leaned back and shut my eyes tightly.

And then Fiveyearplansky said to me:

“Now, will you give me a fag, you bum?”

2.10 Зрелища (Юрий Олеша)

Я подошел к башне. Собственно говоря, это была не башня. Труба. Немногим больше паровой.

Наверху чернела дверь.

К двери вела деревянная лестница.

Все сооружение казалось чрезвычайно шатким. Билеты выдавались через маленькое окошечко. Невидимая кассирша. Только одна рука, выбрасывающая на крохотный подоконник мелочь.¹

Я поднялся по лестнице и очутился внутри трубы. Я стоял на балконе и смотрел вниз. Внизу, освещенные дневным светом, шедшим в раскрытую дверь, стояли красные мотоциклы. Дверь имела вид светлого четырехугольника, как двери в склады или мастерские. Четырехугольник света падал на земляной пол. Вся картина носила очень летний характер. На пороге двери зеленела трава.

На балконе, кроме меня, стояло еще несколько десятков зрителей. Преимущественно мальчики. Они то и дело принимались хлопать, выражая нетерпение.

В дверь внизу вошли мужчина и женщина. Женщина была в брезентовых бриджах² так называемого фисташкового цвета и в черных крагах³. Эта одежда подчеркивала ее юность и худобу.

Они сели на мотоциклы и надели очки. Тут мне показалось, что вид этих мотоциклов не совсем обычен. Я бы сказал, что к ним было что-то прибавлено или что-то от них отнято – с таким расчетом, чтобы они производили устрашающее впечатление. Повторяю, что мне показалось. В дальнейшем я не проверил правильности моего восприятия, так как после окончания номера мне было не до того, чтобы рассматривать мотоциклы. Однако я не могу отделаться от впечатления, что эти машины отличались странной, я бы сказал, коварной

выразительностью.

Первой выступила женщина. Она стала ездить по стене. Вообразите себе трек ни больше ни меньше⁴ как в 90. То есть это была езда под прямым углом к вертикали.

Машина описывала круги. Иногда казалось, что вместе с седоком она вылетит за край! Усилий воли стоило не отшатнуться в эту секунду. Я делал усилие и не отшатывался, понимая, что это маленькое мужество просто необходимо, чтобы совершенно не пасть в собственных глазах.

Производя вихрь, она проносилась мимо меня. Затем я видел сзади – быстро удаляющаяся фигурка с пригнувшимися плечами.

Так как всякий раз, когда она проносилась мимо, я испытывал испуг, то потом в стремительном улепетывании этой маленькой, щуплой фигурки, оседлавшей тяжелую машину, я усматривал какое-то лукавство. Я даже ожидал иногда, что фигурка на меня оглянется.

Труба, сколоченная из доски, сотрясалась. С ужасом я узнавал в ней просто бочку.

Ко всему еще стрельба мотора. Великолепный, сухой, высокого тона звук.

Когда номер окончился, я был глухим. И в немой тишине я видел, как мотоцикл, скатившись со стены, остановился и женщина, продолжая сидеть в седле, подняла руку. Затем она сняла очки, и, вместо широкоглазой маски кузнечика, в воздухе, как в зеркале, появилось полное прелести человеческое лицо.

Когда я удалялся от башни, я увидел, что ее опоясывает надпись: «Мотогонки по стене».

Громадные печатные буквы. Башня весело белела в чистом воздухе Парка культуры и отдыха⁵.

В свое время нечто подобное проделывали велосипедисты. Они ездил внутри гигантской корзины. Зрители видели их через прутья.

Конечно, это не было так эффектно, как номер с мотоциклами. Фигура велосипедиста настраивает на юмор. Тем не менее аттракцион был потрясающей новинкой.

В каком году состоялась его первая демонстрация?

В тысяча девятьсот десятом?

Цирк был еще старым. Происшедшие благодаря техническим открытиям видоизменения в жизни города еще не отразились в цирке.

И первым из мира техники проник на арену цирка велосипед.

До этого я помню демонстрацию каких-то электрических чудес. Аттракцион выдавался за научный опыт и носил серьезное название: «Токи Николая Тесла»⁶. Но это было фокусничество. Зритель должен был поверить, что перед ним человек, остающийся невредимым, несмотря на то, что сквозь него пропускают токи необычайной силы.

Велосипед произвел огромное впечатление. Мне кажется, что именно езда

по наклонному треку была первым видом цирковой работы с велосипедом, и только впоследствии циркачи стали работать на выложенном на арене полу из белых полированных досок. К этому времени номер велосипедистов превратился в комический. Так как велосипедный спорт получил широкое распространение, то, для того, чтобы велосипед не потерял своего права удивлять, пришлось призвать ему на помощь клоунаду. Обыкновенного – из мира техники – велосипеда не стало. Он распался на свои два колеса. И этой возможностью завладели эксцентрики.

Мотоцикл грозен. С ним не поиграешь. Когда мы думаем о том, что скорость связана с опасностью, то не образ автомобиля возникает в нашем сознании, а именно образ мотоцикла, стремительно перечеркивающего поле нашего зрения.

Младший брат⁷ меланхолического велосипеда кажется злым, нетерпеливым, не поддающимся приручению. Он трясется от злобы, фыркает. Если тот носился, как стрекоза, прозрачный и хрупкий, то этот летит как ракета.

Я хочу ответить себе на вопрос, в чем секрет особого впечатления, которое производит на зрителя такой аттракцион, как мотогонки по стене... А производит он действительно ни с чем не сравнимое впечатление.

Секрет в том, что в зрелище человека, движущегося по вертикали, есть элемент самой сильной фантастики, какая доступна нашему сознанию. Это та фантастика⁸, которая создается в тех случаях, когда перед нашим земным зрением происходит какое-либо событие, имеющее своей причиной неподчинение закону тяжести⁹.

Такие события составляют предел фантастики. Они наиболее необычайны для нашего земного восприятия, потому что, когда они происходят, перед нами на секунду возникает картина какого-то несуществующего мира с физическими законами, противоположными нашим.

Аромат сказочности мы чувствуем, когда видим прыгуна, делающего сальто-мортале¹⁰. Безусловно, прыгун – самая фантастическая фигура цирка.

Цирк учел силу воздействия на человека всяких зрелищ, в которых нарушаются наши обычные представления об отношениях человека и пространства. Большинство цирковых номеров построено на игре с равновесием: канатоходцы, перш¹¹, жонглеры.

Что же получается?

Цирк волшебным языком говорит о науке! Углы падения¹², равные углам отражения, центры тяжести, точки приложения сил – мы все это узнаем в разноцветных движениях цирка.

Это очаровательно.

Мы видим смелого и сильного человека, который настолько уверен в себе, что решается на то, чтобы оспаривать границы, поставленные ему природой.

Commentary on the Russian:

- *мелочь*: coins collectively; in olden times, when even a small-value ruble note could buy you something, the word referred to pieces from one to twenty kopecks; now that Russia has gone through several inflation spirals, it can be anything from one-kopeck to five-ruble piece.

- *в брезентовых бриджах*: the name of the garment is of course an English borrowing, and the source word is not “bridge”, as its sound form may suggest, but “breeches”.

- *в черных крагах*: краги (from the Dutch kraag – “collar”) are both extra outer coverings for the lower legs and riding gloves, but here the former seems to be the case as gloves are less likely to emphasize slimness.

- *ни больше ни меньше*: alternative forms are ни много ни мало and ни/не более ни/не менее (the latter also often followed by как); acts as a particle to imply “exactly the amount indicated” or “precisely what is named” typically used to emphasize that the person, phenomenon, place, action in question is in some way unexpected, extraordinary, etc., and can be rendered into English, depending on the context, as “...no less”, of all people, things, etc., “nothing short of”, “none other than”, and so on (e.g., Оказался он ни много ни мало в Париже—“He turned up in Paris of all places”).

- *парка культуры и отдыха*: the clumsy officialese of the phrase aptly sums up the 1930s Soviet adaptation of the Western amusement grounds with an emphasis on “clean good fun”, sports and education which, it was hoped, would better the masses teaching them to spend their leisure hours in relative sobriety and healthy pursuits.

- *токи Николая Теслы*: Nikola Tesla (1857-1943), U.S. electrical engineer and inventor born in Smiljan, now in Croatia. His invention include a transformer, generators, and dynamos.

- *младший брат*: the usual Russian-English gender discrepancy; while in English machines are perceived as “female” and referred to as “she”, in Russian the gender is determined by the form of the word (masculine in the case of велосипед and мотоцикл).

- *фантастика*: the word covers both unusual or supernatural phenomena and the literary genre whose subject matter they are (science fiction).

- *закону тяжести*: now usu. закон (всемирного) тяготения or Newton’s law of universal gravitation, to give it its official title (“Any two pieces of matter attract one another with a force which is proportional to the product of their masses and inversely proportional to the square of their distance apart”).

- *сальто-мортале*: from Italian *salto mortale*, “deadly leap”, the E. “somersault” is a second cousin of the phrase as it can’t be traced back to Latin *super + saltus* (“over-jump”) via the Old French *soubresault*.

- *перш*: a circus term borrowed from French (*perche* means “pole”) applied to one type of balancing act: an equilibrist known as “support” holds upright a long pole

one end of which rests on his midriff, shoulder or forehead while other balancing act participants perform acrobatics holding on to various sections of the pole.

- *Углы падения...*: one of the laws of reflection that reads: The angle of incidence is equal to the angle of reflection.

Shows

By Yuri Olesha

I approached the tower. Strictly speaking, it was not a tower. A tube rather. Not much bigger than a steamship funnel.

At the top a door gaped darkly.

Leading up to the door was a wooden staircase.

The whole construction seemed extremely rickety.

Tickets were handed out through a small opening. By an invisible ticket clerk. Nothing but one hand tossing small change on to the tiny ledge.

I climbed the stairs and found myself inside the tube. I stood in the gallery and looked down. Down there, lit by the daylight streaming through the open door, stood red motorcycles. The door was a bright rectangle, rather like the doors of warehouses or workshops. A rectangle of light fell on the earthen floor. The whole thing had a very summery look. Lush green grass was visible in the door way.

Standing in the gallery, besides myself, were several dozen spectators. Mostly young boys. They broke into clapping every now and then to express their impatience.

A man and a woman walked through the door below. The woman was clad in a pair of jodhpurs of a color known as pistachio green, and black leggings. The outfit accentuated her youth and slenderness.

They mounted the motorcycles and put on their goggles. At this point it occurred to me that the motorcycles looked somewhat unusual. I'd say they had something added to them or else removed from them – so that they would appear intimidating. I repeat, that was the impression they gave. Later I did not verify the correctness of my perception for when the number was over I did not feel like minutely inspecting the motorcycles. But I cannot shake off the impression that the machines were strangely, one might even say treacherously, expressive.

The woman was the first to do her stunt. She started riding round the wall. Imagine a track of 90 degrees, no less! That is the riding was done at right angles to the vertical.

The machine was going in circles. At times it seemed that it would shoot beyond the edge, rider and all! At such instants I had to muster a good deal of will power to keep from recoiling. I exercised that will power and did not recoil aware that this bit of courage was altogether indispensable for preserving some self-respect at least.

She zoomed past me generating a wake vortex. Then I saw from behind – a small figure, shoulders hunched, swiftly receding into the distance.

Because every time she went zooming past me I felt a pang of fear, I perceived

some kind of roguishness whenever the small, skimpy figure hurtled away astride the heavy machine. I even half-expected her to turn round and look at me.

The tube of planks was shuddering. To my horror I recognized in it an ordinary barrel.

Plus the crackle of the engine. A splendid, dry, high-pitched sound.

The number over, I felt deaf. And in the mute stillness I saw the motorcycles roll off the wall and come to a halt while the woman, still in the saddle, lifted her hand. Then she removed her goggles and instead of the wide-eyed grasshopper mask there appeared in the air, as though in a mirror, a lovely human face.

As I walked away from the tower I noticed the lettering going round it which read “Motorcycle Races on the Wall.”

The letters were huge block capitals. The tower gleamed cheerfully white in the clear air of the amusement park.

There had been a time when a similar stunt was performed by bicyclists. They rode inside a giant basket. The audience could see them through the “wickerwok.”

Admittedly, it was not as impressive as the motorcycle number. A bicycling figure has comic connotations. Even so the side show was a fantastic novelty.

When did it all start here?

Nineteen hundred and ten?

The circus was still of the old kind. The changes in urban life brought about by technological discoveries had not yet made an impact on the circus.

And the first article in the world of technology to make it to the circus ring was the bicycle.

Prior to that I remember a display of some electricity miracles. The show was made to look like a science experiment and was solemnly called “Currents of Nikola Tesla.” But those were just conjuring tricks. The viewer was supposed to believe that the man before him remained unscathed despite having high-voltage currents go through his body.

The bicycle made a tremendous impression. If I remember rightly it was sloping-track riding that was the first kind of bicycle act practiced in the circus, and it was not till later that circus actors took to performing on a floor of white polished boards laid on the ring. By then the bicycle stunt had turned into a comic number. Because bicycling got increasingly common, the bicycle had to be reinforced with clownery to retain its right to amaze. The familiar bicycle of the technical world was no more. It had disintegrated into its two constituent wheels. And the chance was instantly seized by circus comedians.

Now, the motorcycle is awesome. Not the kind of machine to trifle with. When one thinks that speed involves danger, the picture in one’s mind is not that of a car but precisely the motorcycle swiftly crossing our field of vision.

The younger sister of the melancholy bicycle seems wicked, impatient, and untameable. It shudders with rage, it snorts. Whereas the one used to flit about like a dragonfly, transparent and fragile, the other tears along like a rocket.

I'm trying to answer my own question about the secret of the special effect made on spectators by shows like motor racing on the wall... And the effect is indeed unique.

The secret is that the sight of a human being moving up a vertical surface contains an element of the most powerful fantasy our consciousness is capable of. The kind of fantasy that occurs when our earthly vision catches an event caused by defying the law of gravity.

These events are the utmost in fantasy. They are the most baffling for our earthly perception because when they occur we get a momentary glimpse of some nonexistent world where the physical laws are the reverse of ours.

We feel the flavor of magic when we watch an acrobat doing a somersault. The acrobat is indisputably the most surreal figure in the circus.

The circus noted the powerful effect on the human being of various shows contradicting our usual ideas of the man-space relationship. Most circus numbers are built on playing with balance: tightrope, walking, juggling, balancing acts.

So what is it?

The circus uses the language of magic to talk about science! The angles of incidence equaling the angles of reflection, centers of gravity, points of force application – we see all that in the colorful movements of the circus.

This is enchanting.

We see man, brave and strong, and confident enough to venture on challenging the limits set for him by Nature.

2.11 Удивительный случай всеобщего недоумения (*Н. Лесков*)

Священник смиренного, но втайне самолюбивого нрава, овдовел на седьмом году своего супружества и, высшее в судьбе себе назначая, воздержался мелких забот¹ о жизни и воспитании оставленных ему женою малолетков², а избрал иной путь, его достойный, и для того оставил детей на попечении тещи, а сам благословился у владыки и пришел в обитель искать иноческого чина. Но игумен обители, старец благочестивый, приходящих из духовного звания не любил, ибо находил скромности и послушания гораздо больше в простых и неученых людях, и сказал новонаначальному: «Поживи сначала так и посмотри еще, можешь ли все понести». Новонаначальный же брат выслушал это смиренно и остался в отведенной ему келье, а для надзора за ним и полезного руководства учрежден нарочито³ опытный инок, высокой жизни, и тот, через три дня по поступлении упомянутого новонаначального, стал замечать за ним странность в непомерной томности его лица и в упадке впалых глаз и всем осунувшемся выражении. Но тот благочестивый старец, как многоопытный в жизни, примечал, что у вдовцов часто в обители такое мрачное расположение духа происходит от воспоминаний пищи⁴ и домашних радостей прошедшей обеспеченной жизни, но однако, сколь сие ни сильно, но при желании духовных достигнуть в каждом разе высшего себе сана

скоро преобладает и проходит. Только в этом случае все несколько иначе продолжалось и с большим ожесточением. Так, брат, которому поручен был новоначальный, надзирая за ним в свою противную дверь⁵, усмотрел, что тот ночью порою, коль скоро все в обители улягутся, как бы ужаленный страстью, из кельи своей убегает и, содрогаясь, тихо стонет, а потом целые ночи не спит и в келью не возвращается, а, побегав по галерейке, становится у стекол и, прислонясь к оным лбом, глядит в даль на кресты и памятники окружающего кладбища. Опытный брат еще более утвердился, что новоначальный скучает об усопшей своей жене и вопиет к земле о возвращении. Когда же заметил, что это, не прекращаясь, все продолжается, то, приотворив свою дверь сказал ему:

- Это нехорошо, брат! Для чего ты стоишь в галерее? Иди, помолись и усни в своей постели.

А тот отвечал:

- Не могу.

И открылся, что, с тех пор как перешел из своего дома в обитель, уже одиннадцатые сутки уснуть не может. А опытный брат ему отвечал:

- Послушай меня в том, чем я тебе могу пользоваться моим советом: походи ты на ночь подольше по воздуху и, возвратясь в келью, съешь как можно больше черного хлеба или ржаных блинов с вареным маслом до сытости и тогда ляжь⁶, ни о чем не думай, кроме проносимых над головою твоею облаков. Пища черного хлеба на ночь и представление облаков весьма сильно на отдых позывает и дает сон, и ты непременно уснешь, как скоро так сделаешь.

А как брат этот был добр, то сам принес новоначальному целую половину мягкого ржаного хлеба, и тот все съел; но как ни старался лежать, представляя себе проносящиеся облака, однако, внезапно сорвавшись с постели, опять выбежал на галерею и провел на ногах двенадцатую ночь, глядя на кладбище.

Тогда опытный брат, видя, что в новоначальном даже ржаное зерно не спит, сказал игумену, и к неспящему брату был прислан монастырский врач, инок из старых морских лекарей, который знал лечение, как следует по монастырской жизни, и всякому из братии помогал при употреблении постной пищи и не обнаруживая нескромной пытливости насчет причин, ибо все бывает от воли Божией.

Сейчас же он дал неспящему росные кропли⁷ и сказал: «Прими и будешь спать крепко», и тот принял, но опять не заснул нимало. Тогда врач-инок на другую ночь пустил ему в рюмку воды усыпительного опиому⁸ и велел проглотить; но сна даже и от этого опять не было, напротив же, новоначальный от того будто стал бредить и водить глазами, с остолбенением, в потолочную точку.

Видя это, врачующий брат посадил его на скамью и, дав ему в левую руку длинную палку от подметальной щетки, велел держать оную и перебирать по ней перстами⁹ как можно дробнее и почаще¹⁰, а сам обнажил ему руку по самое плечо, стянул оную столь крепко ремнем, что все жилы натянулись как дратвы и, ухватив самую сильно напрягающую жилу, просекнул ее острием ланцета, отчего кровь в

ту же минуту бросилась вверх ручьем, и ударила, и полилась в медный тазик. Когда же крови было спущено столько, что острота вида в глазах пользуемого утишилась и он с потолка опустил глаза к полу и стал как бы засыпать и со скамьи клониться, то братия его взяли под силу¹¹, и положили в постель, и вышли, заперев дверь до утра. Но поутру застали его опять стоящего на ногах и говорящего уже совсем невнятным языком.

В таком случае, почитая его поврежденным в рассудке, отправили его в городскую больницу, где светский лекарь, расспросив что и как было и чем пользовали, стал врача-инока порицать и над кроплями из росного ладана смеялся, а раскрыл перстами веки больного и, по рассмотрении измененных его зрачков, сказал, что по нынешней науке, которая от старого времени вперед большие шаги сделала, причину всякой болезни можно открыть не иначе, как чтобы всего человека разложить вдоль и пристукать и подслушать¹². Тогда все верно окажется.

И, положив болящего, начал его пристукивать руками и подслушивать ухом, и сказал, что понял все, что в нем происходит, и сейчас же велел старшему фельдшеру, какую над ним надписать латынскую болезнь. Потом же приказал посадить болящего брата в теплую ванну, и после, выняв оттуда¹³, дать ему выпить лекарство, какое следует по новой науке, и положить в постель. Но как только новоназначенного брата раздели и он в теплой ванне согреваться начал, то там же, несмотря на все удержания, сейчас заснул, так что лекарства ему уже дать не могли, а, надев на него на сонного белье, положили в постель, и он все спал, как младенец, и проспал таким манером целые трое суток, и как возбудить его было невозможно¹⁴, то уже думали, что он умер и не проснется. А на четвертый день он сам проснулся в третий звон о заутрени и был здоров так, что даже румянец в нем заиграл на щеках, и он попросил себе пить чего-либо кислого, но ему дали чаю с белой булкой, а в тот же час фельдшера побежали за всеми старшими и младшими докторами, которые приказали их немедленно известить, коль скоро столь удивительный больной проснется, ибо о сне его и о прежде бывшей бессоннице они все хотели сочинения писать и в медицинской ученой газете печатать.

Все доктора, как старшие, так и младшие, пришли скоро и опять больного пристукали и подслушали, а потом стали любопытно расспрашивать: сколько ему отроду лет и какого он звания?

Тот отвечал правдиво и явственно.

- Не было ли у вас когда-либо прежде до сего случая продолжительной бессонницы и потом очень долгого сна?

Он отвечал, что бессонницы у него до прихода в обитель никогда прежде не было, а напротив, всегда имел сон, как должно.

Тогда спросили опять: какие он имел перед сим беспокойные страсти или сожаления? Но он отвечал, что никаких страстей и сожалений не имел, ибо смерть жены его есть воля Божия.

- Чему же вы приписываете, что вы в вашей келье целые четырнадцать

ночей уснуть не могли?

- Ничему иному, - отвечал брат, - как несметному изобилию неисчислимых¹⁵ в той келье клопов.

Тогда старшие и младшие доктора, переглянувшись друг с другом, велели снять с кровати латынское надписание обозначенной ему болезни, и сочинения о бессонии его не писали, а брат вернулся в обитель и за свое терпение и послушливость заслужил большое расположение, которое немало содействовало ему достойную ступень достигнуть.

Commentary on the Russian:

- *воздержался мелких забот*: the archaic ring is lent to the sentence by omitting the preposition (modern R. requires that *воздержаться* be followed by *от*); this is a typical element of the uniquely Leskovian blend of obsolete, high-flown and “folksy” vocabulary, unwieldy syntax and pleonasm (redundancy of expression) that the writer uses to parody the narrative style of semi-literate clerics, etc.

- *малолетков*: a vernacular ungrammaticality; the standard form is *малолеток*
- *нарочито*: here, “specifically”, “for the purpose”; in modern R. the wd is used to mean “deliberately”

- *от воспоминаний пищи*: substitution of the genitive for the prepositional case aimed at “antiquating” the style; the stylistically unmarked version of the phrase would be *от воспоминаний о пище*

- *в свою противную дверь*: *противный* is used here in its obsolete meaning of “opposite” that has been preserved in a number of set expressions, such as *в противном случае* (“otherwise”), *доказательство от противного* (“the rule of contraries”), or *противные стороны* (“opposing sides”); the wd’s meaning readily recognized by modern speakers of R. is “nasty”, “revolting”

- *и тогда ляжь*: an instance of “lie-lay” ungrammaticalities still very common with the less educated Russians (the standard imperative is *ляг*)

- *росные кропли*: drops of *росный ладан* (“benjamin”), whose medicinal properties are dubious to say the least; *кропли* is the obsolete or vernacular wd for *капли*, from the verb *кропить* (“to sprinkle”)

- *опиому*: a misspelling of *опиуму*

- *перстами*: *персты* is the old word for *пальцы* (“fingers”) that survives in lofty prose and poetry, or else is used to create the effect of mock bombast

- *как можно дробнее и почаще*: an unlikely combination, as *почаще* means “a little more often” and so clashes with *как можно*, enhancing the humorous effect

- *взяли под силу*: usu. *под силки*, an archaic vernacular phrase for *взяли под мышки*

- *пристукать и подслушать*: the slight deviation from the more grammatical *простукать и послушать* makes the phrase the more delightfully amusing because the

first component bears some resemblance to пристукнуть (“to club to death”), while the second is literally “to eavesdrop”

- *выняв оттуда*: standard R. has вынуть (“having removed/taken out of”)
- *возбудить его было невозможно*: unlike the contextually appropriate разбудить (“to awaken”), возбудить, that is used to mean the same in days of yore, has retained only the meaning of “excite” esp. sexually.
- *несметному изобилию неисчислимых*: a humorously overdone case of pleonasm.

The Extraordinary Case of General Perplexity

By Nikolai Leskov

A priest of a meek, but secretly proud disposition became a widower after six years of matrimony, and, ordering for himself the highest destiny of all, abstained from the petty cares of living and rearing the young progeny left him by his spouse, but choose another path instead, more worthy of him, to which end he left his children in the charge of his mother-in-law, while obtaining the bishop’s blessing for himself, and went to a cloister to seek monastic orders therein. But the Father Superior, an old man of great piety, disliked newcomers of the clerical office, for he fond far more modesty and obedience in ordinary laymen; so he said to the novice-to-be:

“Live here awhile as you are and see if you are able to endure the burden.”

The would-be brother, for his part, heard him out without a murmur and stayed in the cell assigned to him; while for the purpose of supervision and helpful guidance a monk was appointed who was noted for his great experience and holy living; and that monk, three days after he said novice-to-be was admitted, started to observe a certain oddity about him expressed in excessive languor of countenance, listlessness of sunken eyes and generally haggard aspect. But the pious old monk, possessive of vast life experience, had noticed that in a cloister widowers succumb to such sullenness not uncommonly, from memories of meals and domestic joys in their past life of comfort; yet, however, whatever the intensity of that, in ecclesiastics desirous of higher order, the mood was soon overcome and thus but transient. In this instance, though, things followed a somewhat different course and assumed greater vehemence. Thus, the brother charged with overseeing the novice, watching him through his doors across the passage, observed the man nightly, after all the others in the cloister retired to bed, run out of his cell, as though stung by passions, and moan softly all a-quiver, and stay awake all night, never to his cell returning, and, having scurried to and fro along the little gallery yonder, stand still by the glass panes, his brow pressed against those, and gaze at the crosses and tombstones of the cemetery some distance away. The wise old brother grew over more certain that the novice was pining after his deceased spouse and appealing to the earth for her return. And when he saw that, far from ending, the thing continued unabated, then setting his door ajar, he said to him:

“This is not proper, brother. Wherefore standest thou in the gallery? Come, say thy prayers and go to sleep in thy bed.”

And the man replied:

“I cannot.”

And confessed to him that, since he left his home for the cloister, he had not been able to sleep for eleven nights. And the wise old brother said to that:

“Listen to me and heed what advice I can give to help thee: Take a good long walk outside before bedtime and, upon returning to thy cell, eat plenty of brown bread or rye pancakes with baked butter, to satiety, and then lay down and think of nothing but clouds sailing over thy head. A late meal of brown bread and picturing of clouds are exceedingly conducive to restfulness and slumber, and thou wilt surely fall asleep as soon as this be done.”

Now, the holy brother being a kind man, he troubled himself to fetch a whole half-loaf of soft rye bread for the novice, and the latter ate up the lot; but all his efforts to lie down and picture clouds sailing overhead notwithstanding, he nevertheless leapt off his bed with great alacrity and again ran out into the gallery where he spent a twelfth night standing up and gazing at the cemetery.

Then the wise old monk, seeing that even the rye grain would not sleep within the novice, apprised the Father Superior of the matter who sent to the wakeful brother the monastery physician, a one-time naval medical turned monk; he knew of treatments appropriate for monastic routine, and would help any one of the fraternity taking Lenten fare, and never displayed improper curiosity as to the reason, for everything is caused by God’s will.

He at once gave the wakeful one benjamin drops and said:

“Take this and you will sleep soundly.”

And the man did so, but again slept not one wink. Then the medical monk dissolved some soporific opium in his glass of water the next night which he ordered the brother to swallow; but even that failed to bring on sleep; contrariwise, the novice fell into a manner of delirious state from that, his eyes wandering, glazed and unseeing, until fixed to a point on the ceiling.

Witnessing this, the healing brother sat him on a bench and, giving him a long sweeping broom handle to grasp in his left hand, told him to hold the shaft and run his digits along it with movements minute and rapid; saying which, he exposed the novice’s arm even up to the shoulder, strapped the limb up with a belt so tightly that all the veins stood out taut as ropes, and, having seized the one most taut, lanced it through with a blade, which caused blood to squirt that very instant and gush forth into a brass basin. And when so much blood had been let that the sharpness of vision in the patient’s eyes dimmed and he lowered his gaze from the ceiling to the floor and made as if to be falling asleep and slumping over on the bench, the brethren hooked their arms round him, lifted him up and put him to bed, locking the door behind them till morning. But in the morrow they again discovered him on his feet talking in an utterly incomprehensible manner.

This time, believing him to be disturbed in his mind, they sent him to the town hospital where a lay physician, having made inquiries as to what and how had occurred and what treatment had been administered, started saying words of censure about the medical monk and laughed scornfully at the drops of benjamin; while what he did himself was pry wide open the patient's eyelids with his fingers and, upon examining the changed aspect of the pupils, say that, according to contemporary science, which had advanced greatly since the olden times, the cause of any indisposition could be discovered in no other way than by means of placing the person lengthwise and giving him a tapping and a listen. Then all would be just correct.

And, having laid the sufferer on his back, he began to tap him with his hands and listen with his ear, and said that he had divined everything that was happening within, and instructed his chief assistant at once as to what Latin ailment should be inscribed overhead. Then he ordered the ailing brother to be placed in a warm bath, after which, having been lifted thereout, he was to be given medicine according to the latest science and put to bed. But as soon as the novice brother was undressed and started to feel pleasantly warm in the bath water, he fell asleep there and then, in spite of all preventions, so that they could not give him the medicine, but, having clad him, dozing, in some underwear, put him to bed where he slept on like a babe, and thus slept solid for all of three days, and proving impossible to arouse, they presumed him dead and never to be up again. But on the fourth day he awoke by himself, on the third prime chimes, and was so well that even his cheeks glowed; and he asked for a drink of something sour, but they gave him tea and scones, and that very instant the medical assistant ran off to fetch all doctors, both senior and junior, who had given instructions to be notified if so unusual a patient did come awake, for about his sleep and erstwhile insomnia they all wished to write compositions to be published in a learned medical journal.

All the doctors, senior and junior alike, arrived soon and again gave the patient a tapping and a listen all over, and having done that, started to question him with much curiosity: How many years of age he had and what was his calling.

The man replied with perfect truthfulness and clarity.

“Did you experience ever before, until the present event, protracted insomnia and very long sleep afterwards?”

He replied that he had never known insomnia prior to his arrival at the cloister, but conversely, had always enjoyed wholesome sleep as should be.

Then they asked again: What kind of disturbing passions or regrets had he had before that? But he replied that he had felt no passions and regrets, for his wife's demise was God's will.

“Then to what do you ascribe the fact that for whole fourteen nights you were unable to sleep in your cell?”

“To no other thing,” the brother replied, “than the countless multitudes in that cell of innumerable bedbugs.”

Then the senior and junior doctors, having exchanged meaning looks, ordered the Latin designation of the ailment to him assigned to be taken off his bed, and wrote no

compositions on his insomniac state, while the brother returned to the cloister and with his patience and obedience won great favor there, which helped him not a little in attaining the worthy state.

2.12 Мошенники поневоле. Новогодняя побрехушка (А. Чехов)

У Захара Кузьмича Дядечкина¹ вечер. Встречают Новый год и поздравляют с днем ангела² хозяйку Меланью Тихоновну.

Гостей много. Народ всё почтенный, солидный, трезвый и положительный. Прохвоста ни одного. На лицах умиление, приятность и чувство собственного достоинства. В зале на большом клеенчатом диване сидят квартирный хозяин Гусев и лавочник Размахалов, у которого Дядечкины забирают по книжке³. Толкуют они о женихах и дочерях.

— Нонче трудно найти человека, — говорит Гусев. — Который⁴ непьющий и обстоятельный... человек, который работающий... Трудно!

— Главное в доме — порядок, Алексей Василч! Этого не будет, когда в доме не будет того... который... в доме порядок...

— Порядка коли нет в доме, тогда... всё этак... Глупостей много развелось на этом свете... Где быть тут порядку? Гм...

Около них на стульях сидят три старушки и с умилением глядят на их рты. В глазах у них написано удивление «уму-разуму». В углу стоит кум Гурий Маркович и рассматривает образа. В хозяйской спальне шум. Там барышни и кавалеры играют в лото. Ставка — копейка. Около стола стоит гимназист первого класса⁵ Коля и плачет. Ему хочется поиграть в лото, а его не пускают за стол. Разве он виноват, что он маленький и что у него нет копейки?

— Не реви, дурак! — увещевают его. — Ну, чего реवेशь? Хочешь, чтоб мамаша высекла?

— Это кто ревет? Колька? — слышится из кухни голос маменьки. — Мало я его порола, пострела... Варвара Гурьевна⁶, дерните его за ухо!

На хозяйской постели, покрытой полинялым ситцевым одеялом, сидят две барышни в розовых платьях. Перед ними стоит малый лет двадцати трех, служащий в страховом обществе, Копайский, en face очень похожий на кота. Он ухаживает.

— Я не намерен жениться, — говорит он, рисуясь и оттягивая пальцами от шеи высокие, режущие воротнички. — Женщина есть лучезарная точка в уме человеческом, но она может погубить человека. Злостное существо!

— А мужчины? Мужчина не может любить. Грубости всякие делает.

— Как вы наивны! Я не циник и не скептик⁷, а все-таки понимаю, что мужчина завсегда будет стоять на высшей точке относительно чувств.

Из угла в угол, как волки в клетке, снуют сам Дядечкин и его первенец Гриша. У них души горят⁸. За обедом они сильно выпили и теперь страстно

желают опохмелиться... Дядечкин идет в кухню. Там хозяйка посыпает пирог толченым сахаром.

— Малаша, — говорит Дядечкин. — Закуску бы подать. Гостям закусить бы...

— Подождут... Сейчас выпьете и съедите всё, а что я подам в двенадцать часов? Не помрете. Уходи... Не вертись перед носом!

— По рюмочке бы только, Малаша... Никакого тебе от этого дефицита не будет... Можно?

— Наказание! Уйди, тебе говорят! Ступай с гостями посиди! Чего в кухне толчешься?⁹

Дядечкин глубоко вздыхает и выходит из кухни. Он идет поглядеть на часы. Стрелки показывают восемь минут двенадцатого. До желанного мига остается еще пятьдесят две минуты. Это ужасно! Ожидание выпивки самое тяжелое из ожиданий. Лучше пять часов прождать на морозе поезд, чем пять минут ожидать выпивки... Дядечкин с ненавистью глядит на часы и, походив немного, подвигает большую стрелку дальше на пять минут... А Гриша? Если Грише не дадут сейчас выпить, то он уйдет в трактир и там выпьет. Умирать от тоски он не согласен...

— Маменька, — говорит он, — гости сердятся, что вы закуски не подаете! Свинство одно только... Голодом морить!.. Дали бы по рюмке!

— Подождите... Мало осталось... Скоро уж... Не толчись в кухне.

Гриша хлопает дверью и идет в сотый раз поглядеть на часы. Большая стрелка безжалостна! Она почти на прежнем месте.

— Отстают! — утешает себя Гриша и указательным пальцем подвигает стрелку вперед на семь минут.

Мимо часов бежит Коля. Он останавливается перед ними и начинает считать время... Ему ужасно хочется поскорей дожить до того момента, когда крикнут «ура!». Стрелка своею неподвижностью колет его в самое сердце. Он взбирается на стул, робко оглядывается и похищает у вечности пять минут.

— Подите, поглядите, келер этиль?¹⁰ — посылает одна из барышень Копайского. — Я умираю от нетерпения. Новый год ведь! Новое счастье!¹¹

Копайский шаркает обеими ногами¹² и мчится к часам.

— Чёрт подери, — бормочет он, глядя на стрелки. — Как еще долго! А жрать страсть как хочется... Катьку непременно поцелую, когда ура крикнут.

Копайский отходит от часов, останавливается... Подумав немного, он ворочается¹³ и укорачивает старый год на шесть минут. Дядечкин выпивает два стакана воды, но... горит душа! Он ходит, ходит, ходит... Жена то и дело гонит его из кухни. Бутылки, стоящие на окне, рвут его за душу. Что делать! Нет сил терпеть! Он опять хватается за последнее средство. Часы к его услугам. Он идет в детскую, где висят часы, и наталкивается на картину, неприятную его родительскому сердцу: перед часами стоит Гриша и двигает стрелку.

— Ты... ты... ты что это делаешь? А? Зачем ты стрелку подвинул? Дурак ты этакий! А? Зачем это? А?

Дядечкин кашляет, мнется, страшно морщится и машет рукой.

— Зачем? А-а-а... Да двигай же ее, штов она сдохла¹⁴, подлая! — говорит он и, оттолкнув сына от часов, подвигает стрелку.

До Нового года остается одиннадцать минут. Папаша и Гриша идут в зал и начинают готовить стол.

— Малаша! — кричит Дядечкин. — Сичас Новый год!

Меланья Тихоновна выбегает из кухни и идет проверить супруга... Она долго глядит на часы: муж не врет.

— Ну как тут быть? — шепчет она. — А ведь у меня еще горошек для ветчины не сварился! Гм. Наказание. Как я им подам?

И, подумав немного, Меланья Тихоновна дрожащей рукой двигает большую стрелку назад. Старый год обратно получает двадцать минут.

— Подождут! — говорит хозяйка и бежит в кухню.

Commentary on the Russian:

- у Захара Кузьмича Дядечкина: Chekhov often gives his characters comic-sounding names that may or may not be described as “token”. Translators sometimes feel compelled to invent similar appellations rather than transcribe the names as they are. In this case Дядечкин could be replaced by something like “Nunkin”.

- с днем ангела: a venerable Russian tradition of having two “birthday” parties a year, one in celebration of one’s date of birth, the other to mark the day of the saint one is named after; some unfortunate individuals, however, have theirs falling on the same day. The decades of atheist propaganda in the Soviet Union have effectively killed the practice of saint’s day celebrations simply because few people can now confidently say which day belongs to which saint.

- забирают по книжке: a very wide-spread practice before the revolution, when shopkeepers readily gave credit to regular customers, marking the sums owed in special ledgers.

- нонче... который: vernacular ungrammaticalities that point to the lower middle-class origin of the characters; a correct version of the same would be нынче/теперь трудно найти непьющего человека. Cf. also глупостей instead of глупостей, завсегда instead of всегда, and беспрерменно instead of непременно lower down.

- гимназист первого класса: about ten years old.

- Варвара Гурьевна: obviously the offspring of Гурий Маркович.

- не циник и не скептик: hardly a meaningful utterance; the young man is showing off with “clever” words about whose meaning he is pretty hazy.

- у них души горят: the usual R. metaphor to describe the extremely uncomfortable sensation experienced by someone who has drunk too much.

- чего на кухне толчешься: the lady of the house seems unsure of her

prepositions for she will presently say Не толчись в кухне; in fact, *в* is used in preference to *на* with those nouns that take *из* rather than *с* to suggest movement *away* or out of the place in question (в Москву/в Москве – из Москвы; на дворе – со двора); the wd кухня vacillates between the two.

- *келер-етиль*: the young lady's turn to show off with a parody of French (Quelle heure est-il? – What's the time?).

- *Новый год ведь! Новое счастье*: this highly unoriginal observation was prompted by the New Year greeting formula с НОВЫМ ГОДОМ, с НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

- *шаркает обеими ногами*: not shuffling literally, but clicking his heels, and overdoing it in his eagerness (usu. шаркнуть ногой).

- *ворочается*: obsolete; the synonym now in use is возвращается.

- *штоб она сдохла*: the misspelling of *чтоб* merely stresses the emotional state of the gentleman; it is not ungrammatical but an accurate representation of the word's phonetic form (the same applies to *сичас* instead of *сейчас*).

Chisellers of Necessity. New Year yarn

By Anton Chekhov

Zakhar Kuzmich Dyadechkin is having a party. They are seeing in New Year and celebrating the name day of the mistress of the house, Melanya Tikhonovna.

The guests are fairly numerous. All solid, respectable, well-behaved folk, to a man, not a crook among them. The faces are expressive of mellowness, content and dignity. Seated on a large oilskin settee in the living-room are: Gusev the landlord, and Razmakhalov the shopkeeper from whom the Dyadechkins buy food on credit. The topic of their conversation is daughters and bridegrooms.

"These days it's not easy to find a man," Gusev is saying, "what's a non-drinker and dependable sort... A man what is working... Not easy at all."

"What you want about a home is order, Alexei Vasilyevich. You can't have any of that if you don't have this in your house... I mean... order in the house..."

"If there isn't order in the house, then... it's all much of a ... There's now lots of follies in the world... Where would order come from? Ahem..."

Seated on the chairs beside them are three nice old ladies who are hanging on their lips. In the old ladies' eyes there is wonder at the men's "wit and wisdom." Standing in the corner is Gury Markovich, the godfather of the host's children, who is minutely examining the icons. The bedroom is noisy. In there young ladies and gentlemen are playing lotto. The stake is one kopeck. Next to the table, first-grader Kolya is standing weeping. He longs to join the game, but they would not let him. Now, it isn't his fault, is it, that he is little and does not possess a one-kopeck piece?

"Stop blubbering, you ninny," they admonish him.

"Why are you blubbering, anyway? Want mama to cane you?"

"Who's that blubbering? Young Kolya, is it?" mama's voice responds from the

kitchen. ‘Didn’t I flog him enough, that naughty kid? Go on, pull his ear, Varvara Guryevna.’”

Sitting on the hosts’ bed covered with a faded chintz counterpane are two young ladies in pink dresses. Standing in front of them is a lad of twenty-three or so, Kopaysky, an insurance clerk, who looks uncannily like a tomcat full-face. He is chatting them up.

“I have no intention to marry,” he says, posturing and pulling away from his neck the cutting high collar. “Woman is a radiant point in man’s mind, but she can be the man’s undoing. A pernicious creature!”

“How about men? Man doesn’t know how to love. He does all manner of crudity.”

“Gosh, how narve you are! I’m no cynic, nor skeptic either, but I am still aware that man will always stand on the highest point regarding feelings.”

Pacing to and fro, like a couple of wolves in a cage, are Dyadechkin himself and his first-born Grisha. Their souls are on fire. After copious libations at lunch they are yearning for a hair of the dog... Dyadechkin goes to the kitchen. In there his missus is sprinkling a cake with caster sugar.

“Malasha, darling,” says Dyadechkin. “How about serving the hors d’oeuvres to the guests? They could do with a bite...”

“They can jolly well wait... You’ll guzzle the lot now, and what shall I serve at midnight? A little waiting won’t kill you. Get out... You’re getting under my feet.”

“Just a tiny glass of wine, dearest... Surely that won’t set you back any? May I?”

“For heaven’s sake! Get out, I told you! Go talk to the guests. What do you want in the kitchen?”

Dyadechkin heaves a sigh and removes himself from the kitchen. He goes to take a look at the clock. The clock hands point to eight past eleven. Another fifty-two minutes to go before the coveted hour. It’s unbearable! Waiting for a drink is the worst kind of waiting. It is better to wait five hours for a train in a severe frost than to wait five minutes for a drink... Dyadechkin gives the clock a black look and, having paced about the room for some time, pushes the big hand five minutes forward... Now, what about Grisha? If Grisha is not given a drink this instant, he will go to the pub and get one there. He has no intention of dying from anguish...

“Mother dear,” he says, “the guests are cross because you won’t serve the hors d’oeuvres. It’s right mean of you. Starving people to death... Why can’t we have a glass of wine apiece?”

“Wait... Won’t be much longer now... In a little while... Don’t hang around the kitchen.”

Grisha slams the door and goes to look at the clock for an umpteenth time. The big hand is implacable! It has hardly moved at all.

“The clock’s slow,” Grisha tells himself reassuringly and pushes the hand seven minutes forward with his index finger.

Here is Kolya scampering past the clock. He stops and tries to figure out what the

time is... He can't wait to see the moment when they'll shout "Hurra!" The big hand's immobility cuts him to the quick. He climbs onto a chair, glances back fearfully, and robs eternity of five minutes.

"Do go and look quelle heure est-il," one of the young ladies sends Kopyasky on an errand. "I'm dying from impatience. It's New Year! New luck and all that."

Kopyasky bows deeply and hurries away to the clock.

"Damn!" he mutters at the sight of the clock hands. "It'll be ages yet! And I'm starving... I'll kiss that Kate, see if I don't, when they shout 'Hurra'."

Kopyasky takes a few steps back and halts... After some deliberation, he returns and takes six minutes off the Old Year. Dyadechkin gulps down two glasses of water, but ... his soul is on fire! He roams about the flat... His wife shoos him out of the kitchen every now and then. The bottles lining the window sill are a torment. What to do? He can't endure it any longer! He snatches at a straw once again. There's the clock at his disposal. He goes to the nursery where the clock is and is suddenly confronted with a sight most unpleasant to his parental heart. Standing in front of the clock is Grisha, who is moving the hand.

"You... you... what do you think you're doing? Huh? Yountwit! Why did you move that hand? What's that for? Huh?"

Dyadechkin coughs, wavers, contorts his face horribly, and waves his hand.

"Why? Aaargh... Go on, move the blasted thing, may it drop dead this minute!" he says and, pushing his son away from the clock, moves the hand himself.

Eleven minutes to New Year. Grisha and his parent repair to the living room and start laying the table.

"Malasha, dearest," calls Dyadechkin. "It's going on New Year!"

Malanya Tikhonovna dashes out of the kitchen and goes to verify her husband's information... She gazes at the clock a long time: Her husband has not lied.

"Well, what can one do?" she whispers. "And the peas for the ham are not done yet! Hmm. Botheration! How can I serve it to them?"

And, after thinking for a while, Malanya Tikhonovna moves the hand back tremulously. The Old Year regains twenty minutes of the time it has lost.

"They can wait," says the mistress of the house and returns to the kitchen at a trot.

2.13 Выходной день (Варлам Шаламов)

Две белки небесного цвета, черномордые, чернохвостые, увлеченно вглядывались в то, что творилось за серебряными лиственницами. Я подошел к дереву, на ветвях которого они сидели, почти вплотную, и только тогда белки заметили меня. Беличьи когти зашуршали по коре дерева, синие тела зверьков метнулись вверх и где-то высоко-высоко затихли. Крошки коры перестали сыпаться на снег. Я увидел то, что разглядывали белки.

На лесной поляне молился человек. Матерчатая шапка-ушанка комочком

лежала у его ног, иней успел уже выбелить стриженую голову. На лице его было выражение удивительное – то самое, что бывает на лицах людей, вспоминающих детство или что-либо равноценно дорогое. Человек крестился размашисто и быстро: тремя сложенными пальцами¹ правой руки он будто тянул вниз свою собственную голову. Я не сразу узнал его – так много нового было в чертах его лица. Это был заключенный Замятин, священник из одного барака со мной.

Все еще не видя меня, он выговаривал негромко и торжественно немеющими от холода губами привычные, запомненные мной с детства слова. Это были славянские формулы литургийной службы – Замятин служил обедню в серебряном лесу.

Он медленно перекрестился, выпрямился и увидел меня. Торжественность и умиленность исчезли с его лица, и привычные складки на переносице сблизили его брови. Замятин не любил насмешек. Он поднял шапку, встряхнул и надел ее.

– Вы служили литургию, – начал я.

– Нет, нет, – сказал Замятин, улыбаясь моей невежественности. – Как я могу служить обедню? У меня ведь нет ни даров, ни епитрахили. Это казенное полотенце.

И он поправил грязную вафельную тряпку², висевшую у него на шее и в самом деле напоминавшую епитрахиль. Мороз покрыл полотенце снежным хрусталем, хрусталь радужно сверкал на солнце, как расшитая церковная ткань.

– Кроме того, мне стыдно – я не знаю, где восток. Солнце сейчас встает на два часа³ и заходит за ту же гору, из-за которой выходило. Где же восток?

– Разве это так важно – восток?

– Нет, конечно. Не уходите. Говорю же вам, что я не служу и не могу служить. Я просто повторяю, вспоминаю воскресную службу. И я не знаю, воскресенье ли сегодня?⁴

– Четверг, – сказал я. – Надзиратель утром говорил.

– Вот видите, четверг. Нет, нет, я не служу. Мне просто легче так. И меньше есть хочется, – улыбнулся Замятин.

Я знаю, что у каждого человека здесь было свое *самое последнее*, самое важное – то, что помогало жить, цепляться за жизнь, которую так настойчиво и упорно у нас отнимали. Если у Замятина этим последним была литургия Иоанна Златоуста, то моим спасительным последним были стихи – чужие любимые стихи, которые удивительным образом помнились там, где все остальное было давно забыто, выброшено, изгнано из памяти. Единственное, что еще не было подавлено усталостью, морозом, голодом и бесконечными унижениями.

Солнце зашло. Стремительная мгла зимнего раннего вечера уже заполнила пространство между деревьями. Я побрел в барак, где мы жили, – низенькую продолговатую избушку с маленькими окнами, похожую на крошечную конюшню. Ухватясь обеими руками за тяжелую, обледенелую дверь, я услышал шорох в соседней избушке. Там была «инструменталка» – кладовая, где хранился инструмент: пилы, лопаты, топоры, ломы, кайла горнорабочих.

По выходным дням инструменталка была на замке, но сейчас замка не было. Я шагнул через порог инструменталки, и тяжелая дверь чуть не прихлопнула меня. Щелей в кладовой было столько, что глаза быстро привыкли к полумраку.

Два блатаря⁵ щекотали большого щенка-овчарку месяцев четырех. Щенок лежал на спине, повизгивал и махал всеми четырьмя лапами. Блатарь постарше придерживал щенка за ошейник. Мой приход не смутил блатарей – мы были из одной бригады.

– Эй, ты, на улице кто есть?

– Никого нету, – ответил я.

– Ну, давай, – сказал блатарь постарше.

– Подожди, дай я поиграюсь еще маленько⁶, – отвечал молодой.

– Ишь⁷ как бьется. – Он ощупал теплый щенячий бок близ⁸ сердца и пощекотал щенка.

Щенок доверчиво взвизгнул и лизнул человеческую руку.

– А, ты лизаться... Так не будешь лизаться. Сеня⁹...

Семен, левой рукой удерживая щенка за ошейник, правой вытащил из-за спины топор и быстрым коротким взмахом опустил его на голову собаки. Щенок рванулся, кровь брызнула на ледяной пол инструменталки.

– Держи его крепче! – закричал Семен, поднимая топор вторично.

– Чего его держать, не петух, – сказал молодой.

– Шкуру-тоними, пока теплая, – учил Семен. – И зарой ее в снег.

Вечером запах мясного супа не давал никому спать в бараке, пока все не было съедено блатарями. Но блатарей у нас было слишком мало в бараке, чтоб съесть целого щенка. В котелке еще оставалось мясо.

Семен пальцем поманил меня.

– Забери.

– Не хочу, – сказал я.

– Ну, тогда... – Семен обвел нары глазами. – Тогда попу отдадим. Э, батя¹⁰, вот прими от нас баранинки. Только котелок вымой...

Замятин явился из темноты на желтый свет коптилки-бензинки, взял котелок и исчез. Через пять минут он вернулся с вымытым котелком.

– Уже? – спросил Семен с интересом. – Быстро ты глотаешь... Как чайка. Это, батя, не баранинка, а псина¹¹. Собачка тут к тебе ходила – Норд называется.

Замятин молча глядел на Семена. Потом повернулся и вышел. Вслед за ним вышел и я. Замятин стоял за дверьми на снегу. Его рвало. Лицо его в лунном свете казалось свинцовым. Липкая клейкая слюна свисала с его синих губ. Замятин вытерся рукавом и сердито посмотрел на меня.

– Вот мерзавцы, – сказал я.

– Да, конечно, – сказал Замятин. – Но мясо было вкусное. Не хуже баранины.

Commentary on the Russian:

- *тримя сложенными пальцами*: the normal Orthodox way of making the sign of the cross known as *троеперстие*; it replaced the original *двуперстие* (making the sign of the cross with the index and middle finger of the right hand) when Patriarch Nikon modernized the Church in the second half of the 17th century; the result was the Schism after which the old ritual was practiced only by *староверы* (the Old Believers).

- *“вафельную” тряпку*: towels made of cheap white waffle cloth have for decades been the choice of all types of Soviet institutions, from prisons to the army to hospitals to kindergartens.

- *солнце встает на два часа*: the camp was located in the Kolyma area, in North-Eastern Siberia, where the devastating effect of severe cold on the human system is exacerbating by long periods of darkness, with the sun only briefly appearing over the horizon throughout the interminable winter.

- *воскресенье ли сегодня*: there were no weekends as such for labor camp inmates; days off were irregular and were granted at the camp authorities' discretion, depending on the “labor situation”, i.e. whether or not they were falling short of the target amount of timber, ore, or whatever it was the camp was supposed to produce.

- *два блатаря*: *блатарь* is a slang word for “criminal” used chiefly by non-criminals; the corresponding contemptuous underworld name for a non-criminal is *фраер*. The most inhuman of the Stalin labor camps were largely reserved for political prisoners charged under notorious Article 58 (anti-Soviet activity, etc.); thieves and murderers, affectionately described as “socially close”, i.e. typically of working class origin and therefore, it was assumed, not “anti-Soviet”, were treated far more leniently and constituted a kind of camp aristocracy.

- *поиграюсь еще маленько*: in standard R. *играться* is used as a passive of *играть* (“play”) – e.g., *эта пьеса играется в четыре руки* (“This piece is played as a duet”), or else impersonally – e.g., *мне сегодня не играется* (“I don't feel like playing today”); when used in the meaning of “play”, “amuse oneself” as here, *играться* is strictly vernacular; educated R. speakers use *играть* instead; *маленько* (“a little”) is also a feature of dialectal speech; its standard counterpart is *немного*.

- *ишь*: “see”, “fancy (that)”; a vernacular interjection of amused surprise, amazement, disgust, etc., often in combination with *ты* (*ишь ты, шустрый какой* – “aren't you smart!”).

- *близ*: a somewhat more literary version of *около* (“near”, “close to/by”).

- *Сеня*: a common diminutive of *Семен*.

- *батя*: normally a familiar vernacular form of “father” used to address one's father or an older stranger; here used ironically instead of *батьюшка*, the standard way of referring to a Russian priest.

- *псиная*: now chiefly used in the meaning “doggy smell” (*что-то здесь псиной пахнет* – “There's this smell of dog here”) or as a humorous name for a dog (*Ну, что,*

псина, гулять просишься?—“Well, ready for a walk, old thing?”); here the word has its original meaning of “dog flesh” along with other -ина nouns, such as баранина(“mutton”), свинина(“pork”), говядина(“beef”), etc.

The Day Off

By Varlam Shalamov

Two squirrels of a delicate gray-blue, with black muzzles and tails, peered in fascination at something that was going on beyond the silvery larches. I came up very close to the tree in whose branches they were hiding. Only then did they notice me. The squirrels’ claws rustled along the tree bark; the little creatures’ blue bodies darted upward and crouched noiselessly somewhere high up. Bits of bark stopped showering on the snow. I saw what it was the squirrels had been watching.

A man was praying in the forest clearing. His felt cap with earflaps lay crumpled by his feet in a pathetic little lump; the hoarfrost had already whitened his close-cropped head. His face bore an expression that was truly extraordinary, the kind one sees sometimes on the faces of people recalling their childhood or something equally precious to them. The man was making signs of the cross with wide, swift practiced gestures: With the thumb and two fingers of his right hand pressed together he seemed to be pulling his head downward. I did not recognize him at once, so unfamiliar did his features look. It was convict Zamyatin, a priest from the same barrack hut as myself.

Still unaware of my presence, he was quietly and solemnly saying with cold-numbed lips the familiar words I remembered since childhood. These were the Old Slavonic liturgical formulas – Zamyatin was celebrating mass in the silvery woods.

He crossed himself unhurriedly, straightened up – and caught sight of me. The solemn tender look on his face vanished instantly, and the customary folds over the bridge of his nose knitted his eyebrows together.

Zamyatin resented taunts. He picked up his cap, shook off the snow and put it on.

“You were officiating,” I began.

“No, no,” Zamyatin said smiling at my ignorance. “How could I celebrate mass? I don’t have either the sacraments or the stole, do I? This is a regulation towel.”

And he adjusted the filthy rag of waffle cloth that hung around his neck and indeed was faintly reminiscent of a stole. The frost had coated the towel with a fine crust of crystal; the crystal was glittering iridescently in the sun like a piece of ecclesiastical embroidery.

“Besides I am ashamed to say that I don’t know where the east is. The sun now stays up for just a couple of hours and then sets behind the same mountain it has risen from. So where is the east?”

“But is it all that important where the east is?”

“No, of course it isn’t. Please don’t go. I tell you I’m not officiating, nor can I be. I am merely revising, remembering, going over the Sunday mass. And I don’t even know if it is Sunday today.”

“It’s Thursday,” I said. “The warden said so in the morning.”

“There you are. Thursday. No, no, I’m not officiating. It’s just a little easier this way. And one doesn’t feel quite so hungry,” he said with a smile.

I know that every man here had something left, the last something that was the most important, that helped one to live on, cling to the life we were being deprived of with such persistent obstinacy. If with Zamyatin this something was St. John Chrysostom’s liturgy, my last resort was poetry, other poets’ poems I loved which my brain miraculously resurrected here where everything else had long been forgotten, cast away, banished from memory. It was the only thing still not crushed by weariness, frost, hunger and endless humiliation.

The sun had set. The first-gathering dusk of an early winter afternoon had already filled the space between the trees. I trudged back to the barrack where we lived, a squat oblong of a log hut with small windows that looked like some miniature stable. Grasping the heavy ice-covered door with both hands, I heard a faint rustle in the hut next door. That was a “toolery”, a tool-shed where working implements were kept –saws, spades, axes, crowbars, miner’s hacks.

On days off, the “toolery” was locked, but now there was no padlock on the door. I stepped over the threshold narrowly missing being squashed by the heavy door. The shed was full of cracks, and my eyes soon got used to the semi-darkness.

In there a couple of crims were tickling a big Alsatian pup of four months or so. The pup was on its back and yelped in delight, pawing the air with all four feet. The older of the two crims held it by the collar. My appearance did not disconcert them in the least; we were on the same work team.

“Hey, you, is there anyone out there?”

“Not a soul,” I said.

“Come on, then,” said the older crim.

“Hang on a minute, lemme play with him a while,” begged the younger one.

“Gee, look how it’s pounding,” he felt the pup’s warm side where the heart was and again tickled the animal.

The trusting pup gave a short yelp and licked the human hand.

“Aha, lick, would you? See if you do now. Senya...”

Semyon, still holding the pup by the collar with his left hand, slipped his right hand behind him and produced an ax which he brought down on the dog’s head with a single powerful swing. The pup jerked; blood gushed out on to the icy floor of the “toolery.”

“Hold ‘im tight,” yelled Semyon, raising the ax a second time.

“Why should I told him, he ain’t a chicken,” said the younger man.

“Skin ‘im while he’s still warm,” Semyon was instructing the other. “And bury the skin in the snow.”

In the evening the tantalizing smell of meat soup kept everyone in the barrack hut awake until the crims finished the lot. But there were too few crims in our barrack to cope with a whole big pup. There was still some meat left in the pot.

Semyon beckoned to me.

“Take this.”

“Won’t,” I said.

“Well, then,” Semyon scanned the bunks with his eyes. “Then we’ll give it to the bible-basher here. Hoy, father, here’s some mutton for you. Only mind you wash the pot afterward...”

Zamyatin emerged from the darkness into the ring of yellow light around the wick lamp, grabbed the pot and disappeared. Five minutes later he returned with the pot washed clean.

“Finished already?” asked Semyon in an interested tone. “You’re a fast eater and no mistake... Like some ruddy seagull. That was no mutton, father, that was dog meat. There was that doggy you had visiting here, Nord’s the name.”

Zamyatin eyed Semyon in silence. Then he spun round and marched out of the hut. I followed him outside. Zamyatin was standing in the snow behind the door. He was vomiting. His face seemed leaden in the moonlight. Sticky glutinous saliva hung down from his blue lips. Zamyatin wiped his mouth on his sleeve and gave me an angry look.

“Bloody bastards,” I said.

“Yes, of course,” said Zamyatin. “But the meat was really tasty. As good as mutton.”

PART II ASSIGNMENTS FOR SELF-TRAINING

Recommendations to follow in the tasks for translation:

- Always learn as much as possible about the author and literary tradition of the source text.
- Do not start to translate straight off with the first sentence of the text until you have read it at least twice.
- Study semantic, stylistic and rhythmic values of the names in the text so as not to pass over the chance to select the right forms for them in the target language.
- Consider not only the forms but also expressive functions of the words and sentences in the text.
- While making pre-translating analysis, identify all units of the text which may present a translation problem of a certain linguistic status.
- Consider the comparative associative force of the equivalent units.
- Thoroughly measure the rhythmic pattern of the text on all levels of perception, from sounding of names to general compositional structure.
- Do not forget to read aloud what you have written in translation to compare it with the source rhythmic and phonic image.
- Try to find a similar text in the target cultural tradition that will prove useful in your translation efforts.
- Decide on the main principle translation for this text: whether you are going to keep to the source structures as close as possible, or are going to create some particular manner of presenting it in Russian.
- Look for some stylistic manner in Russian literature that would be parallel to the source. You may try Bunin, Chekhov or Kuprin.
- Create your glossary finding Russian counterparts for the problematic words and names.
- When translating the text, mark the grammatical problems to be solved.
- Point out the devices used to convey of irony in the source text and choose their Russian counterparts carefully.
- Read your Russian version aloud to feel the rhythm of it. Compare the impression produced by reading the source text aloud.
- Mark the words and expressions that may need comments or references. Compare a glossary of them.
- Measure the style of the text in terms of both stylistic devices and the choice of linguistic units.
- Study the vocabulary in the text and mark the lexical problems for translation.
- Study the syntax of the text and its logical functions.

- Outline the rhythmic pattern of the text.
- Complete the glossary with Russian counterparts.
- Work on the choice of words and syntactical structures in Russian.
- Check the results of translation with special attention to the appropriate reconstruction of the overt and covert irony in the source text.
- Read the Russian version aloud to feel the rhythm of the text.
- Read the whole story in English and think over its content and style.
- Read the whole translated version and think about the general impression of the text.
- Study the keywords in the source text and their stylistic value.
- Study the translation of the source colloquialisms and see where the translator resorts to transformations. Are any other variants possible?
- Study the grammatical irregularities of the source text and compare them with their translation substitutes.
- Identify the narrative type of the text and the corresponding rhythmic pattern. See whether it is appropriately reproduced in translation.
- What words and phrases in the source text require the translator's comments?
- Study the losses and additions in the translation compared to the source text.
- Sum up your ideas about the translation.
- See what you would change in the translation and/or give your own variant.
- Read the whole story in translation and think about the general impression the text produces.
- Study the emotional background of the source text and the emotional keywords and stylistic value.
- Compare the source key-words with translation and decide if the counterparts are adequate.
- Study the epithets in the source text and compare the choice of equivalents in the translation.
- What words or phrases in the source text require translator's comments? Is everything clear in the translation of such units? What should be clarified about the time?
- Is colloquial manner of the source text adequately translated or slightly changed? Mark the difference.
- What is added and what is omitted in translation in comparison with the source text?
- Sum up the ideas you have about the translation and comment on it in general.
- See what you would change in the translation and/or give your own variant.
- Discuss the result.

ENGLISH-RUSSIAN TRANSLATION

Task 1. Translate into Russian the following extract:

SENSE AND SENSIBILITY (CHAPTER 1)

by Jane Austen (1811)

The family of Dashwood had long been settled in Sussex. Their estate was large, and their residence was at Norland Park, in the centre of their property, where, for many generations, they had lived in so respectable a manner as to engage the general good opinion of their surrounding acquaintance. The late owner of this estate was a single man, who lived to a very advanced age, and who for many years of his life, had a constant companion and housekeeper in his sister. But her death, which happened ten years before his own, produced a great alteration in his home; for to supply her loss, he invited and received into his house the family of his nephew Mr. Henry Dashwood, the legal inheritor of the Norland estate, and the person to whom he intended to bequeath it. In the society of his nephew and niece, and their children, the old Gentleman's days were comfortably spent. His attachment to them all increased. The constant attention of Mr. and Mrs. Henry Dashwood to his wishes, which proceeded not merely from interest, but from goodness of heart, gave him every degree of solid comfort which his age could receive; and the cheerfulness of the children added a relish to his existence.

By a former marriage, Mr. Henry Dashwood had one son: by his present lady, three daughters. The son, a steady respectable young man, was amply provided for by the fortune of his mother, which had been large, and half of which devolved on him on his coming of age. By his own marriage, likewise, which happened soon afterwards, he added to his wealth. To him therefore the succession to the Norland estate was not so really important as to his sisters; for their fortune, independent of what might arise to them from their father's inheriting that property, could be but small. Their mother had nothing, and their father only seven thousand pounds in his own disposal; for the remaining moiety of his first wife's fortune was also secured to her child, and he had only a life-interest in it.

The old gentleman died: his will was read, and like almost every other will, gave as much disappointment as pleasure. He was neither so unjust, nor so ungrateful, as to leave his estate from his nephew;—but he left it to him on such terms as destroyed half the value of the bequest. Mr. Dashwood had wished for it more for the sake of his wife and daughters than for himself or his son;—but to his son, and his son's son, a child of four years old, it was secured, in such a way, as to leave to himself no power of providing for those who were most dear to him, and who most needed a provision by any charge on the estate, or by any sale of its valuable woods. The whole was tied up for the benefit of this child, who, in occasional visits with his father and mother at Norland, had so far gained on the affections of his uncle, by such attractions as are by no means unusual in children of two or three years old; an imperfect articulation, an earnest desire of having his own way, many cunning tricks, and a great deal of noise, as to outweigh all

the value of all the attention which, for years, he had received from his niece and her daughters. He meant not to be unkind, however, and, as a mark of his affection for the three girls, he left them a thousand pounds a-piece.

Task 2. Translate into Russian the following extracts:

SONS AND LOVERS

D.H. Lawrence

She hung her head, afraid of the people they met. He looked sideways at her as they walked. There was a wonderful close down on her face near the ear that he wanted to touch. And a certain heaviness, the heaviness of a very full ear of corn that dips slightly in the wind, that there was about her, made his brain spin. He seemed to be spinning down the street, everything going round.

As they sat in the tramcar, she leaned her heavy shoulder against him, and he took her hand. He felt himself coming round from the anaesthetic, beginning to breathe. Her ear, half-hidden among her blonde hair, was near to him. The temptation to kiss it was almost too great. But there were other people on top of the car. It still remained to him to kiss it. After all, he was not himself, he was some attribute of hers, like the sunshine that fell on her.

He looked quickly away. It had been raining. The big bluff of the Castle rock was streaked with rain, as it reared above the flat of the town. They crossed the wide, black space of the Midland Railway, and passed the cattle enclosure that stood out white. Then they ran down sordid Wilford Road.

She rocked slightly to the tram's motion, and as she leaned against him, rocked upon him. He was a vigorous, slender man, with exhaustless energy. His face was rough, with rough-hewn features, like the common people's; but his eyes under the deep brows were so full of life that they fascinated her. They seemed to dance, and yet they were still trembling on the finest balance of laughter. His mouth the same was just going to spring into a laugh of triumph, yet did not. There was a sharp suspense about him. She bit her lip moodily. His hand was hard clenched over hers.

The Captain's Doll

It was August when Alexander met Hannele. She was walking under a chintz parasol, wearing a dress of blue cotton with little red roses, and a red silk apron. She had no hat, her arms were bare and soft, and she had white stockings under her short dress. The Herr Regierungsrat was at her side, large, nimble, and laughing with a new witticism. Alexander, in a light summer suit and Panama hat, was just coming out of the bank, shoving twenty thousand kronen into his pocket. He saw her coming across from the Amtsgericht, with the Herr Regierungsrat at her side, across the space of sunshine. She was laughing, and did not notice him. She did not notice till he had taken off his hat

and was saluting her. Then what she saw was the black, smooth, shining head, and she went pale. His black, smooth, close head — and all the blue Austrian day seemed to shrivel before her eyes.

‘How do you do, Countess! I hoped I should meet you.’ She heard his slow, sad-clanging, straying voice again, and she pressed her hand with the umbrella stick against her breast. She had forgotten it — forgotten his peculiar, slow voice. And now it seemed like a noise that sounds in the silence of night. Ah, how difficult it was, that suddenly the world could split under her eyes, and show this darkness inside. She wished he had not come.

She presented him to the Herr Regierungsrat, who was stiff and cold. She asked where the captain was staying. And then, not knowing what else to say, she said: ‘Won’t you come to tea?’ She was staying in a villa across the lake. Yes, he would come to tea. He went. He hired a boat and a man to row him across. It was not far. There stood the villa, with its brown balconies one above the other, the bright red geraniums and white geraniums twinkling all round, the trees of purple clematis tumbling at one corner. All the green window doors were open: but nobody about. In the little garden by the water’s edge the rose trees were tall and lank, drawn up by the dark green trees of the background. A white table with chairs and garden seats stood under — the shadow of a big willow tree, and a hammock with cushions swung just behind.

Task 3. Translate into Russian the following extracts:

OF HUMAN BONDAGE

S. Maugham

He got up at last, exhausted and ashamed, and washed his face. He mixed himself a strong whiskey and soda. It made him feel a little better. Then he caught sight of the tickets to Paris, which were on the chimney-piece, and, seizing them, with an impulse of rage he flung them in the fire. He knew he could have got the money back on them, but it relieved him to destroy them.

Then he went out in search of someone to be with. The club was empty. He felt he would go mad unless he found someone to talk to; but Lawson was abroad; he went on to Hayward's rooms: the maid who opened the door told him that he had gone down to Brighton for the week-end. Then Philip went to a gallery and found it was just closing. He did not know what to do. He was distracted. And he thought of Griffiths and Mildred going to Oxford, sitting opposite one another in the train, happy. He went back to his rooms, but they filled him with horror, he had been so wretched in them; he tried once more to read Burton's book, but, as he read, he told himself again and again what a fool he had been; it was he who had made the suggestion that they should go away, he had offered the money, he had forced it upon them; he might have known what would happen when he introduced Griffiths to Mildred; his own vehement passion was enough to arouse the other's desire. By this time they had reached Oxford.

Meanwhile the Christmas holidays approached. Mrs. Carey had been ill all

through November, and the doctor suggested that she and the Vicar should go to Cornwall for a couple of weeks round Christmas so that she should get back her strength. The result was that Philip had nowhere to go, and he spent Christmas Day in his lodgings. Under Hayward's influence he had persuaded himself that the festivities that attend this season were vulgar and barbaric, and he made up his mind that he would take no notice of the day; but when it came, the jollity of all around affected him strangely.

His landlady and her husband were spending the day with a married daughter, and to save trouble Philip announced that he would take his meals out. He went up to London towards mid-day and ate a slice of turkey and some Christmas pudding by himself at Gatti's, and since he had nothing to do afterwards went to Westminster Abbey for the afternoon service. The streets were almost empty, and the people who went along had a preoccupied look; they did not saunter but walked with some definite goal in view, and hardly anyone was alone. To Philip they all seemed happy. He felt himself more solitary than he had ever done in his life. His intention had been to kill the day somehow in the streets and then dine at a restaurant, but he could not face again the sight of cheerful people, talking, laughing, and making merry. His depression was almost intolerable.

Task 4. Translate into Russian the first part of the following story:

HALFWAY TO HELL (part 1)

By John Collier

Louis Thurlow, having decided to take his own life, felt that at least he might take his own time also. He consulted his bank-book; there was a little over a hundred pounds left. "Very well," said he. "I'll get out of this flat, which stinks, and spend a really delighted week at Mutton's. I'll taste all the little pleasures just once more, to say goodbye to them."

He engaged his suite at Mutton's, where he kept the pageboys on the run. At one moment they had to rush round into Piccadilly¹ to buy him chrysanthemums, in which to smell the oncoming autumn, which he would never see. Next they were sent to Soho², to get him some French cigarettes, to put him in mind of a certain charming hotel which overlooked the Seine. He had also a little Manet³ sent round by the Neuilly Galleries⁴ – "To try living with," he said, with the most whimsical smile. You may be sure he ate and drank the very best; just a bite of this and a glass of that, he had so many farewells to take.

On the last night of all he telephoned Celia, whose voice he felt inclined to hear once more. He did not speak, of course, though he thought of saying, "You should really not keep on repeating 'Hallo', but say 'Goodbye'." However, she had said it already, and he had been taught never to sacrifice good taste to a bad *mot*⁵.

He hung up the receiver, and opened the drawer in which he had stored his various purchases of veronal tablets⁶.

“It seems a great deal to get down,” he thought. “Everything is relative. I prided myself on not being one of those panic-stricken, crack-brained suicides who rush to burn out their guts with gulps of disinfectant; now it seems scarcely less civilized to end this pleasant week with twenty hard swallows and twenty sips of water. Still, life is like that. I’ll take it easy.”

Accordingly he arranged his pillows very comfortably, congratulated himself on his pajamas, and propped up a photograph against his bedside clock. “I have no appetite,” he said. “I force myself to eat as a duty to my friends. There is no bore like a despairing lover.” And with that he began to toy with this last, light, plain little meal.

The tablets were not long in taking effect. Our hero closed his eyes. He put on a smile such as a man of taste would wish to wear when found in the morning. He shut off that engine which drives us from one moment to the next, and prepared to glide into the valley of the shadow.

The glide was a long one. He anticipated no landing, and was the more surprised to learn that there was no such a thing as nothing, while there is quite definitely such a thing as being dead in the most comfortable bedroom in all Mutton’s Hotel.

“Here I am,” he said, “Dead! In Mutton’s Hotel!”⁷

The idea was novel enough to make him get out of bed at once. He noticed that his corpse remained there, and was glad to observe that the smile was still in place, and looked extremely well.

He strolled across to the mirror to see if his present face was capable of an equally subtle expression, but when he came to look in he saw nothing at all. Nevertheless he obviously had arms and legs, and he felt that he could still do his old trick with his eyebrows. From this he assumed that he was much the same, only different.

“I am just invisible,” he said, “and in that there are certain advantages.”

He decided to go out at once, in order to have a bit of fun. He went down the stairs, followed a departing guest through the revolving door, and in two minutes he was walking down Cork Street⁸. It appeared to be just after midnight; there was a bobby, a taxi or two, and a few ladies, none of whom took any notice of him at all.

He had not gone away twenty yards, however, and was as a matter of fact, just passing his tailor’s, when a lean dark figure detached itself from the shadows which hung about the railings in front of the shop, and coming up close behind his elbow, said, “Damn and blast it, man, you have been a time!”

Louis was a little put out at finding himself not so invisible as he had thought. Still he glanced at the stranger and saw that his eyes were as luminous as a cat’s eyes, from which it was plain that he could see better than most.

“Do you mean,” said Louis, “that I’ve been keeping you waiting?”

“I’ve been hanging about here, freezing, for a week,” said the stranger peevishly.

Now it was only September, and the nights, though nippy, were not as cold as all that. Louis put two and two together, “Is it possible,” said he, “that you have been waiting to – to take me in charge, so to speak, on account of my recent suicide?”

“I have,” said the fiend. “You’ll come quietly, I suppose.”

“My dear fellow,” said Louis. “I know you have your duty to do, and in any case I’m not the sort of person to make a scene in the street. I’m sorry if I’ve kept you hanging about in the cold, but the truth is I had no idea of your existence, so I hope there will be no ill feeling.”

“I’ve got an ill feeling all right,” replied the other, grumpily. “I swear I’ve got the flue, curse it!” And with that he sneezed miserably. “The worst of it is,” he added, “we’ve got such a *human* a way to go⁹. I shall be fit for nothing for weeks.”

“Really, I can’t bear to hear you sneeze like that,” cried our hero. “Have you ever tried the Quetch at the Rap Trap Club?”

“What Quetch?” asked the other between sneezes.

“It tastes like liquid fire,” replied Louis. “I believe it’s made from plum stones, though why I can’t tell you. Possibly to cure your cold.”

“Liquid fire, eh?” observed the stranger, his eyes glowing like cigarette ends.

“Come and try it,” said Louis.

“I don’t know,” said the other. “We’re a week late through your fault. I don’t see why we shouldn’t be half an hour later through mine. I suppose there’ll be trouble if they hear of it.”

Louis assures him that this last half-hour must be put down to his account also. “You caught the cold through my delay,” said he. “Therefore I am responsible for the time you take to cure it.” The fiend obviously believed this, which caused our hero to reflect that he must be a very simple fiend.

They set out for the Rap trap Club. Passing through Piccadilly Circus, the fiend indicated the Underground¹⁰, saying “that’s where I’m going to take you when we’ve had this drop of what-d’ye-call-it.”

“That does not take you to Hell,” said Louis, “but only to Baron’s Court¹¹. the mistake is pardonable.”

“No mistake,” replied the fiend. “Let’s cross the road this way, and I’ll show you what I mean.”

They went in, and traveled down the escalator, chatting very affably. It was fairly crowded with more ordinary passengers, but our friends attracted no attention whatever. There are a great many fiendish-looking individuals traveling on this subway, and others of a corpsy appearance. Besides, now I come to think of it, they were invisible.

¹**Piccadilly:** a central London Street built up with expensive hotels, clubs and offices.

²**Soho:** an area in central London famous for its theatres, nightclubs, sex shops and restaurants, esp. of Chinese food.

³**a little Manet:** a small painting by Edouard Manet.

⁴**Neuilly Galleries:** a major art gallery in a Paris suburb.

⁵**a bad mot:** a play on the French phrase *bon mot* (literally, good word), a clever saying or remark.

⁶**veronal tablets:** sleeping pills very much in use in the first half of the 20th c.

⁷**Dead! In Mutton’s Hotel:** the joke relies on the association with the idiom ‘as

dead as mutton’ – dull, uninteresting, difficult to arouse or stimulate; occasionally used literally of a dead person, but only by someone deliberately intending to be coarse or callous.

⁸***Cork Street:*** a small street in London not far from Piccadilly Circus.

⁹***such a human of a way to go:*** a parody on the common colloquial phrase ‘a devil/hell of a (way to go)’ used to emphasize the size, length, unpleasantness, etc. of the thing mentioned.

¹⁰***the Underground:*** the word does not really have the meaning of ‘hell’, but since that unpleasant place is assumed to be located in the bowels of the Earth, it was natural of Louis to think that the devil had taken the ‘U’ sign of the London Tube to indicate a passage to the nether world.

¹¹***baron’s Court:*** an area in London, and a tube station named after it; historically, a feudal court that rode roughshod over wassails who naturally, regarded it as little better than hell.

Task 5. Translate into Russian:

HALFWAY TO HELL (Part 2)

By John Collier

When they had reached the ordinary lowest level, where the trains run, “Come,” said the fiend, and drew Louis into a passage he had never before noticed, up which there came a huger clanking and a sultrier blast. He saw a notice saying, KEEP TO THE WRONG¹. A few paces brought them to the top of an escalator such as our hero had never dreamed of: it swooped down from under their feet with a roar and a groan, down into the close innards of the earth. Its passage was lit by the unusual lamps. Louis, whose sight seemed to have become extremely keen, saw that at some far point on its vast curve the black shades changed to blue, and the lamps gave place to stars. However, it seemed to go on the devil of a long way past that.

For the rest, it made just like all other escalators, except in matters of details. Its sides were adorned with pictorial advertisements of temptations, some of which Louis thought might be very interesting. He could have stepped on, for there was no barrier or ticket collector, but, as we have seen, he liked to take his time.

Now and then, he and his companion were jostled by other fiends and their charges. I am afraid some of the latter were behaving in rather an undignified manner, and had to be marched along in a sort of policeman’s grip. The effect was degrading. Louis was interested to see, however, how tremendously the escalator accelerated once it felt the weight of these infernal policemen and their victims. It was a tremendous spectacle to see this narrow moving chain, dimly lit, roaring, rushing down, looping the distance between Earth and Hell, which is greater than one would imagine.

“What did you do before this sort of thing was invented?” asked Louis.

“We had to leap down, like chamois², from star to star,” replied the fiend.

“Splendid!” said Louis. “Now let’s go and have that drink.”

The fiend consenting, they went off to the Rat Trap, and, slipping into a cubby-hole behind the bar, they helped themselves to a full bottle of the famous Quetch. The fiend disdained a glass, and put the bottle to his lips, whereupon Louis saw, to his great amazement, this powerful form of brandy actually brought to the boil. The fiend appeared to like it. When the liquid was gone he sucked away at the bottle, the melting sides of which collapsed like the skin of a gooseberry sucked by a child. When he had drawn it all into his mouth, he smiled, pursed his lips, and blew out the glass again, this time more like a cigarette-smoker exhaling his first puff. What's more, he didn't blow the glass into bottle shape as formerly, but into the most delightful statuary piece, most realistic, most amusing. "Adam and Eve," said he laconically, placing it on the table to cool.

"Oh, very, very good!" cried Louis. "Can you do Mars and Venus?"

"Oh, yes," said the fiend. Louis immediately commandeered several more bottles of Quetch.

He called for one or two other subjects, of a nature that would hardly interest the reader. The fiend, however, thought each more amusing than the last, and nearly split his sides over the effect of a hiccup on Lady Godiva³. The fact is, he was getting rather tight. Louis encouraged him, not so much for the love of art as because he had no great desire to ride on that escalator.

At last the fiend could drink no more. He got up, jingled his money (fiends have money – that's where it's all gone to), puffed out his cheeks. "Whoosh!" said he, with a hiccup. "My cold's better, I believe. If it isn't well, then – to Hell with it! That's what I say. Ha! Ha!"

Louis, you may be sure, told him he was a fine fellow. "Well," said he, as they stood on the steps of the Club, "I suppose you're going this way; I'm going this." He made a bit of a face, pleasantly, raised his hat, and set off along the street, scarcely daring to breathe till he had rounded the corner.

When he thought himself in safety, "By Jove", said he, "I'm well rid of that fellow. Here I am, dead, invisible, and the night is yet young. Shall I go and see what Celia's doing?"

Before he could embark on this rash project, he felt a very hard hand on his arm, looked round, and saw his custodian.

"Oh, there you are," said he. "I wondered where you'd got to."

"Drunk as a lord⁴," said the fiend with a smile. "Got to see each other home, eh?"

There was nothing for it. They set out for Piccadilly Circus. The fiend kept his hand on Louis' wrist, quite inoffensively of course, only Louis would rather it had not been there.

So they went chatting into the subway again. Just as they got to the level of the Piccadilly line, which is where the infernal aperture gapes for those who are privileged to see it, whom should Louis see, in top hat, white silk scarf, and all the rest, but his damned nasty rival, catching a late train home.

"I bet," said Louis at once, addressing the fiend, "that you are not strong enough

to carry me on your back from here to the escalator.”

The fiend, with a sneer of contempt, immediately bent down, Louis, with a desperate effort, picked hold of his rival round the waist and dumped him on the back of the fiend, who gripped his legs, and started off like a rack-hose.

“Carry you all the way to Hell for tuppence!” cried he, in drunken pride.

“Done!” cried Louis, who was skipping along beside them to enjoy the spectacle.

He had the delicious pleasure of seeing them jump on the escalator, whose terrific acceleration seemed even more marked and more admirable than before.

Louis returned to the street as happy as a king⁵. He walked about for a bit, and suddenly decided to look in at Mutton’s Hotel to see how his corpse was getting on.

He was rather annoyed to see, even as he stood looking at it, that the effective smile, over which he had taken so much trouble, was slipping. In fact, it was beginning to look altogether idiotic. Without giving the matter a thought, he instinctively nipped inside to hook it back into place. In doing so he twitched his nose, found it necessary to sneeze, opened his eyes, and, in a word, found himself quite alive and no longer kicking⁶, in that excellent bedroom of Mutton’s Hotel.

“Well, upon my word!” said he, glancing at the bedside table. “Is it possible I dropped off to sleep after taking only two of those tablets? There is really something to be said for taking one’s time. It must have been just a vivid dream.”

In short, he was glad to be alive, and still gladder a day or two afterwards, when some news came through that made it seem that it was not a dream after all. Louis’ rival was announced as missing, having last been seen by two friends at the entrance of Piccadilly Circus station shortly after midnight on Tuesday.

“Who’d have thought it?” said Louis. “Anyway, I suppose I had better go and see Celia.”

However, he had learned the advantage of taking his time, and before he went he thought better of it, and, in fact, did not go at all, but went to Paris for the autumn, which shows that girls shouldn’t play fast and loose⁷ with the affections of small men with blue eyes, or they may find themselves left in the lurch.

¹**KEEP TO THE WRONG:** the kind of notice hell staff would choose to put up in place of the ordinary KEEP TO THE RIGHT sign displayed in various public places to tell people to leave the left side of whatever it is free.

²**chamois:** a small wild mountain goat whose remarkable agility allows it to leap effortlessly from rock to rock and trip gaily about the steepest slopes

³**Lady Godiva:** a Saxon lady of high rank who lived in the 11th century and whose claim to fame was a ride on horseback through Coventry in her birthday suit, to protest on behalf of the townspeople against the exorbitant local taxes imposed by her noble spouse Leofric. True, this rather unusual demonstration was not as embarrassing as one might think because the grateful subjects demurely kept indoors while the selfless lady’s extraordinary long hair covered her form well enough to protect her against any immodest stares. Even so a certain tailor could not resist the temptation to peep through his window to see the lady pass and was instantly struck blind. He has ever since been

called ‘Peeping Tom of Coventry’.

⁴***Drunk as a lord:*** this advanced stage of inebriation is variously described by comparing the person thus incapacitated with a newt (though why this utterly teetotal amphibian should be a byword for drunkenness is not clear), a bat, a besom, a big or boiled owl, a cook, a fiddler, a fish, a hog, a king, a piper, a poet, a sow, a tick, a wheelbarrow, and lots more. ‘Drunk’ can be replaced by the markedly more irreverent ‘pissed’ or milder ‘tight’.

⁵***as happy as a king:*** kings are usually thought of as happy.

⁶***quite alive and no longer kicking:*** an amusingly modified informal idiom, ‘alive and kicking’ – very healthy and active, usu. said of elderly people who may reasonably be expected to be a little less vigorous than that.

⁷***play fast and loose:*** old-fashioned; if you play fast and loose with sb’s affections, emotions, etc., you show little regard for that person’s romantic attachment to you (literally, alternately tie firmly and loosen sth).

RUSSIAN-ENGLISH TRANSLATION

Task 6. Translate into English the following extract:

БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА

А.С. Пушкин

На другой же день приступила она к исполнению своего плана, послала купить на базаре толстого полотна, синей китайки и медных пуговиц, с помощью Насти скроила себе рубашку и сарафан, засадила за шитье всю девичью, и к вечеру всё было готово. Лиза примерила обнову и призналась пред зеркалом, что никогда еще так мила самой себе не казалась. Она повторила свою роль, на ходу низко кланялась и несколько раз потом качала головою, наподобие глиняных котлов, говорила на крестьянском наречии, смеялась, закрываясь рукавом, и заслужила полное одобрение Насти. Одно затрудняло ее: она попробовала было пройти по двору босая, но дерн колот ее нежные ноги, а песок и камушки показались ей нестерпимы. Настя и тут ей помогла: она сняла мерку с Лизиной ноги, сбегала в поле к Трофиму-пастуху и заказала ему пару лаптей по той мерке. На другой день, ни свет ни заря, Лиза уже проснулась. Весь дом еще спал. Настя за воротами ожидала пастуха. Заиграл рожок, и деревенское стадо потянулось мимо барского двора. Трофим, проходя перед Настей, отдал ей маленькие пестрые лапти и получил от нее полтину в награждение. Лиза тихонько нарядилась крестьянкою, шепотом дала Насте свои наставления касательно мисс Жаксон, вышла на заднее крыльцо и через огород побежала в поле.

Заря сияла на востоке, и золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнца, как царедворцы ожидают государя; ясное небо, утренняя свежесть, роса, ветерок и пение птичек наполняли сердце Лизы младенческой веселостию; боясь какой-

нибудь знакомой встречи, она, казалось, не шла, а летела. Приближаясь к роще, стоящей на рубеже отцовского владения, Лиза пошла тише. Здесь она должна была ожидать Алексея. Сердце ее сильно билось, само не зная почему; но боязнь, сопровождающая молодые наши проказы, составляет и главную их прелесть. Лиза вошла в сумрак рощи. Глухой, перекатный шум ее приветствовал девушку. Веселость ее притихла. Мало-помалу предалась она сладкой мечтательности. Она думала... но можно ли с точностью определить, о чем думает семнадцатилетняя барышня, одна, в роще, в шестом часу весеннего утра? Итак, она шла, задумавшись, по дороге, осененной с обеих сторон высокими деревьями, как вдруг прекрасная легавая собака залаяла на нее. Лиза испугалась и закричала. В то же время раздался голос: *tout beau, Sbogar, ici...* и молодой охотник показался из-за кустарника. «Небось, милая,— сказал он Лизе,— собака моя не кусается». Лиза успела уже оправиться от испугу и умела тотчас воспользоваться обстоятельствами. «Да нет, барин,— сказала она, притворяясь полуиспуганной, полужастенчивой,— боюсь: она, вишь, такая злая; опять кинется». Алексей (читатель уже узнал его) между тем пристально глядел на молодую крестьянку. «Я провожу тебя, если ты боишься,— сказал он ей; — ты мне позволишь идти подле себя?» — «А кто те мешает? — отвечала Лиза,— вольному воля, а дорога мирская». — «Откуда ты?» — «Из Прилучина; я дочь Василья-кузнеца, иду по грибы» (Лиза несла кузовок на веревочке). «А ты, барин? Тугиловский, что ли?» — «Так точно,— отвечал Алексей,— я камердинер молодого барина». Алексею хотелось уравнять их отношения. Но Лиза поглядела на него и засмеялась. «А лжешь,— сказала она,— не на дуру напал. Вижу, что ты сам барин». — «Почему же ты так думаешь?» — «Да по всему». — «Однако ж?» — «Да как же барина с слугой не распознать? И одет-то не так, и баишь иначе, и собаку-то кличешь не по-нашему». Лиза час от часу более нравилась Алексею.

Task 7. Translate into English the following extract:

СНЕГ

К.Г. Паустовский

Старик Потапов умер через месяц после того, как Татьяна Петровна поселилась у него в доме. Татьяна Петровна осталась одна с дочерью Варей и старухой-нянькой. После Москвы она долго не могла привыкнуть к этому маленькому северному городку и сожалела, что бросила друзей, театр, что теперь она уже не скоро сядет за свой любимый рояль.

Но возвращаться в Москву было уже нельзя. Татьяна Петровна решила выступать в лазаретах — их было несколько в городке — и успокоилась. Городок начал ей даже нравиться, особенно когда пришла зима и завалила его снегом.

Татьяна Петровна знала, что у Потапова остался сын моряк, что на рояле в кабинете Потапова стояла его карточка. Иногда Татьяна Петровна брала ее, рассматривала, и ей почему-то казалось, что она его где-то встречала, но очень давно, еще до своего неудачного замужества. Но где, И когда?

Среди зимы начали приходить письма на имя Потапова, написанные одной и той же рукой. Татьяна Петровна складывала их на письменном столе.

Однажды ночью она проснулась. Не спалось. Она накинула халат и пошла в кабинет. Включила свет, села к столу, осторожно взяла одно из писем и стала его читать.

«Милый мой старик. Вот уже с месяц как я лежу в госпитале, - читала Татьяна Петровна, - рана не тяжелая. Я часто вспоминаю тебя, папа, наш городок и дом. Закрываю глаза и вижу: вот я отворяю калитку, дорожка в саду расчищена. В комнатах тепло и пахнет дымом. Рояль, наконец, настроен, и на нем лежат те же ноты. Неужели я все это увижу опять? Когда поправлюсь, меня отпустят ненадолго домой. Но лучше не жди».

Татьяна Петровна долго сидела у стола и думала, что вот со дня на день может приехать с фронта человек и ему будет тяжело встретить здесь чужих людей и увидеть все не таким, каким он хотел бы увидеть.

Утром Татьяна Петровна расчистила дорожку к беседке, исправила колокольчик над дверью, пригласила настройщика настроить рояль, а вечером, найдя в ящике стола ноты, положила их на рояль, села к роялю и стала играть.

«Зачем ты трогаешь чужие вещи, - сказала ее дочь, когда она кончила играть, - мне не позволяешь, а сама трогаешь». «Потому что я взрослая», - ответила Татьяна Петровна. Варя недоверчиво взглянула на нее. Сейчас Татьяна Петровна меньше всего походила на взрослую. Она вся преобразилась и походила сейчас на девушку с золотыми волосами, которая потеряла туфлю во дворце и о которой она сама рассказывала Варе.

Когда Николай Потапов приехал в свой городок, от начальника станции он узнал о смерти отца и о том, что в их доме живет эвакуированная из Москвы. «Переночуйте у меня, - сказал он, - домой вам идти незачем». – «Спасибо», - ответил Потапов и вышел. Весь день он бесцельно бродил по городу. В сумерки подошел к своему дому, осторожно открыл калитку. Зазвенел колокольчик. Потапов вошел в сад. К беседке вела расчищенная дорожка. Потапов снял фуражку, остановился и тихо сказал: «Как же это так?»

Кто-то осторожно тронул Потапова за плечо. Он оглянулся. Позади него стояла молодая женщина. «Наденьте фуражку, вы простудитесь, и пойдете в дом».

Потапов молча пошел за ней. Весь вечер он не мог избавиться от странного ощущения, будто все это происходит во сне. Все в доме было таким, каким он хотел видеть. Даже его письма из госпиталя лежали на том же месте, на которое его отец всегда клал письма.

Поздним вечером, сидя у рояля, Татьяна Петровна обернулась к Потапову и сказала: «Мне все кажется, что где-то я уже видела вас». Он посмотрел на нее. «Нет, не могу припомнить», - сказал он глухим голосом. В четыре часа утра Татьяна Петровна разбудила Николая и пошла проводить его на станцию. После

второго звонка они попрощались. «Помните, мы теперь как родственники. Правда?» Потапов ничего не ответил, только кивнул головой. Через несколько дней Татьяна Петровна получила от Потапова письмо с дороги.

«Я вспомнил, конечно, где мы встречались, - писал Потапов, - но не хотел говорить об этом там, дома. Помните Крым в двадцать седьмом году? Осень в Ливадийском парке. По парку шла девушка, ей было лет шестнадцать. Когда мы поравнялись, я взглянул на нее. Она прошла мимо меня быстро. Той девушкой были вы. Я не мог ошибиться. Я смотрел вам вслед и почувствовал, что эта женщина может дать мне огромное счастье. Тогда я уже знал, что должен найти вас, чего бы это ни стоило. Так я думал тогда, но все же не сдвинулся с места. Почему – не знаю. Жизнь оказалась милостивой ко мне, я встретил вас. И если все кончится хорошо и вам понадобится моя жизнь, она, конечно, будет ваша. Да, я нашел на столе у отца свое распечатанное письмо. Я понял все и могу только благодарить вас издали».

Татьяна Петровна отложила письмо, туманными глазами посмотрела на снежный сад и сказала: «Боже мой, я никогда не была в Крыму. Никогда! Но разве теперь это может иметь какое-нибудь значение? И стоит ли разуберять его? И себя!»

Task 8. Translate into English the following extract:

ПОДАРОК ПРИНЦА АБДАЛЛЫ

(по рассказу И.Г.Вишневецкого «Рассказ журналиста»)

Эр-Рида - одна из самых безлюдных столиц мира. В городе мало достопримечательностей, и туристы редко посещают его. Я приехал сюда в качестве журналиста. В этот день во дворце короля должен был состояться прием. Я тоже должен был присутствовать на этом приеме. Прием начался в 8 вечера. В высоком кресле сидел король. За ним толпились сыновья и племянники, знаменитые своей красотой и одеждами.

Во время приема ко мне подошел высокий красивый саудовец. «Меня зовут принц Абдалла», - сказал он. «Мне пришла в голову одна идея. Вы бы не хотели поближе познакомиться с нашей страной и образом жизни?» - «С удовольствием», - ответил я.

- Тогда я к вам заеду после приема.

- Буду очень рад.

Я вернулся в гостиницу около 11 часов. Не успел прийти в себя, как раздался телефонный звонок. Звонил принц. Он пригласил меня выпить чашку кофе, покататься по городу, а затем поехать к нему во дворец, который он построил в пригороде Эр-Рида. Я принял его приглашение.

- Мои друзья очень хотят (жаждут) познакомиться с Вами, - сказал он.

- Я тоже буду рад познакомиться с ними.

Через 2 часа мы подъехали ко дворцу.

В тот вечер гостями принца были купец, художник и издатель популярной газеты, выходящей в столице. У нас завязалась беседа. Художник расспрашивал меня о картинных галереях, художественных выставках Москвы, интересных полотнах, написанных молодыми художниками. Издатель собирался вылететь в Москву в качестве туриста, и я пообещал показать ему все достопримечательности города, исторические памятники и новые районы города, которые недавно появились на окраинах столицы, когда он к нам приедет. К полуночи гости разошлись. Вдруг принц сказал: «Послушайте, я знаю, что для Вас это необычно, но если Вы желаете, я покажу Вам свой гарем. Его не показывают чужим, но Вам я его покажу».

Абдалла отдал какое-то распоряжение, и через некоторое время вокруг нас собралось 47 женщин. Разглядеть их лица было очень трудно, но я обратил внимание на одну из них. Меня особенно поразила ее внешность. У нее были красивые черты лица европейки. К сожалению, хотя рабство и было запрещено, но торговля рабынями продолжалась. Абдалла заметил мой взгляд.

- Заметил белую? – спросил он.

- Кто она?

- Точно не знаю. Я думаю, полька. Ее привезли ко мне совсем маленькой. Хочешь, я подарю ее тебе? – и, довольный собой, он рассмеялся. – Муна (так звали Польку) твоя. Куда тебе ее прислать?

Считая это шуткой, я ответил в тон: «Гостиница Бомбиг, Бейрут». Абдалла громко захохотал, хлопнул меня по плечу, и мы расстались.

В Бейрут я попал через два месяца и остановился в гостинице «Бомбиг». Мне нравилась эта гостиница, так как из нее открывался красивый вид на море, и в комнатах всегда был очень свежий воздух. Портье, протягивая ключ от номера, сказал многозначительно:

- Вас ждут, поднимитесь в 316-1.

Я постучал в 316-й. Дверь открылась. Я вошел и замер на пороге. В комнате была Муна, одетая в европейский костюм. Рядом с ней стояла ливанка, которая ее привезла. Невозможность и чрезвычайность положения моего вам понятны. Я был поставлен в тупик. Шутка принца становилась серьезной. А ливанка тем временем: «Мы ждем здесь вас около месяца. Я хочу передать вам дарственную принца Абдаллы и все документы Муны». Я смотрел на Муну. Она встала с кресла и стояла, ожидая моих приказаний.

Подождите меня, - сказал я. – Я сейчас приду.

Я решил действовать немедленно. В Бейруте у меня был товарищ, польский журналист. Я позвонил ему, чтобы посоветоваться. Он сразу же приехал ко мне. Я рассказал ему всю историю, и мы решили подняться в номер к Муне.

Был поздний вечер, и Муна готовилась ко сну. Когда мы вошли, она стояла у окна в цветном халате. Я посмотрел на Янека. В его глазах озадаченность сменилась восторгом. Муна была очень хороша.

Янек начал разговор по-польски. Я вышел из комнаты. Минут через двадцать он вернулся и плюхнулся в кресло.

- Ну, что ты думаешь об этом? – спросил я.

- Она полька, она сказала несколько слов, которые еще помнит, и это были польские слова.

Мы спустились вниз и долго сидели в баре, обсуждали ситуацию. Утром поехали в польское посольство. Вот собственно и все. Хотя...нет.

Совсем недавно, уже в Москве, мне однажды передали письмо. Оно было из Кракова от родителей Муны, вернее Марины. Девочку украли у них, когда ей было меньше 5 лет, в Африке, где ее отец работал в польском посольстве. Все эти годы родители считали ее погибшей.

«Нет слов, чтобы выразить Вам нашу глубокую благодарность», писали они. «Вы вернули жизнь нам и нашей единственной дочери. В будущем году мы собираемся в Москву. Мы вас обязательно разыщем. Марина и мы хотим Вас видеть».

Вот теперь и все.

Task 9. Translate into English the following extract:

НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ

(отрывок из повести А. С. Пушкина “Дубровский”)

Несколько лет спустя после своего приезда молодой Дубровский хотел заняться делами, но отец его был не в состоянии дать ему нужные объяснения. Разбирая его бумаги, нашел он только первое письмо заседателя и черновой ответ на него. Между тем здоровье Андрея Гавриловича час от часу становилось хуже. Положенный срок прошел, и апелляция не была подана. Кистеневка принадлежала Троекурову. Шабашкин явился к нему с поклонами и поздравлениями. Кирила Петрович смутился. От природы не был он корыстолюбив, желание мести завлекло его слишком далеко, совесть его роптала. Он знал, в каком состоянии находился его противник, старый товарищ по молодости, и победа не радовала его сердце. Он грозно взглянул на Шабашкина, ища к чему привязаться, чтоб его выбранить, но не нашел достаточно к тому предлога и сказал ему сердито: «Пошел вон, не до тебя».

Шабашкин, видя, что он не в духе, поклонился и поспешил удалиться. А Кирила Петрович, оставшись наедине, стал расхаживать взад и вперед, насвистывая: «Гром победы раздавайся», что всегда означало в нем необыкновенное волнение мыслей.

Наконец он велел запрячь себе беговые дрожки, оделся потеплее (это было уже в конце сентября) и, сам правя, выехал со двора.

Вскоре завидел он домик Андрея Гавриловича, и противоположные чувства наполнили его душу. Он решил помириться со старым своим соседом, уничтожить

следы ссоры, возвратив ему его достояние. Облегчив душу благим намерением, Кирила Петрович пустился рысью к усадьбе и въехал прямо на двор.

В это время больной сидел в спальне у окна. Он узнал Кирила Петровича, и ужасное смятение изобразилось на его лице: багровый румянец заступил место обыкновенной бледности, глаза засверкали, он произносил невнятные звуки. Сын его, сидевший тут же за хозяйственными книгами, поднял голову и был поражен его состоянием: больной указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Он торопливо подбирал полы своего халата, собираясь встать с кресел, приподнялся и упал. Сын бросился к нему, старик лежал без чувств и без дыхания, паралич его ударил. «Скорей, скорей в город за лекарем!» - кричал Владимир. «Кирила Петрович спрашивает вас», - сказал вошедший слуга. Владимир бросил на него ужасный взгляд.

- Скажи Кирилу Петровичу, чтоб он скорее убирался, пока я не велел его выгнать со двора... Пошел! – Слуга радостно побежал исполнять приказание своего барина.

Task 10. Translate into English the following extract:

ГЕРАСИМ (по И. Тургеневу)

Утопив бедную Муму, Герасим прибежал в свою каморку, уложил кой-какие пожитки в старую попону, взвалил на плечо, да и был таков. Дорогу он хорошо заметил еще тогда, когда его везли в Москву; деревня, из которой барыня его взяла, лежала всего в двадцати пяти верстах от шоссе. Он шел; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились вперед. Он торопился, как будто мать-старушка ждала его на родине, как будто она звала его к себе после долгого странствования на чужой стороне, в чужих людях...

Только что наступившая летняя ночь была тиха и тепла; с одной стороны, там, где солнце закатилось, край неба еще белел, с другой стороны уже вздымался синий, седой сумрак. Ночь шла оттуда. Перепела сотнями гремели кругом, перекликались коростели... Герасим не мог их слышать. Не мог слышать также чуткого ночного шушуканья деревьев, мимо которых проносили сильные его ноги, но он чувствовал знакомый запах поспевающей ржи, которым так и веяло с темных полей, чувствовал, как ветер, летевший ему навстречу, ласково ударял его в лицо. Он видел перед собой белеющую дорогу – дорогу домой, прямую, как стрела; видел в небе бессчетные звезды, светившие ему в пути, и, как лев, выступал сильно и бодро, так что, когда восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами месяц, между Москвой и им легло уже тридцать пять верст...

Через два дня он был уже дома, в своей избенке, к великому изумлению

солдатки, которую туда поселили. Помолясь перед образами, тотчас же отправился к старосте. Староста сначала было удивился, но сенокос только что начинался: Герасиму, как отличному работнику, тут же дали косу в руки – и пошел косить он по-старинному, косить так, что мужиков только пробирало...

А в Москве, на другой день после побега Герасима, хватились его. Доложили барыне. Она разгневалась, расплакалась, велела отыскать его во что бы то ни стало, уверяла, что никогда не приказывала утопить собаку, и, наконец, дала нагоняй Гавриле.

Наконец из деревни пришло известие о прибытии Герасима, и барыня несколько успокоилась; сперва было отдала приказание немедленно вытребовать его в Москву, потом, однако, объяснила, что такой неблагодарный человек ей вовсе не нужен.

Task 11. Translate into English the following extract:

ПЕРВЫЙ БАЛ НАТАШИ РОСТОВОЙ
(по Л. Толстому)

Наташа с утра не имела ни минуты свободной и ни разу не успела подумать о том, что предстоит ей.

В сыром, холодном воздухе, в тесноте и темноте колыхавшейся кареты Наташа в первый раз представила себе то, что ожидает ее там, на бале, в освещенных залах, - музыка, цветы, танцы, государь, вся блестящая молодежь Петербурга.... То, что ее ожидало, было так прекрасно, что она не верила даже тому, что это будет: так это было несообразно с впечатлением холода, тесноты и темноты кареты. Она поняла, что ее ожидает, только тогда, когда, пройдя по красному сукну подъезда, она вошла в сени, сняла шубу и пошла рядом с Соней впереди матери между цветами по освещенной лестнице. Но, к счастью ее, она почувствовала, что глаза ее разбегались: она ничего не видела ясно, пульс ее забил сто раз в минуту, и кровь стала стучать у сердца. Она шла, замирая от волнения и всеми силами стараясь скрыть его.

Наташа смотрела в зеркала и в отражении не могла отличить себя от других. Все смешивалось в одну блестящую процессию... Наташа слышала и чувствовала, что несколько голосов спросили про нее и смотрели на нее. Она поняла, что понравилась тем, которые обратили на нее внимание, и это наблюдение успокоило ее. «Есть такие же, как и мы, есть и хуже нас», - подумала она.

Пьер шел, переваливаясь своим толстым телом, раздвигая толпу, кивая направо и налево так же небрежно и добродушно, как бы он шел в толпе базара. Он продвигался, очевидно, отыскивая кого-то.

Наташа с радостью смотрела на знакомое лицо Пьера, этого шута горохового, как называла его Перонская, и знала, что Пьер отыскивает в толпе их,

и в особенности ее. Но, не дойдя до них, Безухов остановился возле невысокого, очень красивого брюнета в белом мундире, который, стоя у окна, разговаривал с каким-то высоким мужчиной в звездах и ленте.

Task 12. Translate into English the following extract:

МИЛОСТЫНЯ (по И. Тургеневу)

Вблизи большого города, по широкой проезжей дороге шел старый, больной человек.

Он шатался на ходу; его исхудалые ноги, путаясь, волочась и спотыкаясь, ступали тяжко и слабо, словно чужие; одежда на нем висела лохмотьями; непокрытая голова падала на грудь... Он изнемогал.

Он присел на придорожный камень, наклонился вперед, облокотился, закрыл лицо обеими руками, и сквозь искривленные пальцы закапали слезы на сухую седую пыль.

Он вспоминал...

Вспоминал он, как и он был некогда здоров и богат и как он здоровье истратил, а богатство роздал другим, друзьям и недругам.... И вот теперь у него нет куска хлеба, и все его покинули, друзья еще раньше врагов.... Неужели ж ему унизиться для того, чтобы просить милостыню? И горько ему было на сердце и стыдно.

А слезы все капали да капали, орошая седую пыль.

Вдруг он услышал, что кто-то зовет его по имени; он поднял усталую голову и увидел перед собою незнакомца.

Лицо спокойное и важное, но не строгое; глаза не лучистые, а светлые; взор пронзительный, но не злой.

- Ты все свое богатство роздал, - послышался ровный голос... - Но ведь ты не жалеешь о том, что добро делал?

- Не жалею, - отвечал со вздохом старик, - только вот умираю я теперь.

- И не было бы на свете нищих, которые к тебе протягивали руку, - продолжал незнакомец, - не над кем было бы тебе показать свою добродетель, не мог бы ты упражняться в ней?

Старик ничего не отвечал – и задумался.

- Так и ты теперь не гордись, бедняк, - заговорил опять незнакомец, - ступай, протягивай руку, доставь и ты другим добрым людям возможность показать на деле, что они добры.

Старик встрепенулся, вскинул глазами...но незнакомец уже исчез; а вдали на дороге показался прохожий.

Старик подошел к нему и протянул руку. Этот прохожий отвернулся с суровым видом и не дал ничего.

Но за ним шел другой, и тот подал старику малую милостыню.

И старик купил себе на данные гроши хлеба, и сладок показался ему выпрошенный кусок. И не было стыда у него на сердце, а напротив: его осенила тихая радость.

Task 13. Translate into English the following extract:

ПРОЩАНИЕ

(по И. Бунину)

Ну, не скучай, смотри, - говорил отец, когда, наконец, меня снова снаряжали в город. – Теперь и не увидишь, как наступит весна. Каких-нибудь два месяца, а там и святая, и лето....До свидания!

Мне было грустно покидать родной дом, но я вполне соглашался с отцом: теперь уже скоро весна!

- А ведь правда, папа, совсем весной пахнет! – говорил и я, когда утром мы садились в сани, переваливались в воротах через высокий сугроб и глубоко вздыхали свежим ветром с запахом молодого снега.

- А ты любишь весну, Ваня? – спрашивал отец с улыбкой.

- Люблю, папа! Очень люблю!

- А деревню любишь?

- Конечно, люблю...

- Это хорошо, - прибавлял отец. – Когда ты вырастешь, ты поймешь, что человек должен жить поближе к природе, любить родные поля, воздух, солнце, небо.... Это неправда, будто в деревне скучно. Нет! Бедности в деревне много, вот это правда, и, значит, надо делать так, чтобы было поменьше этой бедности, - помогать деревенским людям, трудиться с ними и для них....И, поверь, я тебе это сам говорю – хорошо можно жить в деревне!

«Правда, правда! – думаю я. – В городе даже весной не пахнет. А вот тут пахнет. И проруби вон уже почернели, гляди, и оттаивать станут...»

Мужик, который нас провожает, стоит на крыльце в шапке, но в одной рубахе, смотрит на меня и, улыбаясь, говорит:

- Что ж, барчук, теперь, значит, до весны в город?

- Да, да, до весны, - говорю я, - да ведь весна скоро!

- Ну да, скоро, скоро, - соглашается мужик. – Прощайте, до весны!

Task 14. Translate into English the following extract:

ПОДВИГ КНЯЗЯ АНДРЕЯ

(по Л. Толстому)

Смешанные, все увеличивающиеся толпы бежали туда, где, казалось, пять

минут назад войска проходили мимо императоров.

Болконский, чувствуя, что невозможно не податься назад, вместе с толпой старался только не отставать от нее и оглядывался, недоумевая и не в силах понять того, что делалось перед ним. Князь Андрей протеснился до Кутузова, на щеке которого он увидел кровь. «Вы ранены? – спросил Болконский, удерживая дрожание нижней челюсти. «Рана не здесь, а вот где», - сказал Кутузов, прижимая платок к раненой щеке и указывая на бегущих...

Войска бежали такую густою толпою, что, раз попавши в середину толпы, трудно было из нее выбраться. С величайшим усилием, выбравшись из потока, Кутузов со свитой, уменьшенной более чем вдвое, поехал на звуки артиллерийских выстрелов русской батареи; князь Андрей старался не отставать от него.

Французы атаковали батарею и, увидев Кутузова, выстрелили по нему. С этим залпом упало несколько солдат, и подпрапорщик, стоявший со знаменем, выпустил его из рук; знамя зашаталось и упало, задержавшись на ружьях соседних солдат.

Болконский, оглянувшись и указывая на расстроенный батальон, с отчаянным видом промышчал: «Кутузов, что же это?» Но прежде, чем он договорил, князь Андрей, чувствуя слезы стыда и злобы, подступившие к горлу, уже соскакивал с лошади и бежал к знамени.

«Ребята, вперед!» - крикнул он по-детски пронзительно. «Вот оно!» - думал князь Андрей, схватив древко и с наслаждением слыша свист пуль, очевидно, направленных именно против него. «Ура!» - закричал князь Андрей, едва удерживая в руках тяжелое знамя, и побежал вперед с несомненной уверенностью, что весь батальон побежит за ним.

Действительно, он пробежал один только несколько шагов, потом тронулся один, другой солдат, и весь батальон с криком «Ура!» побежал и обогнал его. Унтер-офицер батальона, подбежав, взял колебавшееся от тяжести в руках князя Андрея знамя, но тотчас же был убит. Князь Андрей опять схватил знамя и, волоча его за древко, бежал с батальоном. Он по-прежнему слышал над собою не перестававший свист пуль, и беспрестанно, справа и слева от него, охали и падали солдаты. Но он не смотрел на них, он вглядывался только в то, что происходило впереди его на батарее.

Task 15. Translate into English the following extract:

НИКОЛАЙ РОСТОВ (по Л. Толстому)

Вернувшись в Москву из армии, Николай Ростов был принят домашними как лучший сын, герой и ненаглядный Николушка; родными – как милый, приятный молодой человек, знакомыми – как красивый гусарский поручик,

ловкий танцор и один из лучших женихов Москвы.

Знакомых у Ростовых была вся Москва; денег в нынешний год у старого графа было достаточно, потому что были перезаложены все имения, и потому Николушка, заведя собственного рысака и самые модные рейтузы, особенные, каких ни у кого еще в Москве не было, и сапоги, самые модные, с маленькими серебряными шпорами, проводил время очень весело.

Ростов, вернувшись домой, испытал приятное чувство примеривания себя к старым условиям жизни. Ему казалось, что он очень возмужал и вырос. Отчаяние за невыдержанный из закона Божьего экзамен, тайные поцелуи с Соней – он про все это вспоминал, как про ребячество, от которого он неизмеримо был далек теперь. Теперь он – гусарский поручик, готовит своего рысака на бега, вместе с известными охотниками, пожилыми, почтенными. У него знакомая дама на бульваре, к которой он ездит вечером. Он дирижировал мазурку на бале у Архаровых, разговаривал о войне с фельдмаршалом, бывал в Английском клубе и был на «ты» с одним сорокалетним полковником, с которым познакомил его Денисов.

Страсть его к государю несколько ослабела в Москве, так как он за это время не видел его. Но он все-таки часто рассказывал о нем, давая чувствовать, что он еще не все рассказывает, что что-то есть в его чувстве к государю, что не может быть всем понятно.

В это короткое пребывание Ростова в Москве, до отъезда в армию, он не сблизился, а, напротив, разошелся с Соней. Она была очень хороша, мила и, очевидно, страстно влюблена в него; он был в той поре молодости, когда кажется, что этим некогда заниматься, и молодой человек боится связываться – дорожит своей свободой, которая ему нужна на многое другое. Когда он думал о Соне в это свое пребывание в Москве, он говорил себе: «Э! Еще много, много таких будет и есть там, где-то, мне еще неизвестных». Кроме того, ему казалось что-то унижительное для своего мужества в женском обществе. Он ездил на балы и в женское общество, притворяясь, что делал это против воли.

Task 16. Translate into English the following extract:

ДУЭЛЬ (по А. Пушкину)

Это было на рассвете. Весеннее солнце уже взошло, и становилось жарко. Я стоял на назначенном месте с моими тремя секундантами. С неизъяснимым нетерпением ожидал я моего неприятеля.

Я увидел его издали. Он шел пешком, с мундиром на сабле, сопровождаемый одним секундантом. Мы пошли к нему навстречу. Он приближался, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты отмеряли

нам двенадцать шагов. Я должен был стрелять первым, но волнение злобы было во мне так сильно, что я не понадеялся на верность руки и, чтобы дать себе время остыть, уступил ему первый выстрел. Противник мой не соглашался. Положили бросить жребий. Первый номер достался ему, вечному любимцу счастья. Он прицелился и прострелил мне фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его наконец была в моих руках; я глядел на него жадно, стараясь уловить хотя бы одну тень беспокойства... Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки, которые долетали до меня. Его равнодушие взбесило меня. «Что пользы мне, - подумал я, - лишить его жизни, когда он ею вовсе не дорожит?» Злобная мысль мелькнула в моем уме. Я опустил пистолет. «Вам, кажется, теперь не до смерти, - сказал я ему, - вы изволите завтракать; мне не хочется вам помешать». – «Вы ничуть не мешаете мне, - возразил он – извольте себе стрелять, а впрочем, как вам угодно; выстрел ваш остается за вами; я всегда готов к вашим услугам».

Я обратился к секундантам, объявив, что нынче стреляться не намерен, и поединок тем и кончился.

Я вышел в отставку и удалился в это местечко. С тех пор не прошло ни одного дня, чтоб я не думал о мщении. Нынче мой час настал...

Сильвио вынул из кармана утром полученное письмо и дал мне его читать. Кто-то (казалось, его поверенный по делам) писал ему из Москвы, что известная особа скоро должна вступить в законный брак с молодой и прекрасной девушкой.

- Вы догадываетесь, - сказал Сильвио, - кто эта известная особа? Еду в Москву. Посмотрим, так ли равнодушно примет он смерть перед своей свадьбой, как некогда ждал ее за черешнями!

Task 17. Translate into English the following extract:

СОЗВЕЗДИЕ КОЗЛОТУРА (отрывок из повести Ф. Искандера)

Автобус мощно и мягко скользил по шоссе. Справа от дороги сквозь зелень садов и белые домики прорывалось море, теплое даже на вид. Оно казалось насыщенным и успокоенным обилием летнего тепла и купальщиц.

Слева проплывали зеленые взгорья, покрытые созревающей кукурузой и мандариновыми плантациями.

Порой ветерок, словно срезанный автобусом с поворота, так он был неожидан, доносил далекий запах прелого папоротника, прокаленного солнцем навоза, молочный дух зреющей кукурузы, и все это сладко и грустно напоминало детство, деревню, родину...

Почему так сильна над нами власть запахов? Почему воспоминание не может с такой силой расколыхнуть пережитое, как связанный с ним знакомый запах? Может, дело в его неповторимости, ведь запах нельзя вспоминать отдельно от

него самого, так сказать, повторить воображением. И когда он повторяется естественно, он с первозданной свежестью выхлестывает наружу все, что было связано с ним. А зрительные и слуховые впечатления мы часто повторяем своими воспоминаниями, и, может быть, потому они в конце концов притупляются...

В комнате, озаренной не столько лампой, сколько ярко пылавшим очагом, за столом, уставленным закусками и фруктами, сидели гости. Я сразу увидел маму и заметил, несмотря на багровые отсветы пламени, как она медленно побледнела. Гости повскакали с мест, заохали, запричитали.

Одна из моих городских теток, узнав о цели моего прихода, стала тихо опрокидываться назад, как бы падая в обморок. Но так как в деревне этого не понимали и никто не собирался ее подхватывать, она остановилась на полпути и сделала вид, что у нее заломило поясницу. Дядя Мексут всячески успокаивал женщин, предлагал пить за победу, за сыновей, за то, чтобы все вернулись. Дядя Мексут был большой хлебосол, в доме у него всегда были гости, а здесь, в долине, уже собрали виноград, и сезон длинных тостов только начинался.

Мама сидела молча, ни к чему не притрагиваясь. Мне было жалко ее, хотелось как-то успокоить, но роль, которую я взял на себя, не допускала такой слабости.

Мне подали горячей мамалыги, курятины и даже налили стакан вина. Мама покачала головой, но дядя Мексут сказал, что мачарка еще не вино, а я уже не ребенок.

Task 18. Translate into English the following story:

САМОЕ СТРАШНОЕ

Саша Черный

Конечно, «страшное» разное бывает. Акула за тобой в море погонится, еле успеешь доплыть до лодки, через борт плюхнуться... Или пойдешь в погреб за углем, уронишь совок в ящик, наклонишься за ним, а тебя крыса за палец цапнет. Благодарю покорно!

Самое страшное, что со мной в жизни случилось, даже и страшным назвать трудно. Стряслось это среди бела дня, люди улыбались, ни акул, ни крыс не было... Однако до сих пор, - а уж не такой я и трус, - чуть вспомню, по спине мороз пробежит. Ужаснешься... и улыбнешься. Рассказать?

Учился я в белоцерковской гимназии (Belaya Tserkov gymnasium). Лицо серьезное, словно у обиженной девочки, мундирчик, как на карлике морщится...

Рядом с мужской гимназией помещалась женская. У мальчиков двор был для игр и прогулок, у девочек – сад. А между ними китайская стена, чтобы друг другу не мешали.

Помню перед самыми рождественскими каникулами холод был детский, градусов всего пять-шесть. Выпустили нас, гимназистов, и верзил и маленьких, на большой перемене во двор проветриться. В пальто, конечно, чтобы инфлуэнцы не

схватить.

Характер был у меня особенный. У маленьких собачонок нередко такая склонность замечается: ни за что с маленькими собаками играть не хотят, все за большими гоняются. Так и я. Крепость ли снежную шестой-седьмой класс берет, либо в лапту играют, - я все с ними. Визжать помогаю, мяч подаю, дела не мало. Привыкли они ко мне, прочь не гнали. И прозвали «Колобок», потому что голова у меня круглая, а шинель очень толстая, вроде подушечки для втыкания булавок.

Увязался я и на этот раз за взрослыми. Мяч под небеса, я наперез за мячом. И вот, на мою беду, полетел он прямо в женский сад за стенку. Стенка ростом с полтора Созонта Яковлевича (надзиратель у нас такой был, вроде складной лестницы). Что делать?

На свое горе, я сгоряча и вызвался. Гимназисты ведь к героическим поступкам склонны, во сне на тигра один на один с перочинным ножом ходят... А взрослые балбесы обрадовались. Подхватили меня под руки и к стенке поволокли. Один стал внизу, руками и головой в стену уперся, другой на него – вроде римской осадной колонны.

Подхватили меня под некоторое место, хлопнули – ух! – взлетел я на стену, на руках по ту сторону повис. Снег мягкий, шинель толстая – ничего! И полетел вниз в полной беспечности легким перышком.

Вылез я из сугроба, снегу наелся, по спине порция мороженого потекла. Руки и ноги целы.

И вдруг из-за всех кустов, словно стадо поросят кипятком ошпарили, визг невообразимый. Справа девочки, слева девочки, сзади девочки... Маленькие, средние, большие, самые большие. А впереди краснощекая, толстая ватрушка воинственная в капоре, кричит:

- Идите все сюда! Мальчик к нам в сад свалился!

Съежился я, как мышь в мышеловке. Стена за спиной до небес выросла. Предателей моих не видно, не слышно. Где моя любимая мужская гимназия? Куда удирать? Как я из этого осинового гнезда выберусь?

А девочки по всем правилам осады круг сомкнули, смолкли и смотрят. Синие глаза, карие глаза, серые глаза – острые, ехидные по всей моей восьмилетней душе ползают. Колют, жалят, в один пестрый глаз сливаются. Они, девочки, храбрые, когда мальчик один!

И все ближе и ближе... Это тебе не тигр во сне. Не акула в море. Не крыса в погребе...

Стянули они круг теснее. Еще теснее.. Когда к дикарям в плен попадешь, всегда так бывает: прежде чем пленника поджарить, отдают его женщинам – помучить... Господи, до чего мне страшно было! Может быть они меня подбрасывать станут? Или защекочут, как русалки? Каждая в отдельности ничего, но когда их тысячи, - мышей например, - что они с епископом Гаттоном (Archbishop Hatto) сделали?

Но они ничего. Только еще ближе подобрались. Одна постарше наклонилась,

фуражку мою подняла, боком на меня надела. Другая с щеки у меня снежок смахнула. Третья по голове погладила...

Стою я пунцовый. И со страху в ярость приходиться начинаю. Мускулы под шинелью напряг. Как сталь! Что ж, думаю, погибать так с треском! Брыкаться-кусаться буду. И не выдержал, в позу стал и головой слегка вперед боднул.

А они опять как зальются. Словно весь сад битым стеклом засыпали.

И первая, ватрушка воинственная, вдруг сбоку нацелилась и рукой меня за нос... Чайник я ей с ручкой что ли? Обидно мне стало ужасно. Посмотрел вверх, на гимнастическую стену, фуражку поправил и издал пронзительный крик:

- Шестой и седьмой класс! На помощь! Девчонки меня мучают!

Да разве их перекричишь... Но на мое счастье, вижу издали, словно облако, седая дама плывет – в серой шубе, на голове серебристая парчовая шапочка. Подошла. Девчонки все сразу ангелами, божьими коровками стали. Расступились. От реверансов снег задымился.

А я, маленький, врос в снежную грядку, стою посредине и дышу, как загнанный олень.

Посмотрела на меня дама в очки с ручкой, которые у нее на шее висели, мягко улыбнулась и спрашивает:

- Вы как сюда, дружок, попали?

А я совсем начисто с перепугу забыл, зачем я в сад свалился. И уши до того горят, что и сказать невозможно...

Взяла меня седая дама пальцем за подбородок, подняла мою замороченную голову и опять спрашивает:

- Как вас зовут?

Ну это я кое-как, слава Богу, вспомнил. Но от робости ни с того ни с сего шепелявить стал:

- Шаша.

Опять вокруг ехидные девчонки захихикали. Не громко, конечно, но все равно же обидно.

Дама на них строго оглянулась. Точно холодным ветром смешок сдуло. А даме, конечно, любопытно. Не аист же меня в женскую гимназию принес.

- Как же вы, Саша, все-таки в сад к нам попали?

И вдруг над стенкой шестиклассная голова в фуражке появляется и басит:

- Извините, пожалуйста, Анна Ивановна! Мяч у нас через стенку перелетел. Мы гимназистика этого в сад и перебросили.

Но дама его очень строго на место поставила:

- Стыдитесь! Большие – маленького подвели. Да и где он тут в сугробах мяч ваш найдет?

И шестиклассная голова сконфуженно нырнула за стенку.

- Вам тоже стыдно, медам! Разве можно так? Точно зайца на охоте обступили...

Тут уж очередь девочек пришла: покраснели многие, как клюковки.

Довела меня дама сама до калитки. Руку мне на плечо положила. Сразу мне

легче стало.

Расшаркаться я даже не догадался, побежал к парадным дверям: да и время было, - колокольчик во всю глотку заливался. Кончилась, значит, большая перемена, - кончились, значит, и мои мучения.

На елку в женскую гимназию, как ни уговаривала меня няня, я не пошел.

- Почему?

- Не пойду.

Няня только головой покачала:

- Фу, козел упрямый... Уж помяни мои слова, сошлют тебя когда-нибудь в Симбирск.

Няня наша в географии плохо разбиралась, и что Сибирь, что Симбирск – для нее все было едино.

Так я дома и остался. А поздно-поздно старшая сестра-гимназистка с елки вернулась, целый ворох игрушек мне на постель вывалила.

И сказала таинственно:

- Они очень раскаиваются. Очень жалели, что ты, козьявка, не пришел, и прислали тебе с елки подарки.

А я головой в подушку зарылся и в ответ только голой пяткой брыкнул

Task 19. Translate into English the following fairy-tale:

ГОРЫ БЕССМЕРТИЯ

Китайская сказка

Давным-давно это было. По равнинам Монголии протекала река-широкая, светлая, прозрачная. На западном ее берегу тихо и мирно жила с матерью девушка необыкновенной красоты. Звали ее Сола.

А на восточном берегу реки жил богатый нойон (Нойон-князь, владелец скота и пастбищ) со своими слугами и приближенными.

Среди слуг нойона был один юноша. Еще в раннем детстве лишился он родителей, и у него не было даже имени. С малых лет пас он скот нойона, и все звали его просто пастушок. Тяжело жилось ему: с раннего утра до поздней ночи работал он без отдыха, никогда не ел досыта, не имел теплой одежды. И вдобавок ко всему ему еще частенько доставалось от хозяина.

Как-то весной, когда настали теплые дни, пастух заметил, что каждый раз, как он проезжал вдоль реки в сторону пастбищ, с западного берега на него смотрит с ласковой улыбкой прекрасная девушка. И вечером, когда он возвращался домой, она уже поджидала его на том же месте.

Вначале пастух не обращал на нее внимания, но, видя ее каждый день, он все чаще и чаще стал думать о ней, и в сердце его зародилась любовь.

Однажды вечером, возвращаясь домой, пастух увидел, как девушка на другом берегу вдруг взмахнула рукой, в воздухе что-то блеснуло и какой-то предмет упал к его ногам. Он спрыгнул с седла и поднял его. Это оказался

завернутый в тряпочку кусок сыра, к которому был привязан расшитый цветными нитками кошелек. Юноша взглянул на тот берег - девушка стояла как раз напротив и весело смеялась.

С тех пор юноша стал часто переправляться на западный берег, чтобы посидеть и пошутить с Солой. Они все больше привыкали друг к другу, и скоро им уже трудно было расставаться.

Юноша всегда носил с собой кошелек, который подарила ему любимая. Выгнав скот на пастбище, он садился где-нибудь в стороне, вытаскивал из-за пазухи кошелек и долго-долго любовался им; а ночью он всегда клал кошелек под подушку.

Как-то раз вдоль реки проезжал нойон. Взглянув на западный берег, он увидел прекрасную девушку, стиравшую белье. Нойон остановил лошадь и долго с восхищением смотрел на красавицу, а потом крикнул своим слугам:

- Поймайте-ка мне эту птичку, да поживей! Она мне нравится! — и громко рассмеялся.

В тот же вечер девушку схватили и насильно привели в дом нойона. Нойон предложил ей стать его младшей женой. Сола рассердилась и принялась бранить нойона так, что его жирная круглая физиономия стала краснее свеклы. Нойон рассвирепел, вытащил из-за пояса короткий отточенный нож и гневно крикнул:

- Заткни рот, не то я сейчас заколю тебя! Эй, запирайте-ка ее на замок!

Слуги исполнили его приказание.

Настала ночь, и в доме нойона все затихло. Лишь бедная Сола сидела одна в крошечной темной каморке и горько плакала, сетуя на свою судьбу. Она вспомнила о юноше, и в душе ее словно вспыхнул огонь — так захотелось ей вырваться из тюрьмы!

Узнав о случившемся, пастух сильно опечалился и решил во что бы то ни стало выручить свою любимую.

В полночь, воспользовавшись тем, что мрачный страж, приставленный к Соле, крепко спал, юноша тихо прокрался в каморку, схватил девушку за руку и шепнул:

- Идем быстрее!

Они вскочили на лошадь и только хотели пуститься в путь, как нечаянно разбудили страшных собак нойона; те, словно бешеный вихрь, с громким лаем набросились на них. Но юноша стегнул коня плетью, и они ускакали.

Между тем лай собак разбудил стража. Увидев, что Сола исчезла, он не на шутку перепугался и бросился доложить нойону о побеге. Тот пришел в ярость и отправил верховых догонять беглянку.

На рассвете слуги нойона окружили пастуха и Солу. Их схватили и потащили назад, в дом нойона. Увидев пастуха вместе с девушкой, нойон в изумлении уставился на него и закричал:

- Ах ты, чертово отродье! Как ты посмел освободить ее да еще и ускакать вместе с ней?

Но юноша не испугался его крика. Он не мог уже больше сдерживать ненависть и гнев, много лет таившиеся в его сердце. Бесстрашно подошел он к нойону:

- Честное ли это дело — воровать чужих девушек?! И разве спасти человека — это преступление?

Нойон словно остолбенел от этих слов и чуть было не лишился дара речи. Но он быстро пришел в себя и крикнул своим слугам:

- Эй, привязать мальчишку к столбу, и пусть его разорвут собаки!

Сола рванулась к юноше, ухватила за его халат и, плача, стала упрашивать нойона:

- Нет, не делай этого, не делай!

Но слезы девушки не тронули сердца нойона. Он повернулся и вышел вслед за слугами, которые потащили пастуха во двор, чтобы подвергнуть его жестокой казни.

Вскоре Сола услышала громкий лай разъяренных собак и пронзительный, душераздирающий крик. Она задрожала всем телом и бросилась во двор. Страшную картину увидела она! Девушка дико закричала и тут же упала без чувств.

После расправы с пастухом нойон снова стал вынуждать Солу стать его женой. Но она упорно не соглашалась и горько оплакивала своего возлюбленного. Много дней она ничего не пила и не ела и вскоре умерла.

Чтобы и после смерти пастух и Сола не могли соединиться, нойон приказал похоронить девушку на восточном берегу, а останки юноши разбросать на западном.

Но вот как-то раз люди увидели, что на западном берегу, как раз напротив могилы Сола, появился холмик. Оказалось, что какой-то добрый старик похоронил останки юноши, разбросанные в поле.

Прошло несколько дней и однажды ночью нойону приснилось, будто с неба спустились пастух и Сола и сурово сказали ему:

- Злодей, мы будем вечно преследовать тебя, пока ты не превратишься в черную черепаху.

Наступило утро, и люди увидели, что на месте могил влюбленных выросли две горы. Вершины этих гор срослись, как будто через реку перебросили большой каменный мост.

Весть об этом дошла до нойона, и он в сопровождении слуг отправился на берег реки. И что же увидел он? На ровном месте выросли две горы с одной общей вершиной.

Нойон понял в чем дело, но сделал вид, что ему смешно, и приказал каменщикам разрушить вершину.

Однако сделать это было не так-то просто: сколько ни тратили они сил и времени, работа не двигалась с места.

Нойон в ярости приказал каменщикам долбить гору день и ночь. Но и это ни

к чему не привело. Тогда нойоп сам вскарабкался на вершину горы и злобно крикнул в небо:

- Эй вы, негодяи! Сегодня вы должны расстаться! А не то я сам с вами разделаюсь!

Едва он сказал это, как горы вдруг качнулись и раздался оглушительный раскат грома. Вершина горы раскололась, под нойоном разверзлась бездна, и он камнем полетел прямо в реку.

Люди взглянули на воду, но не увидели никакого нойона — там барахталась лишь большая черная черепаха.

Прошло немного времени, черепаха окаменела, и все кругом успокоилось.

Вершины двух гор с той поры больше не соединялись. И до сегодняшнего дня они величественно возвышаются на противоположных берегах реки. Люди назвали их Горами Бессмертия.

А черная черепаха много лет лежала поперек реки. пока волны наконец не смыли ее и не унесли неведомо куда.

Task 20. Translate into English the following story:

НОЛЬ ГРАДУСОВ

А.Хургин

Кроме Тихона, у Тамары Борисовны Шашель не было никого. Как-то так у нее все сложилось. И в молодости никого не было, и потом. То есть она была старой девой. А Тихон – это ее кот. Серый. Тигровой масти. А живот у него кремовый. И вот этот Тихон теперь от нее ушел. Или скорее он не от нее ушел, а случайно. Она дверь не захлопнула, потому что сразу на кухню прошла, сумку с продуктами поставить, а Тихон в щель шмыгнул. А тут еще лифт, как назло не успел закрыться. Тихон туда забежал, а на первом этаже, видно, кнопку нажали на вызов. Тамара Борисовна вниз спустилась бегом, но Тихон уже пропал. А обратно же сам он прийти не может, он же не знает, что ему на одиннадцатый этаж нужно.

И осталась Тамара Борисовна без Тихона. И вообще без никого. Она и всегда-то без никого была, почему – неизвестно. Сказать, что уродина она или змея, так нет. Женщина как женщина. А до пятидесяти почти лет дожила без никого. Старой девой. Год назад вот Тихона купила себе на Птичьем рынке за трешку. А теперь он взял и ушел. Замерзнет там, черт такой. Он же не привык к холоду. Тамара Борисовна гулять его выносила под пальто, чтоб одна голова торчала, - и то он дрожал. Он и дома-то по утрам, если форточка открытой бывала, замерзал. И всегда в постель к ней лез – греться. Уткнется носом под мышку и урчит от удовольствия и тепла. Тамара Борисовна его гладит, а он спит и урчит. Конечно, она расстроилась, когда Тихон ушел. Во-первых, на улице ноль градусов и дождь со снегом. А во-вторых, она же к нему привязалась, к Тихону. А он, подлец, ушел.

Ему-то что, он не помнит, как котенком болел. То глисты у него заводились

откуда-то, то он со стола неудачно прыгнул и лапу себе повредил, а глисты, просто непонятно – где он их брал? С кошками ведь не общался, ел все вареное, сто раз мытое. Сколько Тамара Борисовна с ним возилась! Лечила, ухаживала. Надо только на Тихона посмотреть – какой он холеный и чистый, и как шерсть на нем блестит. Теперь, наверное, он уже не такой. Измазался, наверное, весь, блох нахватался. И питается, небось, всякой дрянью по помойкам. А спит скорее всего в подвале. В нем, правда, крыс полно, но хоть не холодно. Тамара Борисовна ходила туда с фонарем – какие-то кошки там живут. Но Тихона как будто бы среди них нет. Не мог же он так одичать, что она его не узнала. Да и он бы должен был ее вспомнить. Год все-таки у нее жил. С самого детства. Нет, его там точно не было, в этом подвале. Может быть в другом каком-нибудь. Здесь везде дома, и во всех дамах подвалы есть. И в любом из них Тихон может прятаться. Потому что в подвалах обычно тепло бывает. От труб. Не будет же он по улице бегать. Когда там ноль градусов. Он же умный, Тихон. И холода боится. Вечно у нее под пальто дрожал. А еду он себе какую-нибудь найдет. Живут же как-то кошки бездомные. В крайнем случае мышей ловить научится. Лишь бы по помойкам не лазил. Глистов подхватит – кто его будет лечить?

Тамара Борисовна, конечно, надеялась еще найти своего Тихона. Вряд ли он далеко ушел. Наверно, тут где-нибудь живет. Может, тоже ее ищет. Бабушки-пензионерки говорили, что приходил к подъезду кот, на ее Тихона похожий. Но он это был или не он, они не знали. Если б Тамара Борисовна жила на первом этаже или на втором, например, Тихон бы по запаху свою квартиру нашел. И главное, когда квартиру получала, жеребьевку устраивали, чтоб по справедливости, а первый этаж можно было так выбрать, любую квартиру. Но она не захотела на первом этаже жить, думала – одна все же, а тут первый этаж. Страшновато. И не взяла. Одиннадцатый по жребью вытащила и с самой лучшей планировкой. Кухня – девять метров, комната – восемнадцать. Радовалась тогда, что повезло, потому что в доме и пятиметровые кухни были, и окна на трассу. А в ее квартире – во двор. Знала бы, что Тихон у нее будет и уйдет, конечно, согласилась бы на первый этаж. Брать-то у нее, если подумать, нечего. И сама она тоже... Кому нужна? И раньше не нужна была, а теперь и говорить глупо об этом. Теперь даже сослуживцы косятся. Говорят, вполне без нее обойтись можно. Уже и сократили пробовали. Спасло только то, что тридцать лет она на одном месте работала. Из техникума в девятнадцать пришла в лабораторию и до сих пор работает. И всех всегда устраивала. Хотя они, сослуживцы, правы. Как Тихон ушел, ей не до работы стало. Думает о нем все время. А работа е внимания требует. Она же у микроскопа целый день. Ну, и ошибается само собой, раз о другом думает. Да если б только на работе. Она и выходные, и по вечерам Тихона ждет. Вроде понимает, что не может он прийти, а ждет.

По подвалам, правда, ходить Тамара Борисовна перестала. Потому что все равно не найдешь его там: разбегаются кошки, когда человек в их подвал лезет, и потому еще, что нарвалась недавно. Еле целая осталась. В какой-то очередной раз

полезла она в подвал, который через пять домов от ее дома, спустилась, а там, в подвале свет горит, штанги, гири стоят, маты постелены – для борьбы, наверно, а на матах мальчики и девочки молоденькие совсем лежат, ну и все вместе... А в углу двое в карты играют. Девчонка между ними раздетая, а они на животе у нее играют. Увидели Тамару Борисовну, карты бросили девчонке этой на живот и встали.

- Чего тебе, бабка? – один из них спрашивает.

Тамара Борисовна говорит:

- Ничего. Я Тихона своего ищу.

- Вали отсюда, - этот мальчик говорит. – Нет здесь никакого Тихона. А не то мы тебя тоже сейчас тут положим, - и смеются. И громче всех девчонка та, на которой они играли, заливается.

Тамара Борисовна к выходу попятилась, а этот, что выгонял ее, подошел к одной паре на матах, пнул их носком ботинка и говорит:

- Я сколько раз повторять буду, что в двери замок стоит? И закрывать его должны последние.

Он еще попинал ногами эту пару, но они на него и внимания не обратили. И другие тоже не обратили. А Тамара Борисовна спиной, спиной – и за дверь. И опять замок открытым остался.

После этого случая Тамара Борисовна сказала:

- Все. Хватит. В воскресенье иду на рынок и покупаю себе нового Тихона.

Только сказала, Тихон и объявился. Сидел возле дома и ждал ее с работы. Грязный, конечно, тощий, но – он. И с ним кошка какая-то незнакомая рядом сидела. Также грязная и худая. Тамара Борисовна схватила Тихона на руки и чуть не целует. А Тихон мяучит и вырывается. Она его держит, а он царапается. Потом извернулся и выскользнул из рук. Но не убежал, а в подъезд пошел. И кошка за ним пошла. И Тамара Борисовна. В лифт вошли, поднялись, Тамара Борисовна дверь отперла, пальто сбросила – и к холодильнику. А Тихон с кошкой сидят в прихожей, ждут. Вынула она колбасу, рыбу, хлеб маслом намазала, молока в тарелку налила и отошла. Тихон кошке кивнул, и они вместе на еду набросились. Едят, ворчат, друг друга отталкивают. Поели и еще просят. Тамара Борисовна остаток колбасы им скормила, а потом консервов открыла банку. Сlopали они это все, молоко допили, и Тихон о ее ногу потерялся, спасибо, значит, сказал. А подруга его, кошка, умылась, подошла к входной двери и просится, чтоб ее выпустили. Тамара Борисовна дверь открыла, кошка вильнула хвостом и выбежала. А Тихон – за ней. Тамаре Борисовне дверь бы надо было сразу захлопнуть, а она не сообразила. На площадку выскочила, а они – по лестнице вниз. Тамара Борисовна лифт вызвала, съехала в нем – какое там! Ни Тихона, ни кошки. Одни бабушки-пенсиионерки у подъезда гуляют и возмущаются.

- Развели, - говорят, - котов, прямо жизни от них никакой нет.

Постояла Тамара Борисовна немного на тротуаре и домой вернулась. Она же без пальто выскочила, а на улице холодно. Ноль градусов всего.

Task 21. Translate into English the following story:

УСТАМИ МЛАДЕНЦА

Борис Привалов

Супруги Андросовы с превеликими предосторожностями привезли своего единственного сына, трехлетнего Коленьку¹, в клинику знаменитого педиатра Хитарова.

Упитанный карапуз был оживлен и беззаботен, а взволнованные родители, наблюдая за ним, беспокойно вздыхали и многозначительно переглядывались.

Три года Коленька рос и развивался вполне нормально, как и положено ребенку у которого отец – доктор наук, мать – кандидат, а бабушка с дедушкой – доценты²: целые дни он был среди взрослых и хочешь не хочешь³ слушал научные разговоры родителей, родственников и их коллег. Но последние три недели в поведении Коленьки стали замечаться некоторые странности.

Бабушка-доцент даже обрадовалась:

- Похоже, он начал выходить в вундеркинды.

Ясно улыбаясь, Коленька среди обычных для его возраста «зачем» и «почему» стал вдруг огорошивать⁴ гостей такими разговорами, что все только руками разводили да посмеивались.

Например, одного известного физика-теоретика Коленька ошарашил лекцией о том, как управлять гравитацией, и даже начал писать на листке, на котором только что рисовал кораблик, какие-то сложнейшие формулы. Разумеется, теоретик обратил все в шутку, засюсюкал и подарил карапузу привезенный с очередного симпозиума набор жвачек⁵.

Гости смеялись, а Коленька скомкал бумагу с формулами и ушел на кухню, к бабушке, за своим любимым клюквенным киселем⁶.

«Взрывы вундеркиндизма»⁷ повторялись регулярно.

Доктора наук, онколога Чуняева Коленька очень повеселил своим заявлением:

- Дядя доктор, а я знаю, как бороться со злокачественными опухолями! Я знаю общее решение проблемы для всех видов подобных заболеваний, а проще сказать универсальный рецепт...

Полвека отдавший онкологии Чуняев сперва охнул, а потом, приняв все за милый розыгрыш, погладил малыша по вихрам и долго, до слез смеялся.

- Это надо же, - утирая лицо, приговаривал Чуняев, - ну учудил брат⁸... Дед, небось, подучил, а? Развеселили старика... ох!

А модного биолога Илларионова Коленька озадачил вопросами об индивидуальном бессмертии:

- Режимы, диеты, физические нагрузки, износ организма – это частности! Само же решение проблемы физического бессмертия довольно примитивно в своей сути. Почему-то никто не обращал внимания на деятельность такой железы,

как...

Но тут давно уже начавший хихикать Илларионов до того развеселился, что даже выронил бокал с боржомом⁹.

- Ой. Ой! – стонал он. – От горшка два вершка, а уже все знает! Дай Бог нам эту проблемку всем научным скопом решить этак лет через сто... А он... ой, не могу... ой, держите меня¹⁰, помру со смеху...

Таким же фиаско закончились Коленькины попытки растолковать академику Максимову, что теория относительности Эйнштейна справедлива только для галактик типа Млечного Пути и что во Вселенной есть множество антигалактик, в которых частицы движутся быстрее скорости света.

А генетик Озерский, услышав от Коленьки принципы управления наследственностью, многозначительно покрутил пальцем у виска¹¹ и молвил:¹²

- переутомили ребеночка гости да родители, факт! Дитл¹³ понаслушалось взрослых разговоров – у него салат в голове!¹⁴ Деду Хитарову его нужно показать немедля. Я ему позвоню!

...Хитаров был похож на Деда Мороза – седая веселая борода, озорные глаза, кряжистый, широкогрудый – и сразу же располагал к себе малышней.

- Не суетитесь, не волнуйтесь, - глядя в ясные Коленькины очи, утешил Хитаров родителей. - Ребенок ваш хоть куда, отборный карапуз... Впечатлителен не по годам, это понятно, взрослая среда, эпоха акселерации, опять же передачи для взрослых, кино, которое «до шестнадцати лет»¹⁵, радио... Небось, в квартире больше научных журналов, чем детских книжек, а?

* * * * *

На планете 7-АБС звездной системы ШГ-1 в галактике ЭЦ/Б-14 шло очередное заседание Высшего Совета.

И когда последняя проблема – как заселять недавно обнаруженную необитаемую планету, - была уже решена, Ведущий сообщил:

- Прошу извинения у членов Совета. Внеочередной вопрос, мелочь, но откладывать его нельзя. Наш посланник из галактики 99-ПР, планета 3-СУХ, которую сами ее обитатели называют Землей, только что передал экстренное сообщение. Напоминаю: мыслящие существа Земли давно наблюдаются нами. Они в большинстве своем трудолюбивы и любознательны. Было принято решение об оказании помощи в ускорении развития землянской науки. Но ввиду недоверчивости землян и их странного желания все познавать на собственном опыте наш посланник на первых порах потерпел неудачу. Личные его контакты с землянами ни к чему не привели: ему не верили, его даже боялись, десять раз лишали свободы, шесть раз убивали. Тогда он начал искать другие каналы, по которым информация беспрепятственно дошла бы до землян. Он доложил свои предложения, и мы одобрили операцию «Губы ребенка».

- Простите, но я в то время улетал на X-89 и ничего не знаю об этом, сказал один из членов Совета.

- Земляне, как правило, очень любят своих детей и воспитывают их до

определенного возраста в семье, дома, - пояснил Ведущий. – Маленькие дети считаются существами правдивыми, искренними. Более того, у землян существуют даже научные выводы по этой проблеме, так, например, никто у них не оспаривает аксиому «губы ребенка произносят только правду». На их языке это звучит так: «Устами младенца глаголет истина»¹⁶.

Итак, наш посланник выбрал ребенка, семья которого по всем данным была вполне подготовлена для того, чтобы воспринять ряд простейших истин, познанием которых земляне сейчас заняты. Ребенок оказался хорошим передатчиком, но не был понят ни одним из ученых-землян. Видимо, мы поспешили со своей научной информацией – цивилизация землян и их уровень науки еще к ней не подготовлены. Посланник просит разрешения немедленно прекратить эксперимент и вернуться на родину. А лет через пятьдесят мы, может быть, повторим опыт.

- Простите, но почему вы так настаиваете на особой срочности этого вопроса? – спросил старейший из членов Совета.

- Родители решили, что их сын заболел, и в данный момент его начинают лечить. Ребенок не должен пострадать из-за нас.

- Немедленно прекратить эксперимент! – единодушно решили члены Совета.

* * * * *

- Ну, Коленька, - ласково глядя в глаза карапузу, сказал Хитаров, - а мне ты ничего не хочешь рассказать?

- Отчего же, - охотно согласился карапуз, смело выдерживая взгляд академика. – Знаете ли вы, как решается проблема совместимости при пересадке любых органов от одного человека другому? Нужно приготовить раствор, формула которого...

Тут губы Коленьки вдруг как-то странно дрогнули, он покрутил головой, словно отгоняя мух, и сказал капризно:

- Хоцу¹⁷ к бабушке... киселя хоцу...

- Ну, вот! – радостно произнес Хитаров. – Мой метод косметического гипноза всегда делает чудеса! Поверьте, мальчик выбросил из головы всю эту научную окрошку¹⁸. Я сам видел, как этакое что-то блеснуло в его глазенках – губы дрогнули как-то странно и сразу же – слышали? – он попросил киселя! Не давайте ему смотреть взрослые передачи вроде «Очевидное невероятное»¹⁹, спать кладите не позже двадцати пятнадцати... Желаю успеха!

...Хитаров стоял у окна кабинета и смотрел, как счастливые Андросовы ведут своего Коленьку через сад к выходу из клиники.

«Любопытно все-таки, какую формулу он хотел мне назвать?» - с сожалением подумал академик

Task 22. Translate into English the following extract:

1

У него было две сказки. Одна своя, о которой никто не знал. Другая та, которую рассказывал дед. Потом не осталось не одной. Об этом речь.

В тот год мальчику исполнилось семь лет, шел восьмой. Сначала был куплен «необыкновенный – самый обыкновенный школьный портфель. С этого, пожалуй, все и началось». Дед купил портфель в автолавке, приехавшей на кордон лесников.

Отсюда по ущелью и склонам поднимался в верховья заповедный лес. На кордоне жили три семьи.

С побережья Иссык-Куля сюда поднималась колесная дорога, но подняться по ней было не очень просто. Дойдя до Караульной горы, дорога поднималась со дна теснины на откос и оттуда долго спускалась по крутому и голому склону ко дворам лесников.

Караульная гора рядом. Летом мальчик каждый день бежит туда смотреть в бинокль на озеро, оттуда хорошо видна и дорога. В тот раз – жарким летом – мальчик купался в запруде и увидел, как пылит машина.

Запруду соорудил дед на краю отмели, отгородив от реки камнями, чтобы быстрое течение реки не унесло мальчика.

Увидев автолавку, мальчик выскочил на берег и побежал сообщить взрослым, что приехала «машина – магазин». Мальчик очень торопился, даже не задержался у своих «знакомых – камней»: «Лежащего верблюда», «Седла», «Танка», «Волка». Среди растений тоже – «любимые», «смелые», «боязливые», «злые» и всякие другие. Колючий бодяк – главный враг. Мальчик рубится с ним десятки раз на дню, а бодяк все растет и умножается. Полевые венки самые умные и веселые цветы, лучше всех они встречают солнце. Днем, в жару, мальчик любит забираться в ширалджины, они высокие, без цветов и пахнут сосной. Ширалджины – верные друзья, к ним он прибегает если его кто обидит до слез, а плакать при посторонних не хочется. Мальчик ложится на спину и рассматривает проплывающие над ним облака, превращающиеся во все, что захочешь. Из одних и тех же облаков получаются различные штуки, надо только уметь узнавать, что они изображают.

И еще много интересного знал мальчик об окружающем его мире. Ковыли он считал «чудаками», не обходящимися без ветра: ветер куда хотел, клонил их шелковые метелки. «Один, без друзей, мальчик жил в кругу тех нехитрых вещей, которые его обступали, и разве лишь автолавка могла заставить его забыть обо всем и стремглав бежать к ней. Что уж там говорить, автолавка – это тебе не камни и не травы какие – то. Чего там только нет, в автолавке!»

2

Случилось это давно. Однако киргизское племя жило на берегу большой и холодной реки Энесай в Сибири. На коне туда три года и три месяца скакать.

Теперь эта река называется Енисей.

Разные народы стояли тогда на Энесае, трудно им жилось, потому что они враждовали друг с другом. Убивали всех, когда удавалось убить, - такие были времена. Человек не жалел человека. Человек истреблял человека. Дошло до того, что некому не стало хлеб сеять, скот умножать, на охоту ходить. Легче стало жить грабежом: пришел, убил, забрал. А за убийство надо отвечать еще большей кровью, и за месть – еще большей мстостью. И чем дальше, тем больше лилась кровь. Самым умным считался жестокий и коварный. В тайге появилась странная птица, плакавшая ночи напролет человеческим голосом: «Быть великой беде!» И настал тот страшный день. Киргизское племя прощалось со своим вождем, оно несло его вдоль крутого берега Энесая («Эне» – мать, «Сай» – русло, река), чтобы душа умершего смогла в последний раз пропеть песню об Энесае.

Есть ли река шире тебя, Энесай,
Есть ли земля роднее тебя, Энесай?
Есть ли горе глубже тебя, Энесай,
Есть ли воля вольнее тебя, Энесай?

Нету реки шире тебя, Энесай,
Нету земли роднее тебя, Энесай,
Нету горя глубже тебя, Энесай,
Нету воли вольнее тебя, Энесай...

На погребальной сопке следовало поднять тело вождя и показать ему четыре стороны света: «Вот твоя река. Вот твое небо. Вот твоя земля. Вот мы, рожденные от одного с тобой корня. Мы все пришли проводить тебя. Спи спокойно». И на могиле батыра (богатыря, воина) устанавливалась глыба. С утра племя приготовилось достойно проводить вождя Кульче. Были намечены и жертвенные животные для поминок.

И тут случилось непредвиденное. Как бы не враждовали племена между собой, но в дни похорон вождей не принято было идти войной на соседей. А теперь племя окружили полчища врагов и перерезали его, не успевшее даже сообразить, что происходит. Убивали всех, чтобы некому было мстить, чтобы некому было помнить об этом варварстве. «Было – и не было...» Человека долго рожать и растить, а убить – скорее всего. Племя погибло под мечами нападавших и в водах Энесая, куда люди кинулись, спасаясь от преследования. «Никто не успел убежать, никого не осталось в живых». Враги ликовали, что они теперь займут эти земли, леса, стада животных!

С богатой добычей уходили враги и не заметили, как из леса вернулись двое детей – мальчик и девочка. С утра они убежали драть лыко на лукошки. Заигрались и не заметили, как ушли далеко. Только слыша шум, повернули назад, но не нашли в живых родных. В одночасье дети осиротели. Увидели они вдали

клубившуюся пыль и кинулись за лютыми врагами. «Вместо того, чтобы скрыться от убийц, дети пустились их догонять, лишь бы не остаться на страшном пепелище». Судьба благоволила детям. Ночь ни проспала спокойно: звери их не тронули. На третий день дети пришли к племени, справляющему великое пиршество по случаю победы. (Ч. Айтматов «Белый парход»)

Task 23. Translate into English the following extract:

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

1

Судно, идущее по Ладожскому озеру от острова Коневца к Валааму, по пути причаливает у Корелы, и пассажиры из любопытства едут на лошадях в этот пустынный и бедный, хотя и очень старый русский поселок. Отправившись дальше, пассажиры рассуждают, зачем «неудобных в Петербурге людей» ссылать далеко, когда совсем рядом есть такое место, где апатия населения и скупая, невзрачная природа одолеют всякое свободомыслие. Кто-то из пассажиров, путешествующий здесь часто, рассказывает, что в разное время сюда действительно ссылали, да только все ссыльные все долго тут не выдерживали. Один, например, повесился. «И прекрасно сделал», – заметил пассажир, «склонный к философским обобщениям и политической шутливости». Другой, по всей видимости, купец, человек религиозный, возражает – ведь самоубийцы целый век будут мучиться. За них даже никто молиться не может.

И тут против обоих оппонентов выступил пассажир, на которого как-то не обращали внимания, что было странно. «Это был человек огромного роста, с смуглым открытым лицом и густыми волнистыми волосами свинцового цвета: так странно отливала его проседь. Он был одет в послушничьем подряснике с широким монастырским ременным поясом и в высоком черном суконном колпачке... Этому новому нашему сопутнику... по виду можно было дать с небольшим лет за пятьдесят; но он был в полном смысле слова богатырь, и притом типический, простодушный, добрый русский богатырь, напоминающий дедушку Илью Муромца в прекрасной картине Верещагина и в поэме графа А.К. Толстого». Видно было, что это человек бывалый, много повидавший. Держался он смело и самоуверенно, хотя и несколько развязно. Он заявил, что есть такой человек, который облегчает положение самоубийц. Это попик-пьяница в одном селе московской епархии, который молится за самоубийц. Его было чуть не расстригли. Говорят, что уже было решение лишить его места. Попик от горя даже перестал пить и решил покончить с собой – в таком случае владыко сжалится над его семьей и даст дочери жениха, который и займет его место.

А епископ однажды после трапезы задремал и видит, будто к нему в келью входит преподобный Сергей и просит пожалеть недостойного попика. Епископ решил, что это был просто сон, и ничего делать не стал. Вот он снова ложится спать, и снится ему, как воинство под темным знаменем волочет за собой толпу

скучных теней, и все они кивают грустно владыке и просят: «Отпусти его! – он один за нас молится». Епископ призывает к себе этого самого попа, и тот сознается сто да, действительно молится за самоубийцу. Владыко благословил попа и опять его на место отправил. В процессе разговора выяснилось, что разговорчивый пассажир всего лишь инок, а когда-то был *конэсером*, то есть он знаток лошадей и стоял при ремонтерах для их руководства, отобрал и отъездил не одну тысячу коней. Пассажир говорит, что в своей жизни многое испытал, ему довелось быть и на конях, и под конями, и в плену был, и воевал, и сам людей бил, и его увечили. А в монастырь пришел всего несколько лет назад. «Всю жизнь свою я погибал и никак не мог погибнуть», – говорит он. Тут все подступили к нему с просьбой рассказать о своей жизни. Тот согласился, но только рассказывать он будет с самого начала.

2

Стоит Иван и думает, как бы ему лучше этого офицера раздражить, чтобы он сам стал на него нападать? А барыня жалуется, что мол, ребенка не отдают. Ремонтер гладит ее по головке и говорит, что мол, ничего, сейчас он деньги покажет, у Ивана глаза разбегутся, а если нет, то он просто силой отберет ребенка. Он подает Ивану пучок ассигнаций, а тот вырвал бумажки, поплевал на них да и бросил – мол, поднимай сам. Ремонтер покраснел и бросился на Ивана, но с ним разве кто справится при такой комплекции. Он только слегка пихнул ремонтера, тот и полетел. Этот ремонтер хоть и был физически слаб, но характером горд и благороден. Он не стал поднимать с земли своих денег. Иван кричит ему, чтобы подобрал, но он не поднял, а бежит и хватается за дитя. Иван взял девочку за вторую ручку и говорит: «Ну, тяни его: на чью половину больше оторвется». Ремонтер выбранился, плюнул Ивану в лицо, отпустил ребенка и тянет за собой барыню, а та рыдает, повернулась лицом к дочери и тянет к ней руки, «точно живая, пополам рвется, половина к нему, половина к дитяти»... И тут от города бежит барин, отец девочки, палит из пистолета и кричит: «Держи их, Иван! Держи!» А Иван вместо этого догнал барыньку с уланом и отдал им ребенка; попросил только, чтобы и его с собой увезли, потому что барин его правосудию сдаст, у него паспорт поддельный.

Приехали в Пензу, а офицер и говорит Ивану, что не может его при себе держать, ведь у него нет паспорта. Дал он ему двести рублей. Ивану очень не хотелось никуда идти, о очень девочку любил, но делать нечего. Попросил только, чтобы улан ударил его за то, что там, у лимана, побил его. Офицер рассмеялся. Решил Иван идти и сдать в полицию, а прежде выпить чаю в трактире. Долго пил, потом пошел походить. Перешел реку Суру, а там стоят конские косяки и при них татары в кибитках. Вокруг самой пестрой толпится народ: штатские, военные, помещики. Посередине сидит на пестрой кошке длинный степенный татарин в золотой тюбетейке. Это был, как узнал Иван, хан Джангар, первый степной коневод. Его табуны ходили от самой Волги до самого Урала. Хотя вся эта земля и принадлежит России, но царит там хан Джангар. В это время татарчонок пригнал

к хану необыкновенной красоты и стати белую кобылку. Начался торг. Вскоре все отказались, кроме двоих – эти уже начали предлагать не только деньги, но и седло, и халат, и даже дочь. Тут все татары начали кричать, чтобы до разорения друг друга не довели. Русский, стоявший рядом с Иваном, объясняет ему, как будет дело решено. Хану Джангару дадут, сколько он попросит, а кому коня взять, с общего согласия наперепор пустят. Объяснять, что это такое, сосед не стал, сказал, что увидит сам. Оба соперника, раздевшись до пояса, сели на землю друг против друга и взялись левой рукой за левую, ноги растопырили и уперлись ступнями. Каждому подали по нагайке, и они стали друг друга хлестать. Сосед Ивана между тем объяснил ему тонкости – как надо бить, чтобы продержаться дольше соперника. Кто победит, тот возьмет кобылу. Победивший, весь в крови, положил кобылице на спину свой халат и бешмет, сам животом на нее вскинулся и уехал. Иван хотел уже уходить, но его новый знакомый задержал его – должно случиться что-то еще. (Лесков Н.С.)

Task 24. Translate into English the following extract:

БЕДНЫЕ ЛЮДИ

Апреля 8

Макар Деушкин в очередном письме к Варваре Алексеевне Доброселовой пишет: он счастлив, что она его послушалась и утром приоткрыла на окне занавеску, и ему показалось даже, что за окном мелькнуло ее «миловидное личико». Теперь они словно будут переговариваться с помощью этой занавески: приоткрыта – «с добрым утром, Макар Алексеевич», опущена – «прощайте... пора спать». Макар Алексеевич только что поселился на новом месте, он чувствует себя хорошо, радуется солнцу, птичкам, даже немного помечтал, и все его мечтания связаны с Варенькой, которую он сравнивает с «птичкой небесной, на утеху людям и для украшения природы созданной». Далее Макар Деушкин описывает свое новое жилье, которое называет «трущобой». Это длинный коридор, совершенно темный и нечистый, по правой его стороне тянется глухая стена, а по левую – «всё двери да двери». Тут, «в номерах», живет и по двое, и по трое всякий люд, «впрочем, кажется, люди хорошие, всё такие образованные, ученые»: один чиновник, два офицера, которые все играют в карты, мичман, англичанин-учитель. Сам же Макар ютится в кухне за перегородкой. Но он якобы поселился здесь «для удобства... а не для чего-нибудь другого». Во-первых, прямо напротив – около Вареньки, во-вторых, тут дешевле, так что теперь Макар сможет пить чай с сахаром. Для Вареньки он купил два горшка с бальзамином и герань. А чтоб Варенька не сомневалась ни в чем, Макар повторяет, что поселился за перегородкой лишь для одного только удобства, а деньги он копит, откладывает. Вместе с письмом Макар посылает Варю конфет.

В ответом письме, посланном в тот же день, Варя укоряет Макара Алексеевича за то, что он тратит деньги на подарки для нее, и тут же восхищается купленной им геранью. Варя понимает, что из-за нее Макар лишается самого

необходимого, ведь на свое жалование он мог бы нанять жилье получше. Вот, Федора (хозяйка квартиры) говорит, что Макар раньше жил намного лучше. Варя снова умоляет Макара не тратить на нее столько денег. У самой Вари дела идут неплохо: Федора достала ей работу.

Девушку тревожит будущее. «...Какова-то будет моя судьба! Тяжело то, что я в такой неизвестности, что я не имею будущности... Назад и посмотреть страшно. Там все такое горе, что сердце пополам рвется при одном воспоминании. Век я буду плакаться на злых людей, меня погубивших!» – пишет Варя. Она приглашает Макара зайти к ним в гости, просит писать подробнее о своей жизни. «Сегодня и тоска, и скучно, и грустно!»

В ответном письме Макар извиняется за то, что написал утром (о своих мечтаниях). Ему показалось, что Варя его неправильно поняла. Нет, его «одушевляла» лишь «отеческая приязнь», потому что он Вареньке, но ее горькому сиротству, вместо отца, и больше нечего. К тому же он родственник Вари, хоть и очень далекий, а теперь так «ближайший родственник и покровитель», потому что у близких людей Варя нашла предательство и обиду. Макар старается убедить Варю, что живет отлично. Он с тоской вспоминает прежнюю квартиру, где прожил двадцать лет, свою покойную уже хозяйку и внучку ее Машу. Макар беспокоится за доброе имя Вари – как же он придет к ней, ведь заметят, пойдут сплетни!

2

Анна Федоровна жила в собственном пятикомнатном доме на Васильевском острове. Три комнаты занимали сама хозяйка и ее воспитанница, сирота Саша, двоюродная сестра Вари. В четвертой поселилась Варя с матерью, а еще одну занимал жилец, бедный студент по фамилии Покровский. Анна Федоровна жила богато, но ни о состоянии ее, ни о том, чем она занимается, ничего не было известно. У нее были широкие знакомства, к ней приходило много людей, «всегда по каким-то делам и на минутку». Сначала Анна Федоровна была ласкова с Верой и ее матерью, но потом, когда увидела, что они беспомощны и идти им некуда, показала, какова она на самом деле. Своим многочисленным посетителям она рассказывала, что вот, приютила из милости вдову и сироту, а за столом следила за каждым куском, который они брали, а если они не ели, то начинала кричать, что они гнушаются, поминутно ругала покойного Вариного отца. Мать чахла день ото дня. Они обе работали с утра до ночи, шили на заказ, хотя это не нравилось Анне Федоровне, пытались скопить немного денег, чтобы переехать куда-нибудь.

Студент Покровский за стол и кров обучал Сашу французскому и немецкому языкам, истории и географии. По предложению Анны Федоровны училась целый год у Покровского вместе с Сашей и Варя.

Покровский был очень беден, из-за слабого здоровья он не мог посещать постоянно занятия, так что его называли студентом скорее по привычке. Он бы неловок и сначала показался Варе странным. К тому же он был раздражителен,

постоянно сердился и кричал на своих учениц. У него было много книг, он постоянно читал.

Со временем Варя, познакомившись с Покровским поближе, поняла, что он – прекрасный и добрый человек. Мать Вари его очень уважала. Он стал Вариним другом.

В доме иногда появлялся «запачканный, дурно одетый... странный до нельзя» старичок. Это был отец студента Покровского. Когда-то он где-то служил, занимал, очень значительное место. После смерти его жены (матери студента Покровского) н женился во второй раз. Мачеха возненавидела его сына. Но помещик Быков, знавший чиновника Покровского, поместил мальчика в какую-то школу. Мальчиком Быков интересовался потому, что знал его покойную мать (когда-то именно Анна Федоровна «облагодетельствовала» ее и выдала замуж за чиновника Покровского). После школы молодой Покровский поступил в гимназию, потом в университет, но заболел и не мог продолжать учебу. Тогда-то Быков пристроил его у Анны Федоровны обучать Сашу. Старик же, с которым вторая жена обращалась жестоко, била его, спился. Единственным человеческим чувством, сохранившемся в его душе, была безграничная любовь к сыну. Молодой Покровский терпеть не мог отцовских посещений, его любопытства и пустой болтовни. Старик все-таки продолжал приходить два раза в неделю. *(Достоевский Ф.М.)*

PART III

ASSIGNMENTS FOR INDIVIDUAL WORK

Recommendations to follow in the translation tasks:

- Always learn as much as possible about the author and literary tradition of the source text.
- Do not start to translate straight off with the first sentence of the text until you have read it at least twice.
- Study semantic, stylistic and rhythmic values of the names in the text so as not to pass over the chance to select the right forms for them in the target language.
- Consider not only the forms but also expressive functions of the words and sentences in the text.
- While making pre-translating analysis, identify all units of the text which may present a translation problem of a certain linguistic status.
- Consider the comparative associative force of the equivalent units.
- Thoroughly measure the rhythmic pattern of the text on all levels of perception, from sounding of names to general compositional structure.
- Do not forget to read aloud what you have written in translation to compare it with the source rhythmic and phonic image.
- Try to find a similar text in the target cultural tradition that will prove useful in your translation efforts.
- Decide on the main principle translation for this text: whether you are going to keep to the source structures as close as possible, or are going to create some particular manner of presenting it in Russian.
- Look for some stylistic manner in Russian literature that would be parallel to the source. You may try Bunin, Chekhov or Kuprin.
- Create your glossary finding Russian counterparts for the problematic words and names.
- When translating the text, mark the grammatical problems to be solved.
- Point out the devices used to convey of irony in the source text and choose their Russian counterparts carefully.
- Read your Russian version aloud to feel the rhythm of it. Compare the impression produced by reading the source text aloud.
- Mark the words and expressions that may need comments or references. Compare a glossary of them.
- Measure the style of the text in terms of both stylistic devices and the choice of linguistic units.
- Study the vocabulary in the text and mark the lexical problems for translation.

- Study the syntax of the text and its logical functions.
- Outline the rhythmic pattern of the text.
- Complete the glossary with Russian counterparts.
- Work on the choice of words and syntactical structures in Russian.
- Check the results of translation with special attention to the appropriate reconstruction of the overt and covert irony in the source text.
- Read the Russian version aloud to feel the rhythm of the text.
- Read the whole story in English and think over its content and style.
- Read the whole translated version and think about the general impression of the text.
- Study the keywords in the source text and their stylistic value.
- Compare the source key words with translated version and decide if the counterparts are adequate.
- Study the translation of the source colloquialisms and see where the translator resorts to transformations. Are any other variants possible?
- Study the grammatical irregularities of the source text and compare them with their translation substitutes.
- Identify the narrative type of the text and the corresponding rhythmic pattern. See whether it is appropriately reproduced in translation.
- What words and phrases in the source text require the translator's comments?
- Study the losses and additions in the translation compared to the source text.
- Sum up your ideas about the translation.
- See what you would change in the translation and/or give your own variant.
- Read the whole story in English and think over its content and style.
- Read the whole story in translation and think about the general impression the text produces.
- Study the emotional background of the source text and the emotional key-words and stylistic value.
- Compare the source key-words with translation and decide if the counterparts are adequate.
- Study the epithets in the source text and compare the choice of equivalents in the translation.
- What words or phrases in the source text require translator's comments? Is everything clear in the translation of such units? What should be clarified about the time?
- Is colloquial manner of the source text adequately translated or slightly changed? Mark the difference.
- What is added and what is omitted in translation in comparison with the source text?
- Sum up the ideas you have about the translation and comment on it in general.

- See what you would change in the translation and/or give your own variant.
- Discuss the result.

Task 1. Render the extract into Russian:

Meanwhile the Christmas holidays approached. Mrs. Carey had been ill all through November, and the doctor suggested that she and the Vicar should go to Cornwall for a couple of weeks round Christmas so that she should get back her strength. The result was that Philip had nowhere to go, and he spent Christmas Day in his lodgings. Under Hayward's influence he had persuaded himself that the festivities that attend this season were vulgar and barbaric, and he made up his mind that he would take no notice of the day; but when it came, the jollity of all around affected him strangely.

His landlady and her husband were spending the day with a married daughter, and to save trouble Philip announced that he would take his meals out. He went up to London towards mid-day and ate a slice of turkey and some Christmas pudding by himself at Gatti's, and since he had nothing to do afterwards went to Westminster Abbey for the afternoon service. The streets were almost empty, and the people who went along had a preoccupied look; they did not saunter but walked with some definite goal in view, and hardly anyone was alone. To Philip they all seemed happy. He felt himself more solitary than he had ever done in his life. His intention had been to kill the day somehow in the streets and then dine at a restaurant, but he could not face again the sight of cheerful people, talking, laughing, and making merry. His depression was almost intolerable.

Task 2. Render the extract into English:

Автобус мощно и мягко скользил по шоссе. Справа от дороги сквозь зелень садов и белые домики прорывалось море, теплое даже на вид. Оно казалось насыщенным и успокоенным обилием летнего тепла и купальщиц. Слева проплывали зеленые взгорья, покрытые созревающей кукурузой и мандариновыми плантациями.

Порой ветерок, словно срезанный автобусом с поворота, так он был неожидан, доносил далекий запах прелого папоротника, прокаленного солнцем навоза, молочный дух зреющей кукурузы, и все это сладко и грустно напоминало детство, деревню, родину...

Почему так сильна над нами власть запахов? Почему воспоминание не может с такой силой расколыхнуть пережитое, как связанный с ним знакомый запах? Может, дело в его неповторимости, ведь запах нельзя вспоминать отдельно от него самого, так сказать, повторить воображением. И когда он повторяется натурально, он с первозданной свежестью выхлестывает наружу все, что было связано с ним. А зрительные и слуховые впечатления мы часто повторяем своими воспоминаниями, и, может быть, потому они в конце концов притупляются...

Task 3. Render the extract into Russian:

That reminded him of Miss Wilkinson. He thought of her without satisfaction. Before parting they had made an arrangement that she should write to Charing Cross Post Office till he was able to send her an address, and when he went there he found three letters from her. She wrote on blue paper with violet ink, and she wrote in French. Philip wondered why she could not write in English like a sensible woman, and her passionate expressions, because they reminded him of a French novel, left him cold. She upbraided him for not having written, and when he answered he excused himself by saying that he had been busy. He did not quite know how to start the letter. He could not bring himself to use dearest or darling, and he hated to address her as Emily, so finally he began with the word dear. It looked odd, standing by itself, and rather silly, but he made it do. It was the first love letter he had ever written, and he was conscious of its tameness; he felt that he should say all sorts of vehement things, how he thought of her every minute of the day and how he longed to kiss her beautiful hands and how he trembled at the thought of her red lips, but some inexplicable modesty prevented him; and instead he told her of his new rooms and his office. The answer came by return of post, angry, heart-broken, reproachful: how could he be so cold? Did he not know that she hung on his letters? She had given him all that a woman could give, and this was her reward.

Task 4. Render the extract into English:

В комнате, озаренной не столько лампой, сколько ярко пылавшим очагом, за столом, уставленным закусками и фруктами, сидели гости. Я сразу увидел маму и заметил, несмотря на багровые отсветы пламени, как она медленно побледнела. Гости повскакали с мест, заохали, запричитали.

Одна из моих городских теток, узнав о цели моего прихода, стала тихо опрокидываться назад, как бы падая в обморок. Но так как в деревне этого не понимали и никто не собирался ее подхватывать, она остановилась на полпути и сделала вид, что у нее заломило поясницу. Дядя Мексут всячески успокаивал женщин, предлагал пить за победу, за сыновей, за то, чтобы все вернулись. Дядя Мексут был большой хлебосол, в доме у него всегда были гости, а здесь, в долине, уже собрали виноград, и сезон длинных тостов только начинался.

Мама сидела молча, ни к чему не притрагиваясь. Мне было жалко ее, хотелось как-то успокоить, но роль, которую я взял на себя, не допускала такой слабости.

Мне подали горячей мамалыги, курятины и даже налили стакан вина. Мама покачала головой, но дядя Мексут сказал, что мачарка еще не вино, а я уже не ребенок.

Task 5. Render the extract into Russian:

He got up at last, exhausted and ashamed, and washed his face. He mixed himself a strong whiskey and soda. It made him feel a little better. Then he caught sight of the

tickets to Paris, which were on the chimney-piece, and, seizing them, with an impulse of rage he flung them in the fire. He knew he could have got the money back on them, but it relieved him to destroy them.

Then he went out in search of someone to be with. The club was empty. He felt he would go mad unless he found someone to talk to; but Lawson was abroad; he went on to Hayward's rooms: the maid who opened the door told him that he had gone down to Brighton for the week-end. Then Philip went to a gallery and found it was just closing. He did not know what to do. He was distracted. And he thought of Griffiths and Mildred going to Oxford, sitting opposite one another in the train, happy. He went back to his rooms, but they filled him with horror, he had been so wretched in them; he tried once more to read Burton's book, but, as he read, he told himself again and again what a fool he had been; it was he who had made the suggestion that they should go away, he had offered the money, he had forced it upon them; he might have known what would happen when he introduced Griffiths to Mildred; his own vehement passion was enough to arouse the other's desire. By this time they had reached Oxford.

Task 6. Render the extract into English:

Ко времени моего появления в редакции "Красных субтропиков" Платон Самсонович стал первым газетчиком. Теперь он писал не только на сельскохозяйственные темы, но и на культурно-просветительные, а также передовые по отделу пропаганды. Его статья была отмечена на доске лучших материалов.

Целыми днями Платон Самсонович сидел за своим редакционным столом, окруженный учебниками по агробиологии, письмами селекционеров и всяческими диаграммами. Иногда он делался задумчивым и неожиданно вздрагивал.

-- Что с вами, Платон Самсонович? -- спрашивал я у него.

-- Ты знаешь,-- говорил Платон Самсонович, радостно приходя в себя и оживляясь,-- я часто вспоминаю свою первую заметку. Ведь я тогда еще думал: давать эту информашку или нет? Чуть было не прошел мимо великого начинания.

-- А что, если бы прошли? -- говорил я.

-- Не говори,-- отвечал Платон Самсонович и снова вздрагивал.

Платон Самсонович отдавал газете все свое время. Он приходил в редакцию раньше всех и уходил поздно вечером, так что мне даже как-то бывало неудобно уходить домой после рабочего дня.

Task 7. Translate into Russian:

Her mother was her best friend and had put every last possibility into the guiding of her, not so rare a thing in a theatrical profession, but rather special in that Mrs. Elsie Speers was not compensating herself in a defeat of her own. She had no personal bitterness or resentments about life – twice satisfactorily married and twice widowed, her cheerful stoicism had each time deepened. One of her husbands had been a cavalry officer and one an army doctor, and they both left something to her that she tried to

present intact to Rosemary.

Task 8. Translate into English:

Мне рассказали, что я очутился в Лиссе благодаря одному из тех редких заболеваний, какие наступают внезапно. Это произошло в пути. Я был снят с поезда при беспамятстве, высокой температуре и помещен в госпиталь. Когда опасность прошла, доктор Филатр, дружески развлекавший меня все последнее время, перед тем как я покинул палату, позаботился приискать мне квартиру и даже нашел женщину для услуг. Я был очень признателен ему, тем более что окна этой квартиры выходили на море. Однажды Филатр сказал:

- Дорогой Гарвей, кажется, я невольно удерживаю вас в нашем городе. Вы могли бы уехать, когда поправитесь, без всякого стеснения из-за того, что я нанял для вас квартиру.

Task 9. Translate into Russian:

He seemed kind and charming – his voice promised that he would take care of her, and that a little later he would open up whole new worlds for her, unroll an endless succession of magnificent possibilities. He managed the introduction so that her name wasn't mentioned and then let her know easily that everyone knew who she was but were respecting the completeness of her private life – a courtesy that Rosemary had not met with save from professional people since her success.

Task 10. Translate into English:

Я заметил ее лицо, когда оно появилось над бортом среди саквояжей и сбитых на сторону шляп. Она сошла медленно, с задумчивым интересом к происходящему вокруг нее. Благодаря гибкому сложению или иной причине она совершенно избежала толчков. Она ничего не несла, ни на кого не оглядывалась и никого не искала в толпе глазами. Так спускаются по лестнице роскошного дома к почтительно распахнутой двери. Ее два чемодана плыли за ней на голвах смуглых носильщиков. Коротким движением тихо протянутой руки, указывающей как поступить, чемоданы были водружены прямо на мостовой, поодаль от парохода и она село на них, смотря перед собой спокойно и разумно.

Task 11. Translate into Russian:

They want to get down; the crowd want to get down off the hill of Mercury, before the storm comes. At any price to get off the hill! They stream towards the funicular, while the sky blackens with incredible rapidity. And as the crowd presses down towards the little station, the first blaze of lightning opens out, followed immediately by a crash of thunder, and great darkness. In one strange movement, the crowd takes refuge in the deep veranda of the restaurant, pressing along the little tables in silence. There is no rain, and no definite wind, only a sudden coldness which makes the crowd press closer. They press closer, in the darkness and the suspense. They have

become curiously unified, the crowd, as if they had fused into one body. As the air sends a chill waft under the veranda the voices murmur plaintively, like birds under leaves, the bodies press closer together, seeking shelter in contact. (*D. Lawrence*)

Task 12. Translate into English:

Это было на рассвете. Весеннее солнце уже взошло, и становилось жарко. Я стоял на назначенном месте с моими тремя секундантами. С неизъяснимым нетерпением ожидал я моего неприятеля. Я увидел его издали. Он шел пешком, с мундиром на сабле, сопровождаемый одним секундантом. Мы пошли к нему навстречу. Он приближался, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты отмерили двенадцать шагов. Я должен был стрелять первым, но волнение злобы было во мне так сильно, что я не понадеялся на верность руки, и чтобы дать себе время остыть, уступил ему первый выстрел. Противник мой не соглашался...

Он прицелился и прострелил мне фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его была наконец в моих руках; я глядел на него жадно, стараясь уловить хотя бы одну тень беспокойства. (*А. Пушкин*)

Task 13. Translate into Russian:

In the great bang of the thunder the apparition disappears. The earth moves, and the house jumps in complete darkness. A faint whimpering of terror comes from the crowd, as the cold air swirls in. But still, upon the darkness, there is no rain. There is no relief: a long wait. Brilliant and binding, the lightning falls again; a strange bruising thud comes from the forest, as all the little tables and the secret tree-trunks stand for one unnatural second exposed. Then the blow of the thunder, under which the house and the crowd reel as under explosion. A belated sound of tearing branches comes out of the forest. (*D. Lawrence*)

Task 14. Translate into English:

Злобная мысль мелькнула в моем уме. Я опустил пистолет. «Вам, кажется, теперь не до смерти, - сказал я ему, - вы изволите завтракать; мне не хочется вам помешать». – « Вы ничуть не мешаете мне, - возразил он – извольте себе стрелять, а впрочем как вам угодно; выстрел ваш остается за вами; я всегда готов к вашим услугам». Я обратился к секундантам, объявив что нынче стреляться не намерен, и поединок тем и кончился. Я вышел в отставку и удалился в это местечко. С тех пор не прошло ни одного дня, чтоб я не думал об мщении. Нынче мой час настал... Сильвио вынул из кармана утром полученное письмо и дал мне его читать. Кто-то (казалось, его поверенный по делам) писал ему из Москвы, что известная особа скоро должна вступить в законный брак с молодой и прекрасной девушкой.

- Вы догадываетесь, - сказал Сильвио, - кто эта известная особа? Еду в Москву. Посмотрим, так ли равнодушно примет он смерть перед своей судьбой,

как некогда ждал ее... (А. Пушкин)

Task 15. Translate into English:

Отец мой похож был на ворона. Мне пришло это в голову, когда я был еще мальчиком. Он занимал в нашем губернском городе очень видный служебный пост, и это еще более испортило его; не было человека более тяжелого, более угрюмого, молчаливого, холодно-жестокоего в медлительных словах и поступках. Невысокий, плотный, немного сутулый, грубо-черноволосый, темный, с длинным бритым лицом, большеносый, был он и впрямь совершенный ворон.

Был отец давно вдов, нас, детей, было у него лишь двое, - я да маленькая сестра моя Лиля, и холодно, пусто блистала своими огромными, зеркально-чистыми комнатами наша просторная казенная квартира, выходящая фасадом на бульвар в тополях между собором и главной улицей. К счастью, я больше полугода жил в Москве, учился в лицее, приезжал домой лишь на святки и летние каникулы. (И. Бунин «Ворон»)

Task 16. Translate into English:

В ту же ночь я уехал в Ярославскую губернию, в деревню к одному из моих лицейских товарищей, прожил у него до осени. Осенью поступил в Петербург в министерство иностранных дел и написал отцу, что навсегда отказываюсь не только от его наследства, но и от всякой помощи. Зимой узнал, что он, оставив службу, тоже переехал в Петербург – «с прелестной молоденькой женой», как сказали мне. И, входя однажды в партер в Мариинском театре за несколько минут до поднятия занавеса, вдруг увидел и его и ее. Они сидели в ложе возле сцены, у самого барьера, на котором лежал маленький бинокль. Он, во фраке, сутулясь, внимательно читал, прищутив один глаз, программу. Она, держась легко и стройно, в высокой прическе белокурых волос, оживленно озиралась кругом – на теплый, сверкающий люстрами, наполняющийся партер, на вечерние платья, фраки и мундиры, входящие в ложи. На шейке у нее темным огнем сверкал рубиновый крестик, тонкие, но уже округлившиеся руки были обнажены. (И. Бунин «Ворон»)

Task 17. Translate into English:

Он объяснил француженке, как взрослые люди изучают языки.

– Один мой знакомый, – сказал он, – желая изучить новые языки, положил перед собой французское, немецкое и латинское евангелия, читал их параллельно, причем кропотливо разбирал каждое слово, и что ж? Он достиг своей цели меньше чем в один год. Сделаем и мы так. Возьмем какого-нибудь автора и будем читать.

Француженка с недоумением посмотрела на него. По-видимому, предложение Воротова показалось ей очень наивным и вздорным. Если бы это странное предложение было сделано малолетним, то, наверное, она рассердилась бы и крикнула, но так как тут был человек взрослый и очень толстый, на которого

нельзя было кричать, то она только пожала плечами едва заметно и сказала:

– Как хотите.

Воротов порылся у себя в книжном шкафу и достал оттуда истрепанную французскую книгу.

– Это годится? – спросил он.

– Все равно. (*А.П. Чехов «Дорогие уроки»*)

Task 18. Translate into English:

Уроки начались опять.

Воротов занимался уж без всякой охоты. Зная, что из занятий не выйдет никакого толку, он дал француженке полную волю, уже ни о чем не спрашивал ее и не перебивал. Она переводила, как хотела, по десяти страниц в один урок, а он не слушал, тяжело дышал, и от нечего делать рассматривал то кудрявую головку, то шею, то нежные белые руки. Вдыхал запах ее платья...

Он все думал: как бы так внушить ей доверие, познакомиться с нею покороче, потом помочь ей, дать ей понять, как дурно она преподает, бедняжка.

Алиса Осиповна явилась однажды на урок в нарядном розовом платье, с маленьким декольте, и от нее шел такой аромат, что казалось, будто она окутана облаком. Она извинилась и сказала, что после урока она пойдет прямо на бал.

Он смотрел на ее шею и на спину, оголенную около шеи, и, казалось ему, понимал, отчего это француженки пользуются репутацией легкомысленных и легко падающих созданий. (*А.П. Чехов «Дорогие уроки»*)

Task 19. Translate into English:

После встречи в театре Воротов понял, что он влюблен... Во время следующих уроков, пожирая глазами свою изящную учительницу, он уже не боролся с собой, а давал полный ход своим чистым и нечистым мыслям. Лицо Алисы Осиповны не переставало быть холодным, и он чувствовал, что она равнодушна к нему и будет равнодушной и – положение его безнадежно.

Иногда среди урока он начинал мечтать, надеяться, строить планы, сочинял мысленно любовное объяснение, вспоминал, что француженки легкомысленны и податливы, но достаточно ему было взглянуть на лицо учительницы, чтобы мысли его мгновенно потухли, как потухает свеча, когда на даче во время ветра выносишь ее на террасу. Раз, он, опьянев, забывшись, как в бреду, не выдержал и, загораживая ей дорогу, когда она выходила послу урока из кабинета в переднюю, задыхаясь и заикаясь, стал объясняться ей в любви:

– Вы мне дороги! Я... я люблю вас! Позвольте мне говорить! (*А.П. Чехов «Дорогие уроки»*)

Task 20. Translate into English:

Ванька вздохнул, умакнул перо и продолжал писать:

«А вчерась мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосы во двор и

отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребенка в люльке и по нечаянности заснул. А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Подмастерья надо мной насмеваются, посылают в кабак за водкой и велят красть у хозяев огурцы, а хозяин бьет чем попадя. А еды нету никакой. Утром дают хлеба, в обед каши и к вечеру тоже хлеба, а чтоб чаю и щей, то хозяева сами трескают. А спать мне велят в сенях, а когда ребяенок ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку. Милый дедушка, сделай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нету никакой моей возможности... Кланяюсь тебе в ножки и буду вечно бога молить, увези меня отсюда, а то помру...»

Ванька покривил рот, потер своим черным кулаком глаза и всхлипнул. (А.П. Чехов «Ванька»)

Task 21. Translate into English:

Ванька перевел глаза на темное окно, в котором мелькало отражение его свечи, и живо вообразил себе своего деда Константина Макарыча служащего ночным сторожем у господ Живаревых. Это маленький, тощенький, но необыкновенно юркий и подвижной старикашка, лет шестидесяти пяти, с вечно смеющимся лицом и пьяными глазами. Днем он спит в людской кухне и балагурит с кухарками, ночью же, окутанный в просторный тулуп, ходит вокруг усадьбы и стучит в свою колотушку. За ним, опустив головы, шагают старая Каштанка и кобелек Вьюн, прозванный так за свой черный цвет и тело, длинное как у ласки. Этот Вьюн необыкновенно почтителен и ласков, одинаково умильно смотрит как на своих, так и на чужих, но кредитом не пользуется. Под его почтительностью и смирением скрывается самое иезуитское ехидство. Никто лучше не умеет вовремя подкрасться и цапнуть за ногу, забраться в ледник или украсть у мужика курицу. Ему уж не раз отбивали задние ног, раза два его вешали, каждую неделю пороли до полусмерти, но он всегда оживал. (А.П. Чехов «Ванька»)

Task 22. Translate into English:

Женщина, не отдавая себе отчета, уплатила в кассу деньги. И сама не своя вышла из магазина с этими ботинками.

И вот идет она по улице, смотрит на свою покупку и весьма сильно горюет. Думает: «Дернула меня нелегкая купить такую ненужную обувь, достанется мне теперь от мужа!»

И, остановившись против одного дома, она развернула эти чудовищные сапоги и с грустью стала на них смотреть.

Вдруг из ворот дома вышел один мужчина.

Он вышел из ворот, воззрился на эти сапоги и спрашивает, не продаются ли эти баркасы.

- Да, продаются, - ответила обрадованная женщина. Нет, конечно, она не хотела наживать и, тем более, спекулировать. Но неожиданный вопрос застал ее

врасплох. И она, сама не понимая, как это произошло, накинула десятку против магазинной цены

Мужчина сказал, что цена его устраивает, он только жалеет, что сапоги для него слишком велики. Но он просит разрешения показать сапоги родственнику, который живет тут же в этом доме и мечтает приобрести себе что-нибудь из обуви.

И, схватив эти сапоги, мужчина нырнул в ворота. (М. Зощенко «Сапоги»)

Task 23. Translate into English:

Вдруг ее догоняет человек с сапогами в руках. И женщина видит, что это тот самый человек, который взял у нее на примерку сапоги.

Этот человек запыхавшись, так ей говорит:

- Фу, как вы меня напугали, уважаемая! Выхожу из ворот, вдруг вижу: вас нет. Уж я хотел в милицию нести ваши сапоги, чтобы невольно не оказаться вором. Зачем же вы ушли? Конечно, я немножко долго не выходил, но на это была причина: все жильцы с нашей квартиры примеряли ваши баркасы, но никому они не подошли. Вот примите назад ваши сапожищи. Сочувствую, что вы приобрели такой нечеловеческий размер.

Женщина начала было лепетать, что она получила деньги от неизвестных и теперь ей неловко принимать сапоги. Но наш покупатель, не став слушать ее несвязных речей, отбыл в другом направлении. Некоторое время постояв на улице и подумав, женщина направилась в магазин, где купила эти баркасы, и там попросила вернуть ей деньги за сапоги, которые ей не годятся.

В магазине выдали ей деньги, взяли назад сапоги и тотчас стали их кому-то продавать. (М. Зощенко «Сапоги»)

Task 24. Translate into English:

Вот он, Иерусалим, поняла Пелагия и приподнялась на скамье. Рука взметнулась к горлу, словно боясь, что прервется дыхание.

Сразу забылись и пыль, и жара, и даже таинственный, непонятно откуда донесшийся голос, что вывел паломницу из сонного оцепенения.

Что-то вопили американцы, а Пелагия зачарованно смотрела на покачивающийся в мареве град.

Вот оно, самое важное место на земле. И правильно, что путь к нему столь тягостен и докучен. Это зрелище нужно выстрадать, ведь свет сияет ярко лишь для зрения, истомленного тьмой.

Монахиня спустилась наземь, преклонила колени и прочла молитву.

Потянулись скучные улицы, одноэтажные и двухэтажные домики. Это был даже не Восток, а какая-то захолустная Европа, и если бы не арабская вязь на вывесках, да не фески на головах прохожих, легко можно было бы вообразить, что находишься где-нибудь в Галиции или Румынии. (Б. Акунин «Пелагия и красный петух»)

Task 25. Translate into English:

Путь был утомителен и однообразен. Река Иордан жесточайше разочаровала паломницу своей неживописностью. Но когда Иордан влился в Мертвое море, пейзаж стал еще скучней.

Глаза болели от нестерпимого блеска. Мерцало не только море, но и зазубренные скалы, пустыня, дорога. А тишина была такая, какой Пелагия не встречала нигде и никогда. Не шуршал песок, не плескалась вода, и когда Салах остановил лошадей, чтобы дать им отдых, безмолвие окружающего мира стало просто невыносимым. «Мертвая тишина на Мертвом море», сказала про себя Пелагия, безо всякого намерения скаламбурить.

Пелагии сделалось страшно. Не от бесприютности ландшафта, а от мысли о том, какое чудовищное злодеяние свершилось здесь много веков назад. Тут была цветущая страна, но разгневанный Бог пролил на Содом и Гоморру серу и огонь с неба, и появилась эта огромная воронка, наполненная горькими слезами. (Б. Акунин «Пелагия и красный петух»)

Task 26. Translate into English:

Дождь, что так долго собирался, начался лишь глубокой ночью. Его тяжелые капли, с силой барабанившие по сухой земле, хлынувшие затем потоками, ощутил на своем лице Авдий Каллистратов, приходя в сознание, - они были первым даром жизни.

Авдий лежал там же, в кювете подле железной дороги, куда скатился с откоса, когда его сбросили с поезда. Первое, что он подумал: «Где я? Кажется дождь». Он застонал, хотел передвинуться и от дикой боли в боку и свинцовой тяжести в голове снова впал в беспамятство, но через некоторое время все-таки пришел в себя. Спасительный дождь возродил его к жизни.

Авдию с трудом верилось, что он остался жив. Ведь как жестоко его избивали в вагоне, на какой страшной скорости спихнули с поезда, а он жив, жив вопреки всему! (Ч. Айтматов «Плаха»)

Task 27. Translate into English:

В тот час, когда дождь кончился, Авдий сидел под железнодорожным мостом, куда с трудом, собрав последние силы, доковылял впотьмах...

Под этим мостом было относительно сухо, и он забрался сюда, как бродяга, и доволен был тем, что нашлось такое место, где он мог переждать дождь и предаться размышлениям. Под мостом было гулко, как под высокими сводами средневекового собора. Когда над головой проходили поезда, это походило на орудийный шквал, обрушивающийся издали и постепенно уходящий вдаль.

Но вот над железной дорогой снова возшло солнце, и жизнь пошла по новому кругу. Чудесно было в степи после ночного дождя. Еще не наступила жара, и все степные просторы, сколько было видно вокруг, дышали чистотой, и

пели в небе жаворонки. Заливаясь, порхали степные птицы между небом и землей.
(Ч. Айтматов «Плаха»)

Task 28. Translate into English:

В степи стояла поздняя осень. Было уже прохладно. Деревья наполовину облетели, и под ногами валялись багряно-коричневые листья. Огороды тоже были уже убраны и оголились. На улицах было пустынно, уныло. В воздухе, слабо поблескивая, летала паутина, неожиданно прикасаясь к лицу. Все это наводило на Авдия грусть.

Вечерело. С наступлением темноты Авдий еще больше мрачнел. На битком набитом людьми вокзале было душно, накурено, и уныние Авдия достигло крайней степени. Ему казалось, что он в темном, мрачном лесу. Совсем один. Осенний ветер гудит в верхушках деревьев, скоро начнется снегопад, и снег засыплет лес и его, Авдия, с головой, и все потонет в снегу, все забудется... Авдию хотелось умереть, и если бы он в тот час узнал, что Инга не вернется или вернется не одна, а с тем чтобы, забрав вещи и книги и уехать со своим военным летчиком, он не раздумывая бы вышел и лег под первый поезд... (Ч. Айтматов «Плаха»)

Task 29. Translate into English:

Начало ужасающей катастрофы нужно считать заложенным именно в этот злосчастный вечер, равно как первопричиной этой катастрофы следует считать именно профессора Владимира Ипатьевича Персикова.

Ему было ровно 58 лет. Голова лысая, с пучком желтоватых волос, торчащих по бокам. Лицо гладко выбритое, нижняя губа выпячена вперед. От этого персиковское лицо вечно носило на себе несколько капризный отпечаток. На красном носу старомодные маленькие очки в серебряной оправе, глазки блестящие, небольшие, росту высокого, сутуловат. Говорил скрипучим, тонким, квакающим голосом и среди других странностей имел такую: когда говорил что-либо веско и уверенно, указательный палец правой руки превращал в крючок и щурил глазки. А так как он говорил всегда уверенно, ибо эрудиция в его области у него была совершенно феноменальная, то крючок очень часто появлялся перед глазами собеседников профессора Персикова. (М. Булгаков «Роковые яйца»)

Task 30. Translate into English:

Надвигались июльские сумерки, серость овладела институтом, потекла по коридорам. В кабинете слышались монотонные шаги – это Персиков, не зажигая огня, мерил большую комнату от окна к дверям... Странное дело: в этот вечер необъяснимо тоскливое настроение овладело людьми, населяющими институт, и животными. Жабы почему-то подняли особенно тоскливый концерт и стрекотали зловеще и предостерегающе. Панкрату пришлось ловить в коридорах ужа, который ушел из своей камеры, и, когда он его поймал, вид у ужа был такой,

словно тот собрался куда глаза глядят, лишь бы только уйти.

В глубоких сумерках прозвучал звонок из кабинета Персикова. Панкрат появился на пороге. И увидел странную картину. Ученый стоял одиноко посреди кабинета и глядел на столы.

Панкрат ужаснулся. Ему показалось, что глаза у профессора в сумерках заплаканы. Это было так необыкновенно, так страшно. (*М. Булгаков «Роковые яйца»*)

Task 31. Translate into English:

В этот ужасный день еще утром Шарика кольнуло предчувствие. Вследствие этого он вдруг заскучал и утренний завтрак – полчашки овсянки и вчерашнюю баранью косточку – съел безо всякого аппетита. Он скучно прошелся в приемную и легонько подвыл там на собственное отражение. Но днем после того, как Зина сводила его погулять на бульвар, день прошел обычно. Приема сегодня не было, потому что, как известно, по вторникам приема не бывает, и Божество сидело в кабинете, развернув на столе какие-то тяжелые книги с пестрыми картинками. Ждали обеда. Пса несколько оживила мысль о том, что сегодня на второе блюдо, как он точно узнал на кухне, будет индейка. Проходя по коридору, пес услышал, как в кабинете Филиппа Филипповича неприятно и неожиданно прозвенел телефон. Филипп Филиппович взял трубку, прислушался и вдруг взволновался.

- Отлично, слышался его голос, - сейчас же везите, сейчас же! (*М. Булгаков «Собачье сердце»*)

Task 32. Translate into English:

Пока отец с матерью спорили, Васька съел два куска мяса, тарелку щей и будто бы нечаянно запихал в рот большой кусок сахара из сахарницы, которую мать поставила на стол, потому что отец сразу же после обеда любил выпить стакан – другой чаю. Однако мать, не поверив в то, что он это сделал нечаянно, турнула его из-за стола, и он, захныкав больше по обычаю, чем от обиды, полез на теплую печку к рыжему коту Иван Ивановичу и, по обыкновению, очень скоро задремал. То ли ему это приснилось, то ли он правда слышал сквозь дрему, а только ему показалось, что отец рассказывал про какой-то новый завод, про какие-то постройки, про каких-то людей, которые ходят и чего-то ищут по оврагам и по лесу. И будто бы мать все удивлялась, все не верила, все ахала, да охала. Потом, когда мать оттащила его с печки, раздела и положила спать, ему приснился настоящий сон: как будто бы в лесу горит очень много огней, будто бы по Тихой плывет большой, как в синих морях, пароход, и еще будто бы на том пароходе уплывает он с товарищем Петькой в очень далекие и очень прекрасные страны. (*А. Гайдар «Дальние страны»*)

Task 33. Translate into English:

С Петькой за последнее время дружба порвалась. Петька стал какой-то не такой, дикий. То все ничего – играет, разговаривает, то вдруг нахмурится,

замолчит и целый день не показывается, а все возится во дворе с Еленкой.

Как-то, возвращаясь из столярной мастерской, где они с Сережкой насаживали молотки на рукоятки, Васька решил искупаться. Он свернул к тропке и увидел Петьку. Петька шел впереди, часто останавливаясь и оборачиваясь, как будто бы боялся, что его увидят. И Васька решил выследить, куда пробирается украдкой этот шальной и странный человек.

Дул крепкий, жаркий ветер. Лес шумел. Но, опасаясь хруста своих шагов, Васька свернул с тропки и пошел кустами чуть-чуть позади. «И куда это он пробирается?» - думал Васька, которому начало передаваться Петькино возбужденное состояние.

Внезапно Петька остановился. Он стоял долго; на глазах его заблестели слезы. Потом он понуро опустил голову и тихо пошел назад. Но, пройдя всего несколько шагов, он опять остановился, тряхнул головой и, круто свернув в лес, помчался прямо на Ваську. (*А. Гайдар «Дальние страны»*)

Task 34. Translate into English:

Сначала Петька просто испугался. Он быстро пригнулся и опустился на одно колено, настороженно оглядываясь по сторонам.

Было очень тихо. Так тихо, что слышалось веселое бульканье холодного ручья и жужжание пчел, облепивших дупло старой, покрытой мхом, березы.

И оттого, что было так тихо, и оттого, что лес был приветлив и озарен пятнами теплого солнечного света, Петька успокоился и осторожно, но уже не из боязни, а просто по хитрой мальчишеской привычке, прячась за кусты, начал подбираться к палатке.

«Охотники?» - гадал он. – «Нет, не охотники... Зачем они с палаткой приедут? Рыболовы? Нет, не рыболовы – от берега далеко. Но если не охотники и не рыболовы, то кто же? А вдруг разбойники?» - подумал он и вспомнил, что в одной старой книге он видел картинку: тоже в лесу палатка; возле той палатки сидят и пируют свирепые люди, а рядом с ними сидит очень худая и очень печальная красавица и поет им песню, перебирая длинные струны какого-то замысловатого инструмента. (*А. Гайдар «Дальние страны»*)

Task 35. Translate into English:

Тогда, обозленный и испуганный, Петька всунул компас в кепку и пошел дальше просто на глаз, сильно подозревая, что все мореплаватели и путешественники должны были бы давно погибнуть, если бы они всегда держали путь туда, куда показывает зачерненное острие стрелки.

Он шел долго и уже собирался прибегнуть к последнему средству, то есть, громко заплакать, но тут в просвет деревьев он увидел низкое, опускавшееся к закату солнце.

И вдруг весь лес как будто бы повернулся к нему другой, более знакомой стороной. Очевидно, это произошло оттого, что он вспомнил, как на фоне

заходившего солнца всегда ярко вырисовывались крест и купол алешинской церкви. Теперь он понял, что Алешино не слева от него, как он думал, а справа, и что озеро у него уже не впереди, а позади. И едва только это случилось, лес показался ему знакомым, так как все перепутанные поляны, болотца и овраги в обычной последовательности прочно и послушно улеглись на свои места. (А. Гайдар «Дальние страны»)

Task 36. Translate into English:

Корпелкин вышел. Слезы и злость душили его.

- Господи, да что же я за несчастный такой? Из-за пустой двойки... И почему это других допустили до переэкзаменовки, а меня нет? А я имел больше права, у меня одна двойка...да за что же, за что!

На другой день ему были выданы из гимназии документы.

Прошло около пяти лет после этого случая. Корпелкин, сын бедных родителей, жил дома, перебиваясь кой-как дешевыми уроками, которые давали ему рублей около восьми в месяц. Первые два года, впрочем, он горячо принялся готовиться в университет, хотел держать экзамен, причем сильно рассчитывал на обещанный урок у одного купца, чтобы добыть необходимых на поездку денег, но урок этот перебил его бывший товарищ по гимназии Субботин.

Прошло еще три года после этого. Университет забылся, о продолжении ученья и помину нет – жить стало нечем, пришлось искать места. Эти поиски продолжались около года, во время которого предлагал дальний родственник поступить в урядники, но молодой человек, претендовавший поступить в университет, отказался, за что, впрочем, от родителей получил нагоняй. (В. Гиляровский «Неудачник»)

Task 37. Translate into English:

Богато и весело справлял свои именины Станислав Францевич Пулькевский. Его просторная чистенькая квартирка была переполнена гостями. Две комнаты были заняты карточными столами, а молодежь отплясывала в зале. Два железнодорожных сторожа обносили барышень фруктами и чаем.

Станислав Францевич не жалел угощенья...Да и жалеть-то нельзя было: на вечерах этих он лицом показывал свой товар, трех дочерей: Клементину, Марию и Цецилию. Старшей было 22 года, младшей – 18 лет.

Веселились все, танцевали... Только в углу, как «мрачный демон, дух изгнанья», сидел Корпелкин, не отрывая глаз от Клементины, в которую был влюблен и уже считался женихом ее...

А смущал его армейский подпоручик, не отходивший от Климочки, как мысленно называл ее Корпелкин, и танцевавший с ней все танцы. Она тоже умильно нежничала с военным и только раз, да и то как-то презрительно, как показалось Корпелкину, заглянула в тот угол, где сидел страдалец. (В.

Task 38. Translate into English:

Томительное ожидание гона. Но когда понесется по лесу собачий с взвизгиванием лай, - обо всем забывает охотник. Уже не стынут его ноги, не щиплет уши колючий мороз, ружье в руках кажется перышком, и стрелок весь уходит в зрение и слух, которому мешает только стук собственного сердца.

Что-то мелькнуло впереди, и не успел я поднять ружье, как через просеку перескочил заяц. Собственно, он не перескочил, а перелетел.

Беляк на бегу всегда словно плывет над самой поверхностью снежной пелены. Но этот заяц, кажется, на самом деле летел. Просека была чистая, и я ясно видел, как беляк махал крыльями. Через несколько минут пес Рыдай, взметая лапами снег, с гомоном пересек просеку. На собаке я крыльев не заметил.

«Померещилось, - подумал я, досадуя на то, что не успел выстрелить. – Экая чертовщина привиделась...» (Е. Терник «Крылатый заяц»)

Task 39. Translate into English:

Мой указательный палец замерз на спуске ружья. Я сунул его в рот, чтобы согреть. И в этот момент снова увидел в лесу зайца.

Нет, я даже не схватился за ружье. Я невольно приподнялся на носках, чтобы лучше разглядеть зверька.

Беляк приближался к просеке, помахивая крыльями, отчего казался летящим. Да-да, помахивал в такт прыжков крыльями, а не чем-нибудь иным! Это так поразило меня, что я позабыл обтереть мокрый палец, прежде чем положить его на спуск, и выстрелил. Беспольный выстрел сухо треснул в морозном воздухе.

И... о, чудо! Заяц сильнее взмахнул крыльями и стрелой полетел по просеке.

«Уйдет, - мгновенно пронеслось в моей голове. – Уйдет чудо, помесь беляка и курицы, уникальный экспонат зоомузея, новая глава в бременской «Жизни животных».

Я вскинул ружье.

«Выручай, мое верное ружье, послужи не мне, послужи науке!» (Е. Терник «Крылатый заяц»)

Task 40. Translate into English:

А дело было так.

Ночью белячок обгладывал осину да держал уши торчком. Надо было прислушиваться, не подползет ли на брюхе рыжая лиса, не сторожит ли за кучей хвороста рысь с седыми бачками, не крадется ли отощавший волк, роняя на снег слюну.

От всех врагов уберется зайчишка. А от крылатого неприятеля не спасся. Небольшая сова – ночной хищник – кинулась на кормившегося зайца и впилась ему когтями в спину.

Обезумевший от боли и страха беляк рванулся вперед. Еще мгновение – и сова клювом оглушила бы его, разорвала лапами на части. Но заяц стремглав проскочил под каким-то поваленным деревом и убил сову, разможив ей о дерево голову.

И так крепка была судорожная хватка хищницы, что, даже мертвая, сова не выпускала своей жертвы из лап. Заяц пытался сбросить с себя мертвого ездока, подпрыгивал, встряхивался, катался по снегу, но сова, застыв, все так же цепко, как живая держалась за него. (*Е. Терник «Крылатый заяц»*)

Task 41. Translate into English:

Ночью, часов в 12, по Тверскому бульвару шли два приятеля. Один – высокий, красивый брюнет в поношенной медвежьей шубе и цилиндре, другой – маленький, рыженький человек в рыжем пальто с белыми костяными пуговицами. Оба шли и молчали. Брюнет слегка насвистывал мазурку, рыжий угрюмо глядел себе под ноги и то и дело сплевывал в сторону.

– Не посидеть ли нам? – предложил, наконец, брюнет, когда оба приятеля увидели темный силуэт Пушкина и огонек над воротами Страстного монастыря.

Рыжий молча согласился, и приятели уселись.

– У меня есть к тебе маленькая просьба, Николай Борисыч, – сказал брюнет после некоторого молчания. – Не можешь ли ты, друг, дать мне займы рублей десять – пятнадцать? Через неделю отдам...

Рыжий молчал.

– Я не стал бы тебя и беспокоить, если бы не нужда. Скверную штуку сыграла со мной сегодня судьба... Жена дала мне утром заложить свой браслет... Нужно ей за свою сестренку в гимназию заплатить... Я, знаешь, заложил и вот... при тебе сегодня в проиграл... (*А. Чехов «75000»*)

Task 42. Translate into English:

Рыжий задвигался и крякнул.

– Пустой ты человек, Василий Иванович! – сказал он, покрывивши рот злой усмешкой. – Пустой человек! Какое ты право имел садиться играть, если ты знал, что эти деньги не твои, а чужие? Ну, не пустой ли ты человек, не фат ли? Постой, не перебивай. Дай я тебе раз навсегда выскажу... К чему эти вечно новые костюмы, эта вот булавка на галстук? Для тебя ли, нищего, мода? К чему этот дурацкий цилиндр? Тебе, живущему на счет жены, платить пятнадцать рублей за цилиндр, когда отлично, не в ущерб ни моде, ни эстетике, ты мог бы проходить в трехрублевой шапке! К чему это вечное хвастанье своими несуществующими знакомствами? Знаком и с Хохловым, и с Плевако, и со всеми редакторами! Когда ты сегодня лгал о своих знакомствах, у меня за тебя глаза и уши горели! Лжешь и не краснеешь! А когда ты играешь с этими барынями, проигрываешь им женины деньги, ты так пошло и глупо улыбаешься, что просто... пощечины жалко!

– Ну, оставь, оставь... Ты не в духе сегодня... (*А. Чехов «75 000»*)

Task 43. Translate into English:

Василий Иванович покраснел, как школьник, и начал оправдываться. Рыжий настаивал на своем. Наконец оба мало-помалу умолкли и задумались.

– Это правда, я сильно завертелся, – сказал брюнет после долгого молчания. – Правда... Весь я потратился, задолжался, растратил кое-что чужое и теперь не знаю, как выпутаться. Совестно и людей и самого себя... Делаю массу глупостей, гадостей, из самых мелких побуждений, и в то же время никак не могу остановиться... Скверно! Получи я наследство или выиграй, так бросил бы, кажется, все на свете и родился бы снова... А ты, Николай Борисыч, не осуждай меня... не бросай камня... Вспомни Неклюжева...

– Помню я твоего Неклюжева, – сказал рыжий. – Помню... Стыдно писателям идеализировать таких подлецов! Не будь у этого Неклюжева счастливой наружности и галантных манер, не влюбилась бы в него купеческая дочка и не было бы раскаяния... Вообще подлецам судьба дает счастливые наружности... Все ведь вы купидоны. Вас любят, в вас влюбляются... Вам страшно везет по части женщин! (А. Чехов «75 000»)

Task 44. Translate into English:

По лицу Николая Борисыча пробежало чувство досады и гадливости... Он машинально, сам того не сознавая, протянул вперед руку и... Звук пощечины нарушил тишину ночи... Цилиндр слетел с головы брюнета и покатился по утопанному снегу. Все это произошло в одну секунду, неожиданно, и вышло глупо, нелепо. Рыжему тотчас же стало стыдно этой пощечины. Он уткнул лицо в полинялый воротник своего пальто и зашагал по бульвару. Дойдя до Пушкина, он оглянулся на брюнета, постоял минуту неподвижно и, словно испугавшись чего-то, побежал к Тверской...

Василий Иванович долго просидел молча и не двигаясь. Мимо него прошла какая-то женщина и со смехом подала ему цилиндр. Он машинально поблагодарил, поднялся и пошел.

«Сейчас зуденье начнется, – думал он через полчаса, взбираясь по длинной лестнице к себе на квартиру. – Достанется мне от супруги за проигрыш! Всю ночь будет проповедь читать! Скажу, что потерял деньги...» (А. Чехов «75 000»)

GLOSSARY

• LEXICAL TRANSLATION TECHNIQUES AND TRANSFORMATIONS

<i>Transformation and its definition</i>		Source language	Translation
Transcription	Transformation based on the conversion of the characters of one language to the characters of another language in accordance with the pronunciation of the target language.	Galsworthy Impeachment Cleveland White Hall Beatles Graham Greene	Голсуорси Импичмент Кливленд Уайт Холл Битлз Грэм Грин
Transliteration	Formal reproduction of the source lexical unit by means of the target language alphabet; a sort of letter-for-letter imitation of the source word.	Dorset ['do:sit] Campbell ['kʌmbel] Illinois [ili'noi] Scorpions Jennie Gerhardt Stallone [stʒ'loun]	Дорсет Кэмпбелл Иллинойс Скорпионс Дженни Герхардт Сталлоне
Loan translation	Literal, word-for-word or root-for-root translation.	Earthsea Head of the government Maldistribution of costs “Over the Cuckoo’s Nest” Work-to-rule “Quiet American”	Земноморье Глава правительства Неправильное распределение затрат “Над кукушкиным гнездом” Работа по правилам “Тихий американец”

<p style="text-align: center;">Concretization (and differentiation)</p>	<p>Translation of words with wide and non-differentiated meaning by words with a specified concrete meaning</p>	<p>My mother <u>had left</u> her chair in her agitation, and <u>gone</u> behind it in the corner.</p> <p>My old dear bedroom was changed, and I was <u>to lie a long way off</u>.</p>	<p>Взволнованная матушка <u>вскочила</u> со своего кресла и <u>забилась</u> в угол позади него.</p> <p>Моей милой спальни уже не было, и я должен был <u>спать в другом конце дома</u>.</p>
<p style="text-align: center;">Generalization</p>	<p>Transformation that is quite opposite in its character to concretization; it is used when it is unnecessary or undesirable to translate all the particulars.</p>	<p>I packed my two Gladstones.</p> <p>He was <u>5 foot 5 inches tall</u>.</p>	<p>Я упаковал свои два <u>чемодана</u>.</p> <p>Он был <u>выше среднего роста</u>.</p>
<p style="text-align: center;">Antonymic translation</p>	<p>Transformation based on antonymy: a certain word is translated not by the corresponding word of the target language but by its antonym with the addition of a negation (or, if there is a negation in the original sentence, it is omitted in translation)</p>	<p>It <u>wasn't too far</u>.</p> <p>The woman at the other end asked him <u>to hang on</u>.</p> <p>I had myself awakened every morning at six and wrote <u>with perseverance</u> till hunger <u>forced</u> me to break off and have breakfast.</p> <p><u>No man</u> is wise at all times.</p>	<p>Это <u>оказалось довольно близко</u>.</p> <p>Женщина на другом конце провода попросила его <u>не класть трубку</u>.</p> <p>Я просил будить меня в шесть часов утра и работал, <u>не отрываясь</u>, пока голод <u>не гнал</u> меня завтракать.</p> <p><u>На всякого</u> мудреца довольно простоты.</p>

<p style="text-align: center;">Descriptive translation</p>	<p>Translation technique used primarily to render realia or other equivalent-lacking words by means of explanation given in several words.</p>	<p>Кружалo Айран ЧК</p>	<p>Kruzhalo (ring-shaped base of the wooden church) Beverage made from fermented milk Cheka (Extraordinary Commission for the Struggle against Counter-Revolution and Sabotage)</p>
<p style="text-align: center;">Semantic development (or modulation)</p>	<p>Transformation based on logical (most often cause-and-effect) connection between two phenomena, one of which is named in the original text and the other used as its translated version.</p>	<p>Mr. Kelada’s brushes ... would have been all the better for a scrub. (<i>Why?</i>)</p> <p>I not only shared a cabin with him and ate three meals a day at the same table... (<i>So what is the result of it?</i>)</p> <p>The window was full of clothes I wouldn’t want to be seen dead in.</p>	<p>Щетки мистера Келады ... не отличались чистотой. (<i>Logical and semantic development: Because they were not clean</i>)</p> <p>... три раза в день встречался с ним за одним столом. (<i>Logical and semantic development: I ate three meals a day at the same table with him, consequently Я три раза в день встречался с ним за одним столом</i>)</p> <p>В витрине были выставлены платья, в которых я не хотела бы даже лежать в гробу. (<i>A dead person is usually put in a coffin and ‘to be seen dead in a dress’ logically implies lying in the coffin in such a dress.</i>)</p>

Compensation	<p>Transformation whose essence consists in keeping a general stylistic balance based on compensating some inevitable stylistic losses by introducing stylistically similar elements in some other utterances or by employing different linguistic means creating the same general effect.</p>	<p>You can't have no rolls. ... and if you tell this feller the reason of your 'usband's 'avin' done what he did, m'am – and stop 'em gluin' their noses to the shop winder. He was ashamed of his parents. They said: "She don't", "I does" and the stuff like that.</p>	<p>А булочков-то не будет. ... Так вот, мэ, если бы вы сказали этому газетному прихвостню, почему ваш супруг учинил это над собой, они бы перестали совать свой нос, куда не след. Ему было стыдно за своих родителей, которые говорили 'хочут' и 'польта'.</p>
---------------------	--	--	---

• GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS

Transformation and its definition	Source language	Translation
<p>TRANSPOSITION</p> <p>Rearrangement of the order of linguistic elements, such as words, phrases, clauses and sentences in accordance with the thematic-rhematic relations existing between the communicative elements.</p>	<p><u>A match</u> flared in the darkness. (<i>Rheme is at the beginning of the sentence</i>)</p> <p>The sun had got more powerful by the time we had finished breakfast...</p>	<p>В темноте вспыхнула <u>спичка</u>. (<i>Rheme is at the end of the sentence</i>)</p> <p>К тому времени, как мы позавтракали, солнце припекало уже всюю... (<i>Direct translation of this sentence is impossible, because it would change the logical meaning; therefore translation demands transposition</i>)</p>
<p>ADDITION</p> <p>Transformation that is caused by the necessity to give explanations of certain notions which have no names in the target language, to add words which are implied, to compensate for the lack of grammatical forms, etc.</p>	<p>... Madame Lamotte, who was still in front of <u>the Meissonier</u>.</p> <p>The actions of Congress and of North Carolina and Tennessee statesmen, aided by gifts of wise <u>conversationalists</u>, have set this land aside as Great Smoky National Park.</p>	<p>...мадам Лямот, которая все еще стояла перед <u>картиной Месонье</u>.</p> <p>Эта местность на берегу реки Смоки-Хилл была превращена в Национальный парк благодаря усилиям Конгресса и, а также благодаря пожертвованиям <u>любителей природы, понимающих всю важность ее сохранения</u>.</p>

<p>OMISSION</p> <p>Transformation that is caused by the necessity to reduce the redundancy of the text.</p>	<p>He was <u>breathless and dead</u>.</p> <p>They were sent to the house of an old Professor who lived in the heart of the country, <u>ten miles from the nearest railway station and two miles from the nearest post office</u>.</p>	<p>Он был <u>мертв</u>.</p> <p>Их отправили к старику профессору, который жил в самом центре Англии, <u>в десяти милях от ближайшей почты</u>;</p>
<p>REPLACEMENTS</p> <p>A. Replacement of word-forms (number, tense, voice, etc.)</p> <p>B. Replacement of parts of speech</p> <p>C. Replacement of sentence elements</p> <p>D. Replacement of sentence types (uniting and dividing)</p> <p>E. Replacement of the type of syntactic relations (substitution of coordination by subordination and vice versa)</p> <p>F. Replacement of the type of syntactic connection (substitution</p>	<p>Your <u>hair</u> is so lovely. (Sg.)</p> <p>He gave us <u>a look</u>.</p> <p><u>The new film</u> is much spoken about. (Subject)</p> <p>I heard my mother go out and close the door. (Simple sentence)</p> <p>This was hardly what I intended. (Complex)</p> <p>So I started walking way over east, where the pretty cheap restaurant are, <u>because I didn't want to spend a lot of dough</u>. (Subordinate clause)</p> <p>It made them nervous <u>and</u> excited, <u>and</u> they stepped on things, <u>and</u></p>	<p>У тебя такие <u>красивые волосы</u>. (Pl.)</p> <p>Он <u>взглянул</u> на нас.</p> <p><u>О новом фильме</u> много говорят. (Object)</p> <p>Я услышал, как мама вышла из комнаты и закрыла двери. (Complex sentence)</p> <p>У меня были совсем другие намерения. (Simple)</p> <p>Я пошёл к восточным кварталам, где были дешёвые рестораны: <u>не хотелось тратить много денег</u>. (Coordinate clause)</p> <p>Они волновались, нервничали; они роняли то одно, то другое, без</p>

<p>of syndetic connection by asyndetic and vice versa)</p>	<p>put things behind them; <u>and</u> then couldn't find them when they wanted them; <u>and</u> they packed the pies at the bottom, <u>and</u> put heavy things on top, <u>and</u> smashed the pies in.</p>	<p>конца искали вещи, которые сами же перед тем ухитрялись спрятать. Они запикивали пироги на дно и клали тяжелые предметы сверху, так что пироги превращались в месиво.</p>
---	---	--

REMEMBER:

in practice it is hardly possible to find grammatical and lexical transformations in their 'pure' form – in most cases it is necessary to combine them.

• TYPES OF EQUIVALENTS

Type of equivalent	Basic characteristics	Examples
Permanent equivalent	This group includes target language units that have one-to-one correspondence in the source languages.	London – Лондон oxygen – кислород machine-gun – пулемет
Regular (also non-permanent or variable) equivalent	Here belong such language units that have one-to-many regular correspondence between source and target language units (i.e. several equivalents). Regular equivalents can be lexical, phraseological, grammatical.	Attitude: 1. I don't like your <u>attitude</u> to your work. (=отношение) 2. There is no sign of any change in the <u>attitudes</u> of the two sides. (=позиции) 3. he stood there in a threatening <u>attitude</u> . (=поза)
Occasional equivalent (also contextual substitute)	It is an exceptional translation of a source language unit, which suits a particular context. Most often it is employed to render equivalent-lacking words and notions.	<u>Miss P. Saucier</u> was hired as a sales girl... <u>Мисс Б.Алда</u> работала продавщицей... Lady-killer - сердцеед

Literature and Internet sources:

- Казакова Т.А. Практические основы перевода. Учебное пособие. – СПб.: Союз, 2004. – 320 с.
- Казакова Т.А. Imagery in Translation. Практикум по художественному переводу. Ростов-на-Дону: «Феникс», Санкт-Петербург: «Союз», 2004.
- Казакова О.В. Особенности художественного перевода. Практикум-хрестоматия. Ростов-на-Дону, «Феникс», 2006.
- Комиссаров В.Н., Кораллова А.Л. Практикум по переводу с английского языка на русский: Учеб.пособие для ин-тов и фак-тов иностр.яз. – М.: Высш.шк., 1990. – 127 с.
- Петрова О.В. Введение в теорию и практику перевода (на материале английского языка). – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 96 с.
- Пиввуева Ю.В., Двойнина Е.В. Пособие по теории перевода (на английском материале). – М.: Филоматис, 2004. – 304 с.
- Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Междунар.отношения, 1974. – 216 с.
- Сапогова Л.И. Переводческие преобразования текста. Учебное пособие. Москва, «Флинта», «Наука», 2009. – 320 с.
- <http://www.sttmedia.com/transcription>
- <http://waucondastore.com/equivalents-in-translation/>
- <http://translationjournal.net/journal/37characto.htm>